

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1(103)

Выходит 4 раз в год. Год издания 17-й

Январь—март 2010

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Междисциплинарный
академический центр
социальных наук
(Интерцентр)

Редакционный совет:

Т.И. Заславская
(председатель)
А.Г. Аганбегян
А.Г. Вишневский
Т.Е. Ворожейкина
Л.М. Дробижева
Н.М. Римашевская
Т. Шанин
В.А. Ядов
Е.Г. Ясин

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)
А.И. Гражданкин
Б.В. Дубин
(зам. главного редактора)
Н.А. Зоркая
(ответственный секретарь)
М.Д. Красильникова
Г.А. Стерликова
Л.А. Хахулина
(зам. главного редактора)

Подписной индекс
по каталогу
ОАО «Роспечать»
«Газеты. Журналы»
83193

По Объединенному каталогу
«Пресса России» 87847

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 3, 18, 64

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Борис ДУБИН. «Особый путь» и социальный порядок
в современной России 8

Анна МОРГУНОВА. Идеологии и стратегии доминирования
в дискурсе российского и белорусского президентов 19

Елена КОЛОЧАРОВА. Политическая идентичность
в социологическом измерении 48

Сергей МИЦЕК. Россия на переломе: проблемы и перспективы 57

Рим ВАЛИАХМЕТОВ, Регина МУХАМАДИЕВА,
Гульдар ХИЛЖЕВА. Опыт социологического исследования
проблемы суицида 65

Любовь БОРУСЯК. «Старое доброе кино» и постсоветский
телеопыт 90

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Лариса ФЕДОТОВА. Разговор ученика с учителем 102

ОТКЛИКИ, ПОЛЕМИКА

Игорь ДОЛУЦКИЙ. Письмо в редакцию «Об одной статье» 109

Екатерина ЛЕВИНТОВА, Джим БАТТЕРФИЛД.
Ответ на письмо И.И. Долуцкого 115

Авторы номера

116

К юбилею А.Г. Вишневского

117

SUMMARY

118

Ответственный редактор
выпуска *Б.В. Дубин*

Редактор, корректор
О.А. Афанасьева

Компьютерная верстка
Г.И. Самарина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел.: (495) 229 3810
E-mail: direct@levada.ru

Междисциплинарный академический центр социальных наук (Интерцентр)
119571, Москва, просп. Вернадского, 82. Тел.: (495) 564 8582

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна
Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, Интерцентр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1(103)

Quarterly

January–March 2010

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

The Interdisciplinary
Academic Centre for
Social Sciences
(InterCentre)

Members of the Editorial Council

Tatyana Zaslavskaya
(Chair)
Abel Aganbeghian
Anatoly Vishnevsky
Tatyana Vorozheikina
Leokadia Drobizheva
Natalia Rimashevskaya
Teodor Shanin
Vladimir Yadov
Yevgenii Yassin

Editorial Board

Lev Gudkov
(Editor-in-Chief)
Boris Dubin
(Deputy Editor-in-Chief)
Alexei Grazhdankin
Ludmila Khakhulina
(Deputy Editor-in-Chief)
Marina Krasilnikova
Galina Sterlikova
Natalia Zorkaya
(Executive Secretary)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS 3, 18, 64

THE RUSSIAN SOCIETY ISSUES

«The Special Way» and Social Order in Modern Russia (by Boris Dubin) 8
Ideologies and Strategies of Domination in the Discourse of Russian and Byelorussian Presidents (by Anna Morgunova) 19
Political Identity in Sociological Dimension (by Elena Kolocharova) 48
Russia at the Turning-Point: Issues and Prospects (by Sergei Mitze) 57
An attempt of Sociological Research of Suicide (by RimValiahmetov, Regina Muhamadieva, Guldar Hilazheva) 65
«Good Old Movie» and Post-Soviet Television Experience (by Lubov Borusyak) 90

FROM RECENT HISTORY OF THE RUSSIAN SOCIOLOGY

Conversation of an Apprentice with a Teacher (by Larissa Fedotova) 102

COMMENTS, DISPUTES

A Letter to the Editorial Board «On One Article» (by Igor Dolutskiy) 109
A Reply to I.Dolutskiy's Letter (by Yekaterina Levintova and Jim Butterfield) 115

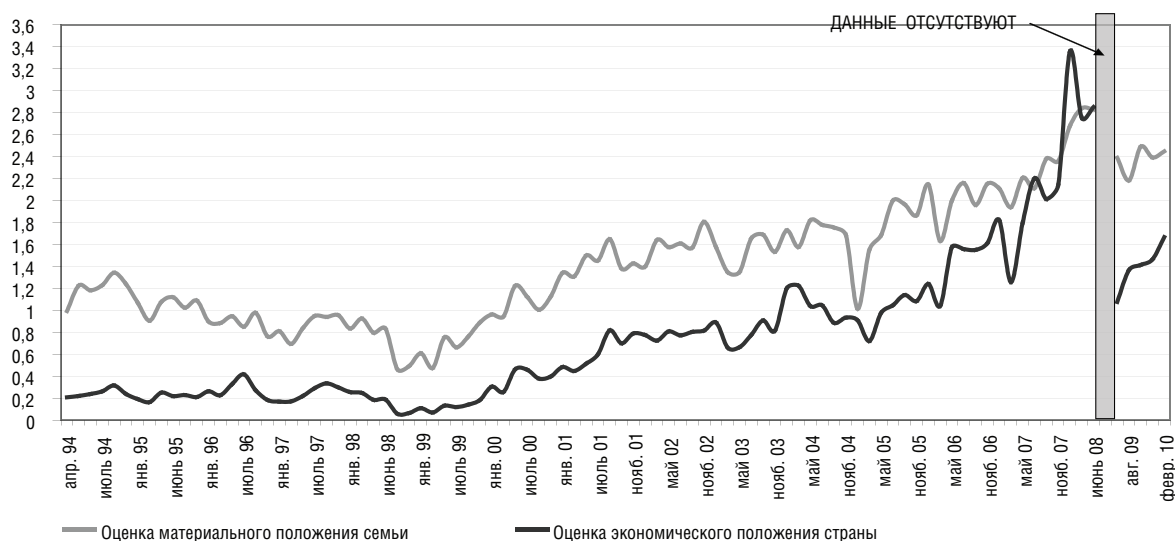
Autors of the issue 116

A.G.Vishnevsky Jubilee 117

SUMMARY 118

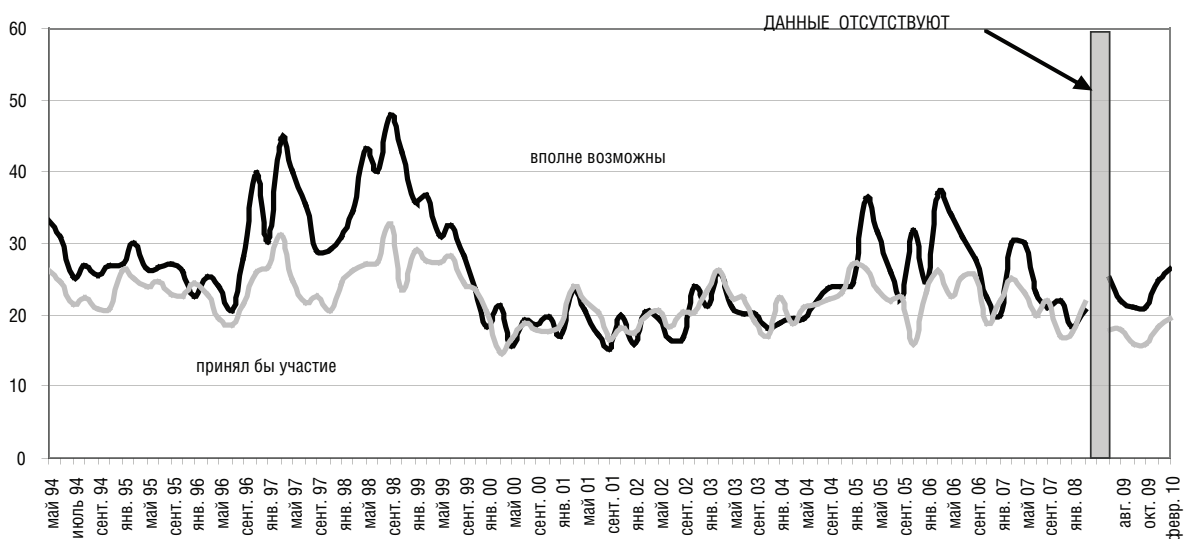
МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

1. ОЦЕНКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОЛОЖЕНИЯ СТРАНЫ И СВОЕЙ СЕМЬИ

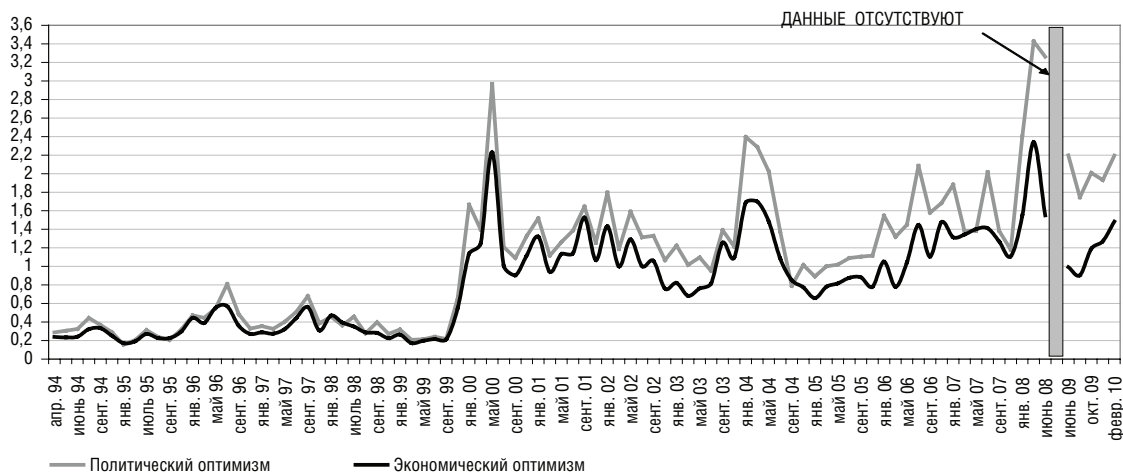
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

2. ПОТЕНЦИАЛ ПРОТЕСТА

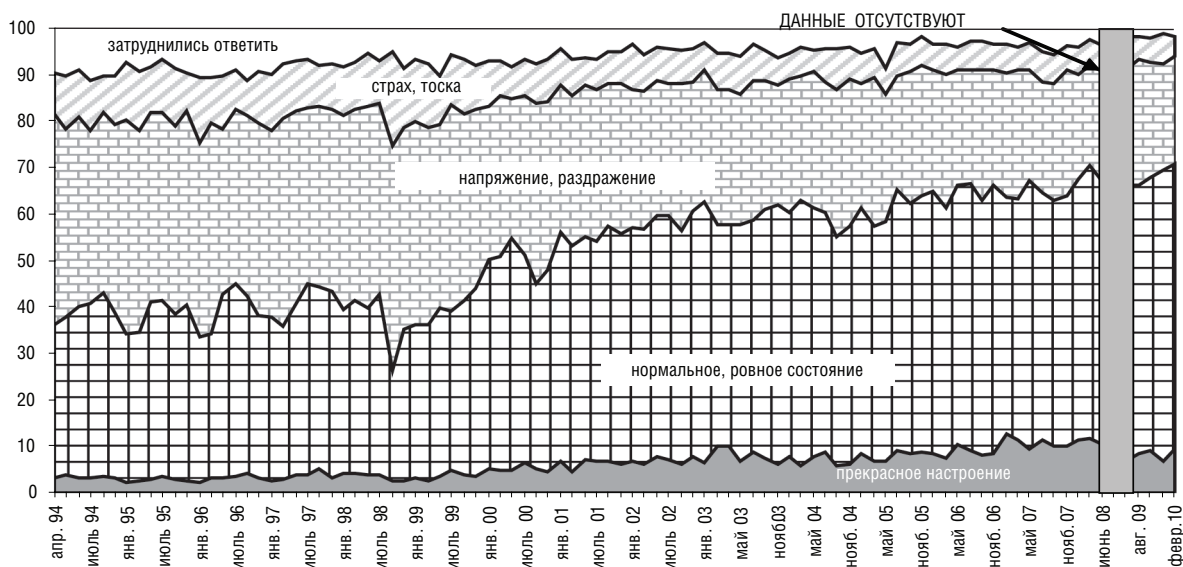
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

3. ПОКАЗАТЕЛИ ОПТИМИЗМА

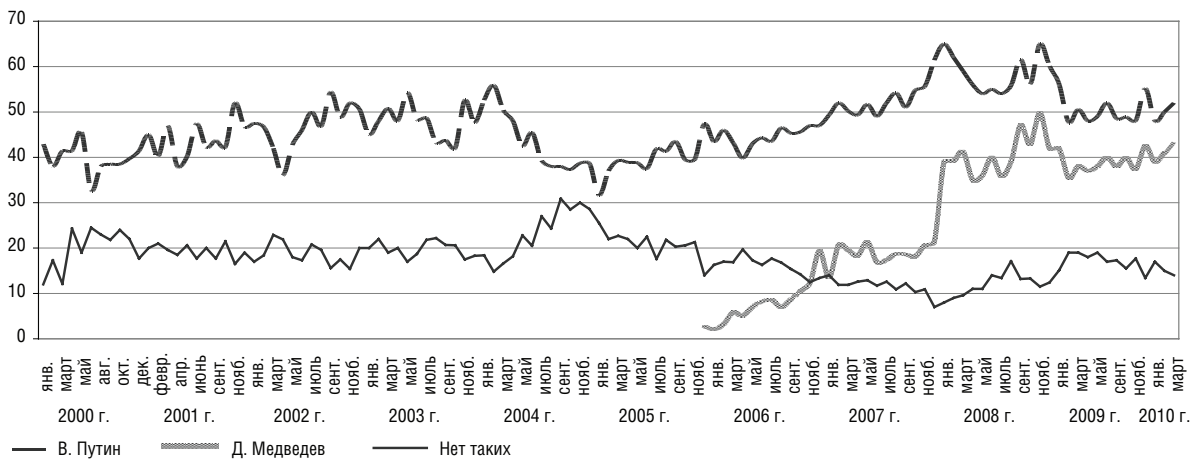
До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

4. ЧТО ВЫ МОЖЕТЕ СКАЗАТЬ О СВОЕМ НАСТРОЕНИИ В ПОСЛЕДНИЕ ДНИ?

До июня 2008 г. N=2100; с июня 2009 г. N=1600

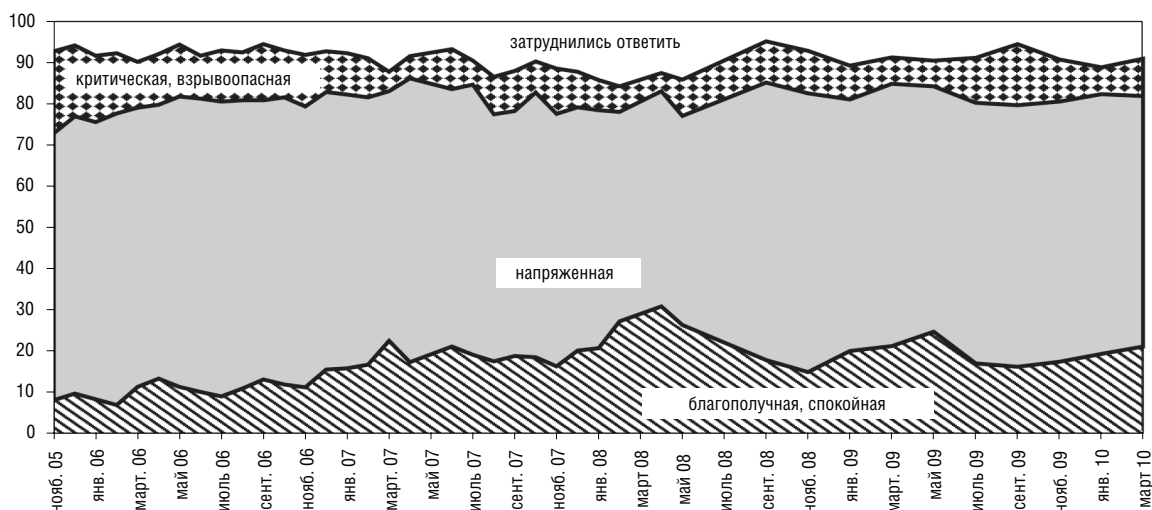
4а. Доверие к Д. Медведеву и В. Путину (в % от числа опрошенных)

46. НАЗОВИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, 5–6 ПОЛИТИКОВ, КОТОРЫМ ВЫ БОЛЕЕ ВСЕГО ДОВЕРЯЕТЕ (в % от числа опрошенных, приводятся данные о доверии политикам, собравшим хотя бы в одном замере не менее 3%)

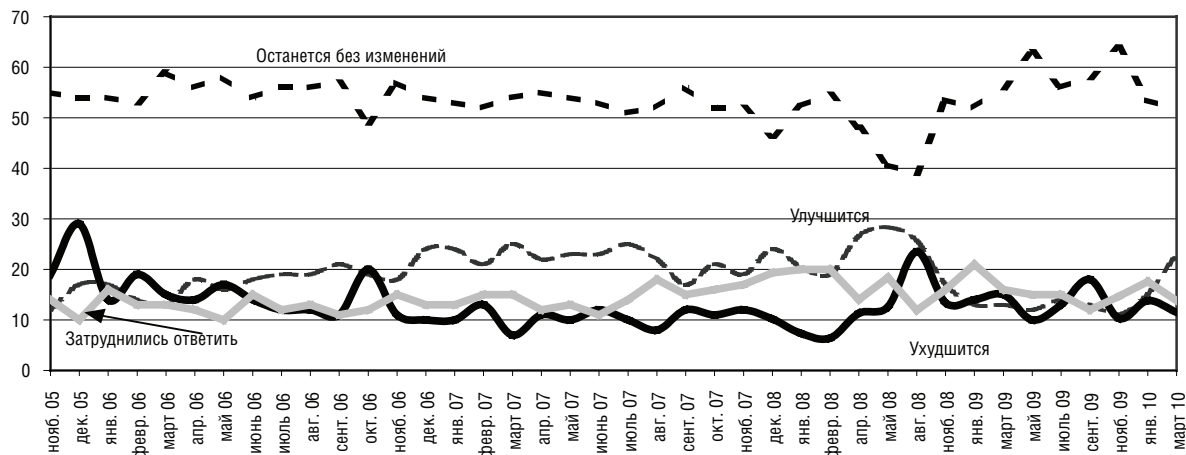
Вариант ответа	2008						2009						2010			
	I	IV	V	VIII	X	XII	I	III	V	VII	IX	X	XII	I	II	III
Грызлов Б.	3	4	4	3	3	4	4	3	3	3	4	4	4	4	4	4
Жириновский В.	10	9	8	7	10	9	10	9	10	11	10	10	11	9	10	9
Зубков В.	14	11	8	4	4	2	2	3	3	2	3	2	2	2	2	2
Зюганов Г.	9	11	9	8	9	7	9	8	8	9	11	9	10	8	10	8
Иванов С.	23	20	11	10	8	7	7	7	7	6	4	6	4	3	5	5
Кудрин А.	1	2	2	2	2	1	1	2	2	3	3	3	3	2	2	2
Лавров С.	2	3	4	7	6	4	6	6	7	6	4	6	6	4	4	5
Лужков Ю.	8	6	7	7	7	7	6	5	7	8	6	5	5	3	4	5
Лукашенко А.	2	2	2	3	3	5	3	3	4	4	3	4	4	2	4	3
Матвиенко В.	3	5	5	3	5	7	4	3	5	6	4	5	7	3	5	4
Медведев Д.	39	35	36	39	43	42	42	38	38	41	38	40	43	39	41	43
Миронов С.	5	3	3	3	3	4	3	3	3	3	3	3	5	4	4	4
Патриарх Кирилл	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	8
Примаков Е.	4	3	3	3	3	3	2	3	4	3	3	5	5	4	5	4
Путин В.	65	56	54	56	56	60	56	51	49	53	49	49	55	48	50	52
Тулеев А.	4	5	4	3	6	5	3	3	5	4	3	5	5	3	5	7
Хакамада И.	2	2	1	2	2	2	2	1	3	2	2	2	2	1	2	2
Шойгу С.	17	18	15	20	16	14	13	13	14	16	14	14	17	13	15	16
Нет таких	8	11	11	17	13	12	15	18	19	15	17	16	13	17	15	14
Не интересуюсь политиками, политикой	10	13	14	11	14	9	14	15	14	13	16	17	12	14	13	15
Затруднились ответить	5	7	7	4	5	6	6	5	6	6	6	6	5	6	6	6

5. КАК ВЫ ОЦЕНИЛИ БЫ СЕЙЧАС ОБСТАНОВКУ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

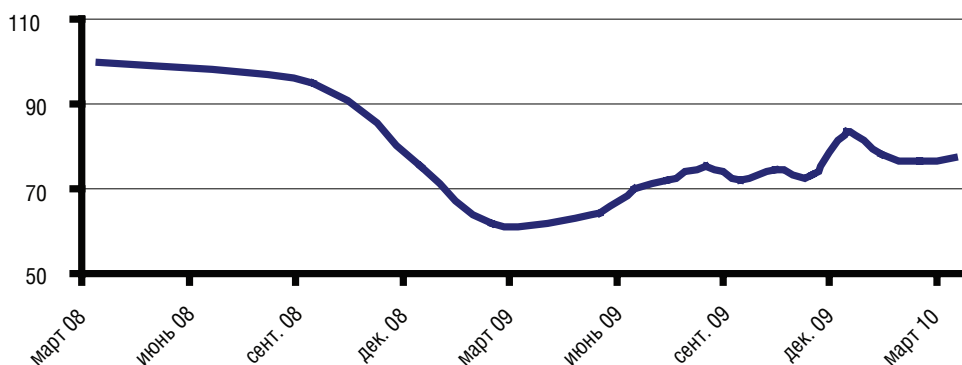
N=1600

5.1. КАК ИЗМЕНИТСЯ В ТЕЧЕНИЕ БЛИЖАЙШЕГО ГОДА ОБСТАНОВКА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ?

N=1600

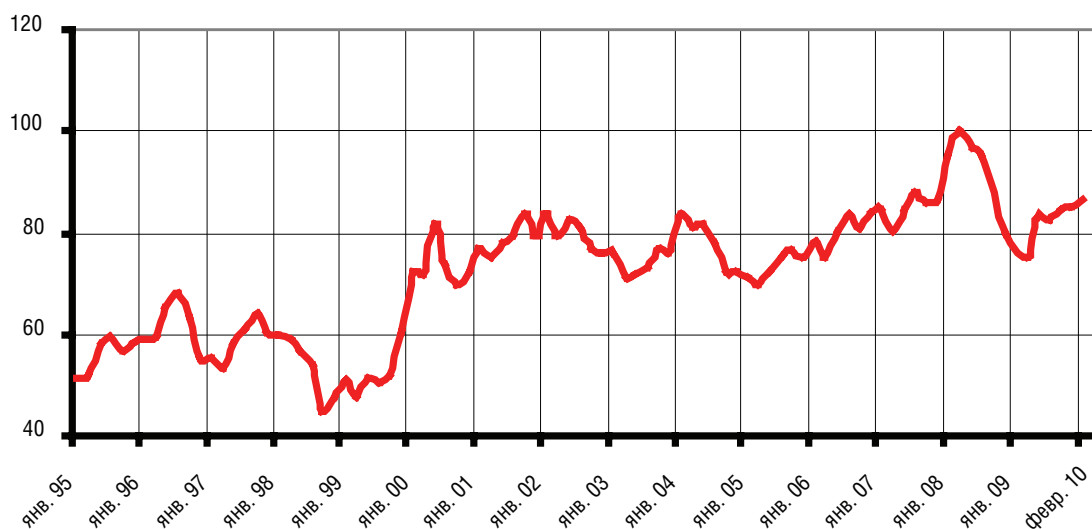
6. ИНДЕКС ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ НАСТРОЕНИЙ (ИПН), март 2008 г. = 100%

В марте 2010 г. ИПН (индекс потребительских настроений) сохранился на уровне начала года и составил 96 пунктов. Восстановительный рост потребительского оптимизма после острой фазы экономического кризиса в конце 2008 – начале 2009 г. закончился уже к концу лета прошлого года. Предновогодний всплеск потребительских настроений, сопутствующий массовым предпраздничным покупкам, в нынешний раз был особенно кратковременным. В итоге в марте 2010 уровень потребительских настроений лишь немногим превышает показатели полугодовой давности. Это означает, что потребители не спешат возвращаться на рынки, предпочитая воздерживаться от не слишком настоятельных расходов. Согласно данным мартовского опроса городских и сельских жителей России, по-прежнему значительная часть семей склонна отложить на будущее запланированные крупные потребительские расходы (38% от числа семей, в которых запланированы такие расходы).

Большинство населения отрицательно оценивают ситуацию на потребительском рынке с точки зрения своевременности крупных покупок: в среднем 29% считают, что сейчас плохое время для крупных семейных покупок, а 22% расценивают его как хорошее. Противоположного мнения придерживаются только наиболее обеспеченные граждане (это примерно 15% жителей страны): в этой группе число тех, кто расценивает сегодняшнюю ситуацию на потребительском рынке как благоприятную для покупок, вдвое превышает долю тех, кто считает ее неподходящей (36 против 15%).

6.1. ИНДЕКС СОЦИАЛЬНЫХ НАСТРОЕНИЙ (ИСН), март 2008 г. = 100%

В первом квартале 2010 г. общественные настроения оставались неизменными — об этом свидетельствует динамика ИСН (индекса социальных настроений). Вялый положительный тренд, наметившийся со второй половины 2009 г., все никак не может получить развития. Общество пока не может определиться с оценкой своего местоположения на кризисной кривой — кризис продолжается, кризис заканчивается или уже начинается послекризисный рост? Опыт последнего десятилетия показывает, что в таком неопределенном состоянии общество может находиться достаточно долго, однако без всякой пользы для собственного развития.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Борис ДУБИН

«Особый путь» и социальный порядок в современной России*

1

По данным социологических опросов последнего десятилетия видно: трое из пяти взрослых россиян раз за разом соглашались с мнением, что Россия должна идти по особому пути, отличающему ее от всех других стран. Между тем в конце 1980 — начале 1990-х, примерно до 1992 г., сознание принадлежности к стране, в тот период еще советской, сопровождалось у относительного, но явного большинства жителей России самыми негативными чувствами — ненужности советского опыта никому в мире, пребывания страны на обочине цивилизации, острого ощущения дефицитности всех благ, собственной нищеты и отсталости¹. В зна-

* В основе текста — выступление на Шестых Старовойтовских чтениях (Санкт-Петербург, 20 ноября 2009 г.), а затем на XVIII Банных чтениях (Москва, 2 апреля 2010 г.). Статья продолжает и развивает многолетние разработки сотрудников Левада-Центра по данной теме, см.: *Левада Ю.* «Человек советский» как человек «особенный» // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2003. № 2. С. 7–14; коллективную публикацию: Мифологизация комплексов национальной неполноценности // Там же. 2008. № 6. С. 65–88 (статьи Л. Гудкова, А. Левинсона, Н. Зоркой, перепечат. в кн.: Старо-новые мифы: кризис знания или сознания? Материалы немецко-российского форума. М.: Фонд Ф.Науманна; АИРО-XXI, 2009), а также работы автора: Между Востоком и Западом: символика границы в постсоветской политической мифологии // Пограничные культуры между Востоком и Западом: Россия и Испания. СПб: СП Санкт-Петербурга, 2001. С. 147–158; «Противовес»: символика Запада в России последних лет // Pro et Contra, 2004. Т. 8. № 3. С. 23–35; Россия и другие // Знамя, 2006. № 4. С. 156–162; Запад, граница, особый путь: образ другого в политической мифологии россиян // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. М.: Наука, 2007. С. 624–661.

¹ См., например, данные опроса ВЦИОМ в 1989 г.: Есть мнение! М.: Прогресс, 1990. С. 284. Впрочем, отдельные — и различающиеся по политическим пристрастиям — продвинутое творческой интеллигенции, несколько опережая в этом массовое сознание, уже тогда прокламировали неприятие настоящего с его попытками реформ (условно назову здесь в качестве симптома фильм Ст. Говорухина «Так жить нельзя», 1990, три премии «Ника», лучший фильм года по результа-

чительной мере подобные оценки транслировались и поддерживались тогда каналами печатной и аудиовизуальной коммуникации, прежде всего — новыми и независимыми. Они же заинтересованно обсуждали проблематику альтернативы советскому (Швеция, Китай, США и др.), выдвигали новые ориентиры развития для страны, в которой и «сверху», и «снизу» как будто бы нарастал призыв к крупномасштабным переменам. Отклик массового сознания на эти дискуссии отражался в тогдашних опросах общественного мнения.

Мифология «особого пути» и особых качеств российского человека начала активизироваться в массовом сознании с середины девяностых. Так в 1994 г. относительное большинство респондентов (41 % из 3 тысяч опрошенных тогдашним ВЦИОМом) признавали, что Россия отстала в развитии от большинства передовых стран, однако уже 32% соглашались с тем, что Россия развивается по особому, своему пути, и ее нельзя сравнивать с другими странами (8% придерживались мнения, что Россия всегда была в числе первых и не уступит этой роли). В дальнейшем доля приверженцев второй и третьей позиции только росла, и в октябре 2008 г. они в сумме составили две трети опрошенных (см. табл. 1).

там читательской анкеты журнала «Советский экран») и ориентацию на утраченное славное прошлое (скажем, повесть Э. Лимонова «У нас была великая эпоха», 1989; фильм того же Говорухина «Россия, которую мы потеряли», 1992). Повесть Лимонова, напомню, публиковалась в журнале «Знамя», тираж которого в это время приближался к миллиону экземпляров.

Богатейший материал о тогдашнем моменте своего рода исторической «паузы» был ретроспективно представлен в специальных номерах журнала «Новое литературное обозрение» «1990-й год: опыт изучения недавней истории» (2007. № 83, 84).

Таблица 1
С КАКИМ ИЗ СЛЕДУЮЩИХ СУЖДЕНИЙ ВЫ В БОЛЬШЕЙ МЕРЕ СОГЛАСНЫ? (в % от числа опрошенных в каждом исследовании)

Вариант ответа	1994, N=3000	2000, N=1600	2008, N=1600
Россия отстала в развитии от большинства передовых стран	41	50	28
Россия всегда была в числе первых и не уступит этой роли	8	10	20
Россия развивается по особому, своему пути, и ее нельзя сравнивать с другими странами	32	34	46
Затрудняюсь ответить	19	6	7

За этим процессом на его начальных стадиях можно видеть символическую компенсацию за тягостные для большей части россиян «внутренние» обстоятельства — последствия экономических реформ, начатых в 1992 г. и, если говорить о «внешних» факторах, нарастающую — в связи с Чеченской войной, укреплению роли силовиков в российском руководстве, все большей «неуправляемостью» президента страны — изоляцию России в мировом общественном мнении. Одновременно с этим у значительной части россиян стала усиливаться тяга к символическому воссоединению, примирению с советским прошлым, с его по-новому, уже из нынешней ситуации и по контрасту с ней отобранными, препарированными и представленными образами и фигурами. Параллельно в коллективном сознании — опять-таки при поддержке массовых коммуникаций, но уже заметно меняющих ориентиры и оценки — реанимировался «образ врага» (врагов)¹.

2

В социологическом анализе комплекса или синдрома личности допустимо идти методологически разными путями. Скажем, можно вычленять в морфологии этого смыслового образования «археологические» слои значений, соотносимых в том числе с разными периодами времени: различать традиционалистский слой семантики, отсылающей к дореволюционному, национальному, русскому (здесь особую роль

будут играть «русские традиции», «русская культура»); державно-советские компоненты (реликты великой миссии, героических испытаний и свершений); уравнилельно-коммуитарные значения, отсылающие также к советскому, но в значительной мере уже к постсоветскому опыту и представляющие собой символическую защиту от изменений, страховку от риска и поражения в условиях неопределенности, выбора (образы нерасчлененной массы, негативное отношение к индивидуализму и успеху). При анализе в терминах социокультурного пространства возникает возможность представить разные слои семантики в данном смысловом комплексе как соотнесенные значения периферии (провинции, «глуши»), центра (столицы, Москвы) и — через смысловой и модальный барьер или разрыв — страны в целом против столь же обобщенного образа Запада; речь в этом перечислении идет, разумеется, не о географических точках или пространствах, а о совокупностях значений, кодируемых соответствующими именами².

В любом случае исследователю приходится, во-первых, постоянно иметь в виду несовпадение и взаимодействие изоляционистской мифологии личности и практики приспособления к «Другому», другим — медленную, вынужденную адаптацию к известному социальному и культурному разнообразию, элементам «западного» и «всеобщего» в работе некоторых социальных институтов, повседневном обиходе, программах медиа и т. д. Значимость этих последних моментов жители России признают (в 1994 и 2003 гг. до 60% опрошенных соглашались с тем, что «рано или поздно Россия пойдет по пути, общему для всех цивилизованных стран»). Но признают, как правило, в неопределенно-будущем залоге, что освобождает их от индивидуальной инициативы в настоящем, а значит? и от личной ответствен-

² Сравнение мифологем российского «особого пути» и германского Sonderweg, представлений о «промежуточном положении» двух этих стран, как, впрочем, и Испании с ее идеологией Hispanidad и т. д., не входит в мою задачу, это должно быть предметом специальных исследований. Однако не могу не напомнить две цитаты, которые однажды уже приводил: «Разве ты не слышал о... немецком странствии, о бесконечном пребывании в пути немецкой сущности...?» (Томас Манн «Доктор Фаустус») и «На протяжении всей нашей истории мы, немцы, находились между Западом и Востоком» (Альфред Вебер. «Германия и Восток»); эти формулировки и их обсуждение см.: Мониторинг общественного мнения. 2000. № 6. С. 32–33.

Скажу сразу: ничего уникального в отечественной мифологеме особого пути — ни в ее конструкции, ни в содержательном наполнении — я не вижу, мы наверняка найдем (и находим!) ее во многих других странах на определенных этапах их истории. Уникальность российской мифологемы — в ее живучести.

¹ См.: Гудков Л. Идеологема «врага» // Он же. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 555 и далее, а также составленный им в начале 2000-х гг. сборник: Образ врага. М.: ОГИ, 2005 (вошедшие в него материалы обсуждались на дискуссии в московской галерее «Улица ОГИ» в октябре 2002 г.).

ности за желаемое, равно как и нежелаемое, будущее. Точно так же, во-вторых, стоит разграничивать по модальности и функциональному значению *проспективный* план представлений о «пути» (он выступает как «общий для всех», но эти общие значения ценного и желательного переносятся, как только что указывалось, в неконтролируемое *будущее*) и план *ретроспективный* — в нем, собственно, и подчеркиваются значения особенности, которые, заметим, отсылают исключительно к *прошлому* и удостоверяют, узаконивают и поддерживают, консервируют этим статус-кво, *нынешние* представления и оценки.

Рассмотрим некоторые данные общероссийских социологических опросов на этот счет.

КОГДА ВЫ ГОВОРите ОБ «ОСОБОМ ПУТИ» РОССИИ, ЧТО ВЫ ПРЕЖДЕ ВСЕГО ИМЕЕТЕ В ВИДУ? (в % от числа опрошенных; приводятся лишь ведущие характеристики, аккумулирующие ответы значительных групп населения)

Вариант ответа	%
Особая роль государства, которое заботится о народе, руководит им и обеспечивает его развитие	36
Различие ценностей и традиций России и Запада	33
Исторический путь трагических испытаний, страданий, породивший особый тип человека	23
Промежуточное положение России между Европой и Азией, евразийская цивилизация	21

2008, N=1600

Таблица 2

ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО НАША СТРАНА ОТЛИЧАЕТСЯ ОСОБОЙ САМОБЫТНОСТЬЮ И ДУХОВНОЙ КУЛЬТУРОЙ, ПРЕВОСХОДЯЩЕЙ ВСЕ ДРУГИЕ СТРАНЫ? (в % от числа опрошенных в каждом исследовании)

Вариант ответа	2000	2008
Определенно и скорее да	72	80
Определенно и скорее нет	20	15
Затрудняюсь ответить	8	5

N=1600

Таблица 3

ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК ОБЛАДАЕТ ОСОБОЙ ДУШЕВНОСТЬЮ, КОТОРАЯ НЕ СВОЙСТВЕННАЯ «ЗАПАДНОМУ» ЧЕЛОВЕКУ? (в % от числа опрошенных в каждом исследовании)

Вариант ответа	2000	2008
Определенно и скорее да	87	84
Определенно и скорее нет	8	10
Затрудняюсь ответить	5	6

N=1600

Таблица 4

ВЫ СОГЛАСНЫ ИЛИ НЕ СОГЛАСНЫ С ТЕМ, ЧТО РУССКОМУ ЧЕЛОВЕКУ ЧУЖДА МЕЛОЧНАЯ РАСЧЕТЛИВОСТЬ «ЗАПАДНОГО» ЧЕЛОВЕКА? (в % от числа опрошенных в каждом исследовании)

Вариант ответа	2000	2008
Определенно и скорее да	77	74
Определенно и скорее нет	15	17
Затрудняюсь ответить	8	9

N=1600

Если суммировать ответы россиян на приведенные и ряд других вопросов о содержательных характеристиках российской (и связанной с ней советской) особенности, то основные, повторяющиеся и наиболее массово представленные позиции выглядят следующим образом. Россияне прежде всего отмечают здесь:

- различие западных и российских *ценностей, традиций* (граница, барьер, разрыв);
- особую роль *государства* в его отношениях с населением (власть — сила, конституирующая социальный мир и коллективную идентичность);

- *массовидный характер социума, коллективного «мы» как целого* (привычка к одинаковости и неприятие различий как механизмы социального уравнивания и блокировки индивидуальной инициативы), в этом смысле особый — от «других» — путь можно трактовать как проекцию значений архаической, точнее, архаизированной, внутренней слитности, неразличимости чего бы то ни было отдельного, выделяющегося — условием особенности по отношению к *внешнему* миру выступает неприятие особого и обособления *внутри* социума;

- особый *характер человека*, в частности, как результат «исторических» обстоятельств (а соответственно, понимание «нашего прошлого, нашей истории» как того, что отделяет нас от других: история представляется как тавтология, повторение в замкнутом кругу, подтверждение идентичности, «того же самого», причем чаще всего в семантике страдательно и терпеливо переносимых общих испытаний) — отсюда значимость таких характеристик самоописания россиян, как «простые», «открытые», «не гонящиеся за успехом и богатством», «решающие все сообща» и т. п.

3

Можно видеть в перечисленных особенностях символическую транскрипцию нескольких фундаментальных обстоятельств истори-

ческого существования Советского Союза и коллективной жизни в советском социуме. Они выступают социокультурными рамками (причинами, условиями) возникновения и живучести мифа об «особом пути» и предстают для большинства населения, тем более, конечно же, для нынешних жителей России, уже не столько в прямых формах государственного насилия и ведомственного принуждения, а на правах «прописных истин», в «само собой разумеющихся» языковых клише и визуальных стереотипах, фигурах, сюжетах, проходивших на протяжении нескольких десятилетий образно-символическую обработку, подгонку и перелицовку средствами репродуктивных подсистем социума – школы, масскоммуникативной пропаганды, официального искусства.

С одной стороны, в представлении *страны* (России, СССР) как *целого* обращают на себя внимание устойчивые значения внешней угрозы или, по крайней мере, недоброжелательного окружения – прежде всего, воображаемого неприятия и неприязни со стороны Запада. С другой, символический «центр мира» в описываемой картине помещается «там», за непреодолимой границей. Иными словами, в понятие здешней личности, кроме (или в результате) организованной и организованно воспроизводимой неосведомленности абсолютно большинства населения о жизни «за бугром», входит сознание своей периферийности, а то и резче – отсталости и в этом смысле вторичности, производности, всего лишь запоздалой реактивности по отношению к тамошнему «большому миру». Последний, соответственно, наделяется значениями инициативы, активности, динамичности (обобщенно говоря, самостоятельности). Но эти значения – так работают механизмы коллективного вытеснения и проекции! – кодируются (см. выше) исключи-

понируется многолетний опыт жизни в закрытом обществе – закрытом не только от внешней среды, о чем уже говорилось, но и принудительно, нормативно разделенном внутренне, «разобленном и разгороженном», по формулировке Ю.А. Левады¹, когда самое обычное и общезначимое выступает в качестве недоступного и может быть обеспечено лишь особыми средствами (знакомство, блат, взятка и т. п.) или в чрезвычайных обстоятельствах, но опять-таки в принудительно нормированной, уравнилительной форме (война, пайковая, карточная и другие им подобные системы).

Оборотной стороной подобного существования выступает ощущение индивидом своей неавтономности и, соответственно, ограничивающей зависимости от окружающих, которые его коллективно контролируют, – характеристика уравнилительного сознания. Компенсирующим эти тягости моментом становится в таких условиях чувство подопечности *всех* по отношению к государству, которое символически транскрибируется в образах верховной, всемогущей и – в идеализированных ожиданиях большинства – по-отечески или по-хозяйски заботливой, «своей» («нашей») власти; размерность «всех» и «большинства» указывает на общепринятую норму самопредставления и самоописания.

4

Метафору или мифологему особого *пути* иногда ставят в контекст дискуссий о модернизации, трактуя ее как указание на своеобразную траекторию развития России. Между тем семантика целеориентированного движения в этой метафоре не содержится, на что указывал уже Гоголь, одним из первых разрабатывавший близкую метафорику². Собственно динамические характеристики предполагаемой цели,

Таблица 5

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И ЗАПАДОМ ...? (в % от числа опрошенных в каждом исследовании)

Вариант ответа	1994	1999	2002	2003	2004	2005	2006	2008
Могут быть по-настоящему дружественными	60	52	39	39	44	44	35	34
Всегда будут строиться на недоверии	38	38	51	47	42	42	54	52
Затрудняюсь ответить	2	10	10	14	14	14	11	14
Количество опрошенных	3000	3000	1600	1600	1600	1600	1600	1600

тельно в категориях враждебности по отношению к «нам». Временами это явная опасность, временами – (коварно) затаенная угроза.

В представлениях, далее, об *особом характере* российского и советского *человека* транс-

¹ См.: Левада Ю. Ищем человека: Социологические очерки, 2000–2005. М.: Новое издательство, 2006. С. 312.

² Ср. знаменитые заключительные пассажи первого тома «Мертвых душ»: «... Летит вся дорога невесть куда в пропадающую даль... Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа». – Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 7 т. Т. 5. М.: Художественная литература, 1967. С. 287–288.

скорости приближения к ней и направленности хода, параметры инициативы и активности движущихся, последовательности их действий, инструменты оценки пройденного, корректировки маршрута и другие подобные моменты в метафоре «особого пути» полностью отсутствуют. И это не сбой или недочет — таково устройство и функциональное назначение анализируемой метафоры. Она должна отделять «нас» от «них», так что упомянутый «путь» нам уже дан. Больше того, он раз и навсегда задан, предзадан как наше неотъемлемое свойство: это другое обозначение «нас», своего рода второе «имя Россия», но тайное, обращенное к нам и только нам понятное, тогда как другим («им») его не заметить, не понять, не усвоить. На эти обстоятельства аналитики уже не раз указывали¹. Напротив, модальная структура и прагматика использования мифологемы *особости*, кажется, анализировались куда реже.

Если говорить о *функции* данной метафоры, то можно заключить, что наблюдатель и исследователь имеют здесь дело с основополагающей стратегией производства и воспроизводства простых, даже простейших социокультурных различий. Асимметричное деление на «мы» и «они» через непреодолимый, т. е. запретный для обеих сторон барьер, «стену», «занавес» — базовая характеристика архаического сознания и его позднейших архаизирующих разновидностей (церемониальных разыгрываний, коллективных воспоминаний, стилизаций и т. д.)². Если же анализировать *модус* подобных смысловых образований, то здесь важно отметить их модальную двойственность. «Особый путь» в языке пропаганды и массмедиа, всевозможных «горячих линиях», ток-шоу и т. п. предъясняется (его предлагается рассматривать) и в плане *реальности*, как данность, т. е. норму, и в плане *желательности*, как задание, т. е. ценность. Такое устройство с его принципиальной безусловностью и внесубъективностью высказывания, а значит, нерасчлененностью его смысловых планов, семантической целостностью, как бы содержащей в себе и свою противоположность, в логическом смысле — отрицание, самым серьезным образом блокирует возможность ра-

ционализировать подобные смысловые спайки и склейки. Их «работа» как раз и состоит в наделении области «нашего» нерасчлененным единством, которое именно в таком качестве противопоставлено всему иному как «чужому».

Продолжая эту линию анализа ключевой метафоры, укажу на значение особости как подразумеваемой, постулируемой, но не обсуждаемой *исключенности* России из общего порядка вещей, общих правил еще и как (или — в силу) *исключительности* ее географического положения, исторических обстоятельств, характера «нашего» народа и человека. Апелляция к экстраординарности крайне популярна в российской истории. Не буду углубляться в известные россиянам со школьной скамьи представления Пушкина об исключительной миссии и сверхчеловеческом образе Петра, символике радикального переворота, бездны и тому подобных феноменов, скажем, в «Полтаве» или «Медном всаднике». В данном случае достаточно указать на то, насколько активно чрезвычайные меры и символику чрезвычайности использовала советская власть на разных ее этапах — в «героический» период до начала 1930-х гг., когда массовая пропаганда всячески педалировала идею всемирной миссии революции, победившей в отдельно взятой стране, затем в годы «обострения классово-борьбы» и возрастающей международной напряженности, чем оправдывался «большой террор» и широкомасштабная подготовка к войне уже с первой половины 1930-х, потом во время войны, в послевоенные годы разрухи и восстановления.

Ю.А. Левада отмечал, что «в советском новоязе трудно найти другой специфический термин, сравнимый по экспансивности с понятием “особый”»³. В развитие уже сказанного выше подчеркну, что обозначение «режима», «порядка», «отдела», «совещания», «папки» (ряд, приводимый Левадой) как «особых» отсылает еще и к мифологизированным значениям секретности. Это важный план семантики, о котором стоит сказать несколько подробней. Во всех перечисленных примерах он отсылает к фигурам и производным власти⁴. Скрытость (скрытность) власти и сохраняемой ею, никогда не раскрываемой тайны собственно и маркирует в данном случае власть как власть — точнее, как традиционалистскую власть, представляя ее в качестве сверхъестественной инстанции,

¹ См. работы, приведенные выше, в сноске 1.

² При обсуждении на Банных чтениях А. Левинсон предложил трактовать здесь «путь» не как стену (тупик), а как место, местопребывание. Я бы уточнил и развил формулировку: это заколдованное, залятое место, где ходят по кругу («бес водит») и из которого нет прямого, «физического» выхода, — нужен переход на другой уровень реальности, смысловой скачок к иному ее, говоря социологически, определению (и другому самоопределению субъектов высказывания).

³ Левада Ю. Ищем человека... С. 312.

⁴ Но в той же логике анализа можно развернуть и знаменитые тютчевские формулы «Умом Россию не понять...», «Не поймет и не заметит...».

могущества, недоступного привычным представлениям и меркам, а потому отменяющего, имеющего силу и право отменять обычные правила и установления коллективной жизни. Принципиальная недостижимость и непостижимость подобной власти символизируется как ее невидимость или, по крайней мере, как заведомая ограниченность всего лишь «человеческого» воплощения мощи такого масштаба¹. Отмечу, что данная характеристика — как и вся семантика личности, о чем говорилось выше, — двойственна и даже парадоксальна: *секретность*, как легко видеть, постоянно *демонстрируется* и без такой навязчивой демонстрации, принципиальной демонстративности явно лишилась бы всей полноты значимости. Иными словами, кроме факта секретности, мы и здесь имеем дело с ее мифологией и с визуальными, персонифицированными, отчетливо и обязательно выделенными из повседневной жизни репрезентациями этой мифологии.

5

Тайна выступает здесь средством контроля власти над массой, а власть, соответственно, предстает заведомо непрозрачной для массы, можно даже сказать — невидимой для нее, но именно поэтому вездесущей: она как бы везде и нигде, — всюду во всей полноте присутствия и могущества, но нигде по отдельности и в частности (такие модусы умалили бы ее тотальность и мощь). Если — после проделанного анализа — снять с перечисленных характеристик стойкий мифологический налет, то описанную «невидимость» власти можно социологически трактовать как отсутствие связи между властями и массами при крайней слабости в России сколько-нибудь самостоятельных «промежуточных» институтов и дифференцированной институциональной системы вообще, а соответственно — как безответственность власти, вопреки ее формальной выборности, от массы избирателей и от населения в целом.

¹ Это показывает, например, анализ сталинской иконографии, см.: Платпер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Характерно, что значимость фигуры Сталина для большинства россиян еще и сегодня определяется, кроме связи с победой в войне, с сохраняющейся таинственностью образа вождя (формулировку «Мы еще не знаем всей правды о Сталине» респонденты отмечают даже чаще, чем отсылку к роли Сталина в победе). — см.: Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссия. 2008. № 6, С. 78. Относительно места Сталина в российских представлениях о Второй мировой войне см.: Назревшая дискуссия. Некоторые итоги обсуждения истории Второй мировой войны. Общественный форум. М.: Фонд Ф. Науманна; АИРО-XXI, 2006. С. 10–38.

Стоит отметить, что принятие данной ситуации входит в общераспространенные и считающиеся в социуме нормой представления о власти, по крайней мере — верховной. Если говорить о массовом воображении, массовой политической культуре, первые лица как бы наделены для массы сверхвластью, но не отвечают за употребление таких экстраординарных полномочий. Они не могут и не должны быть призваны к ответу, в лучшем случае, они отвечают (в последние годы это особенно относилось и относится сейчас к фигуре В. Путина) лишь за «хорошее», те или иные феномены улучшения отдельных сторон жизни, но никак не за недостатки и провалы системы.

Существенно в данном контексте, что описанное стремление к «невидимости», т. е. неконтролируемости, можно отнести к поведению и власти, и массы. Безответственности властей соответствует при этом безответность масс. Нежелание ни во что включаться и ни за что отвечать, ускользание от поднадзорности и контроля начальства — устойчивая тактика поведения обычного российского человека где бы то ни было, но в особенности в рамках закрытых подсистем или, в категориях Л. Козера, «всепоглощающих институтов», в армии и «зоне», на принудительных работах или лечении и т. п. Ее допустимо назвать тактикой алиби, причем ею, как сказано, привыкли пользоваться в России все: и «верхи», и «низы»².

А это значит, что в картине мира, построенной на мифологемах личности, изолированности, массовидности всех, действующих как один, и каждого, отвечающего за всех, экстраординарность, строго говоря, не столько противостоит привычности, сколько коррелирует и переплетается с ней. Эти режимы коллективного существования поддерживают друг друга. *Чрезвычайность* выступает способом контроля над мобилизованной властью и сплоченной этим «сверху» массой, *привычность* (равнение по привычному, привычка как инструмент нивелировки отличий) — способом контроля над индивидуальной инициативой и ответственностью «снизу», со стороны массы³.

² См.: Дубин Б. Алиби всех: плохое состояние как норма социальной жизни // Мосты. Франкфурт-на-Майне, 2010 (в печати).

³ Ю.А. Левада, в другом проблемном развороте, подчеркивает, что привычное (консервативное, инертное) в России не исключает экстраординарного (авантюристического, мечтательного), а подразумевает его: «На особого русского человека ... в свое время возлагали надежды отечественные консерваторы. Но на особого русского человека... уповали и все отечественные социалисты... При смене содержания и обоснования идеологем воспроизводилась модель противопоставления «нашего человека, чуждым («западным»), образцам». — Левада Ю. Ищем

Именно в соотносительности и взаимной смысловой индукции двух этих планов — общей, повседневной *нормы*, соблюдаемой по привычке, и подразумеваемых, допустимых и негласно разрешенных *отклонений* от нее в порядке исключения — я бы предложил видеть содержание анализируемой здесь категории особенности. Она фиксирует характерное состояние и строй коллективной жизни в России, опознаваемые и признаваемые здесь как «свои», «наши». Коллективно принятая и санкционированная привычкой, обычаем закрытость обоих этих режимов — нормы и эксцесса — от внешнего наблюдения и контроля блокирует возможность их прояснения, выведения в ясную область мысли, рационализации любым «частным» сознанием, а тем самым и возможность самостоятельной позиции индивида, легитимность субъективной точки зрения, начал саморегуляции. Неподконтрольность описываемой смысловой конструкции, ее недоступность рационализации, позволяет произвольно менять *содержательное (идеологическое) наполнение*, сохраняя *принципиальную конструкцию* непринадлежности общему порядку, универсальным ценностям и нормам. Главное здесь, хочу подчеркнуть, не та или иная идеология, и именно модальная, но безальтернативная конструкция социальной жизни.

Данный механизм работает как защита или вытеснение не только от непризнанной реальности или каких-то обобщенных, идеальных представлений о ее возможностях. На мой взгляд, он защищает прежде всего от осознания разрыва — от смысловой напряженности между:

а) нормативно-принудительным планом повседневной жизни каждого как единицы из массы таких же в условиях «понижающей адаптации» (по терминологии Ю.А. Левады),

б) обобщенным, идеализированным планом существования коллективного «мы» в условиях мобилизации или виртуальной интеграции «сверху» и, наконец,

в) универсальным планом соотношения с ценностями «других», условных «всех» (условных в том смысле, что они были бы объединены

человека... С. 313. Добавлю, что в период брежневского застоя, разрядки международной напряженности, начала массовой эмиграции из страны тогдашние идеологи — для утверждения стабильности СССР и в целях профилактической защиты от большого мира — в очередной раз ретанимировали описываемую мифологему, введя представления о «новой исторической общности людей — советском народе» и особом, «советском человеке»; так называлась, среди прочего, программная книга Г.Л. Смирнова (М.: Политиздат, 1971, переизд. 1973, 1980).

ничем иным, кроме как актом добровольного и индивидуального признания этих ценностей как общих для них).

Таким образом, идеологема или мифологема особого пути позволяет смягчать и компенсировать расхождения между идеальным (декларативным) уровнем ориентиров и оценок, отнесенных к неопределенному будущему, с одной стороны, проективной картиной компенсаторного прошлого («А зато у нас было...»), с другой, и реальным поведением здесь и сейчас, а соответственно, разрыв между идеальным центром (Западом) и периферией (Россия). «Особый путь» — вовсе не путь и даже не его указатель, а своего рода переключательное устройство в системе коллективной идентификации. Оно позволяет переходить в соотносительных характеристиках «мы» и «они» с институционального плана *специфических* требований или *универсальных* норм — через образы власти как инстанции, легитимирующей «наш» социальный порядок, — на *диффузный* код *партикулярных* отношений между «своими»¹.

6

Важно отметить вторичность, производность и в этом плане слабость, дефицитность значений общезначимого и универсального в описываемой конструкции и в социальном порядке нынешней российской жизни. О ее фрагментированности, раздробленности и разгороженности не раз писалось². Если говорить в социологических категориях, речь идет о преобладании в социуме, более того, о коллективном диктате в нем сугубо партикулярных отношений — замкнутых, персональных, непосредственных контактов между ближайшими родственниками. В качестве *образца* здесь выступают одномерные (горизонтальные) связи между «такими же». Именно они представляются россиянам сегодня единственной областью коллективного существования, которую они все-таки контролируют, в которой преобладают доверительные отношения и где можно что-то сделать, на что-то повлиять.

---

¹ Исследователи процессов «запоздалой» модернизации в странах Латинской Америки подчеркивают гибридный характер их культур, см. об этом: *García Canclini N.* Culturas híbridas. Estrategias para entrar y salir de la modernidad. México: Grijalbo, 1990 (переизд. 2009; англ. пер. 1995, переизд. 2005).

² Из работ последнего времени см. статью автора: Социальная атомизация как наследие и данность // Индекс: Досье на цензуру. 2008. № 29. С. 7–11; Режим разобщения // Pro et Contra. 2009. № 1. С. 6–19; Алимби всех // Указ изд.

В таком закрытом и сегрегированном социуме повышенным значением наделяются барьеры и перегородки, а тем самым поддерживается недостижимость ориентаций и мотивов поведения, социально сконструированная пассивность. Подобное состояние (неправильно называть его поддержкой или одобрением) входит в виды нынешней российской власти, учитывается ею в технологии управления, рассматривается как принципиально не ограниченный ресурс собственного существования. Но и само население относит данную характеристику к основополагающим чертам российского человека и коллективной жизни в России как «особой», «нашей». Не случайно в представлениях об особенностях российского народа первое место, по данным опросов Левада-Центра, на редкость устойчиво занимает «терпеливость» — на нее указали 53% опрошенных в 1998 и 2008 гг., что в полтора раза превышает значимость других, даже самых признанных черт коллективного автопортрета («душевность», «привычка довольствоваться малым», «преобладание духовных ценностей над материальными»)¹.

Подчеркивание и позитивная оценка параметров сходства и горизонтальных связей в коллективных образах «нас» подразумевает преобладающее неприятие социальных и культурных различий. В этих последних видятся не симптомы разнообразия, соответственно, знак и ресурс общего богатства возможностей, залог динамичности общества. Напротив, они трактуются как неравенство и несправедливость, поскольку за ними усматриваются претензии на превосходство, неправомерные со стороны «таких же» (главенство — и то с подозрительностью и постоянным недовольством — допускается носителями подобных представлений лишь для власти). Давление привычки, привычного работает как инструмент социального нивелирования. Отсюда — навязчивые для коллективного сознания россиян (как низов, так и верхов) наваждения рухнувших перегородок, кошмарные картины хаоса, «жупел “вседозволенности”» и т. п.². Таков еще один «внутренний», встроенный в конструкцию социального мира и коллективного сознания ингибитор или блокатор каких бы то ни было перемен. С его помощью как сверху, так и снизу консервируется состояние атомизированности всех в качестве одинаковых и пассивных — со-

стояние, можно сказать, «рассеянной массы»³. «Общее» при этом либо принимается на правах коллективной, уравнивающей всех стигмы в *настоящем*, либо — как идеализированная картина, опять-таки вне какой-либо конкретики, инструментальных характеристик, указания на собственную роль, последовательность действий и пр. — проецируется в неопределенное, недостижимое *будущее*. Значения же «особого» все больше переносятся в компенсаторную перспективу *прошлого*. Как уже указывалось, именно эта семантика прошедшего, ставшего, т. е. находящегося вне сферы чьего бы то ни было влияния, будь оно индивидуальным или коллективным, — «наше прошлое, наша история» — с годами становится для россиян все более значимой и все отчетливее выделяется ими в образе коллективного «мы»⁴.

7

Таким образом, на основе проведенного анализа эмпирических данных допустимо сделать вывод: в коллективном самоопределении большинство россиян в последние, примерно, пятнадцать лет переориентировались на прошлое. Причем это прошлое все чаще в последние десять лет выступает советским (идеал здесь — ретроспективно сконструированный по контрасту с «лихими» девяностыми годами образ брежневской эпохи). Соответственно, все более советским содержанием наполняется и конструкция особого пути. Особый путь сегодня — это путь советский, включая державные значения советского как огромного и грозного. К концу нулевых годов эту предпочтительную ориентацию большинства россиян можно фиксировать с достаточной ясностью:

ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ЖИТЬ В ОГРОМНОЙ СТРАНЕ, КОТОРУЮ УВАЖАЮТ И ПОБАИВАЮТСЯ ДРУГИЕ СТРАНЫ, ИЛИ В МАЛЕНЬКОЙ, УЮТНОЙ, БЕЗОБИДНОЙ СТРАНЕ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	%
Первое	75
Второе	19
Затрудняюсь ответить	6

2008, февраль, N=1600

¹ Напомню благодарность народу за «терпение» в сталинской речи после победы 1945 г.

² См.: Левада Ю. Ищем человека... С. 312.

³ Пользуюсь выражением Михаила Айзенберга, введенным, конечно, в совершенно ином смысле и давшим название книге его стихов (М.: Новое издательство, 2008).

⁴ См.: Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2. С. 62.

Описанный выше исторический «переход» (перевод) общественного мнения от проблематики гипотетической альтернативы (выбора) и воображаемой партнерства на проблематику личности (исключительности и исключенности, т. е. изоляции, по крайней мере символической) — способ подтверждения и укрепления коллективной идентичности большинства россиян в пространстве и времени, установления преемственности по отношению к советскому прошлому, к основополагающим чертам (особенностям) советского, способ утверждения совокупности именно этих черт (особый характер власти и т. д., о чем было сказано выше) как «нашего». Такое возвращение преемственности (идентичности) было опознано большинством населения страны как стабильность и порядок, оно сопровождалось чувством возвращения к норме и принимается сегодня как норма.

При этом достаточно осязаемое в материалах социологических опросов понимание тем же большинством россиян плохого качества данного социального порядка (сверхконцентрация власти, неэффективность управления, бюрократизм, коррупция и т. п.) отнюдь не мешает принимать эти состояния как «наши», нормальные для «нас», т. е. не подрывает статус-кво, а, как ни парадоксально, наоборот — поддерживает и укрепляет нынешний порядок¹. Хочу подчеркнуть данный момент. Подобная двусмысленная конструкция сама входит в автохтонную «традицию», в мифологию «нашего» как особого — не случайно она в отечественной истории не раз повторяется. Так, нараставший сверхцентрализм и авторитарность управления, бюрократизм и чрезвычайщина второй половины 1920-х гг. осознавались массой тогдашнего населения как возвращение к дореволюционным порядкам и, соответственно, к прежним же мифологизированным представлениям масс о власти, какая она есть «всегда»². Такой же ход коллективной мысли можно было бы, вероятно, зафиксировать в массовых мнениях 1970-х гг. — переоценках предшествующей «хрущевской» эпохи, если бы эти феномены фиксировались тогдашними социологическими зондажами.

Вторым важным итогом проделанного анализа нам представляется то, что, опять-

таки по проанализированным выше данным и другим материалам эмпирических опросов Левада-Центра в последние пятнадцать лет, поддержание символической коллективной идентичности оказывается (в очередной раз оказалось) для разных групп, большинства российского социума и для власти, принимающей на себя функции репрезентации этой идентичности как целого, важнее и нужнее, чем дифференциация и состязательность, целеполагание и целедостижение³. Соответственно, политика в подобных условиях вырывается в открытый сценический церемониал и скрытую за кулисами номенклатурную борьбу по собственным, внутренним, тоже принципиально неписаным правилам.

За метафорой особого пути стоит неготовность к состязательности, универсалистскому вознаграждению за успех и позитивной солидарности — принципам, которые создали современные (модерные) общества. Поскольку же к главным особенностям российского пути, как отмечалось выше, относится опека со стороны государства и его повышенная роль в социальном устройстве общей жизни, важность контроля над индивидом со стороны коллектива, то подчеркивание своей «особости» говорит и о неготовности к свободе, прежде всего, к индивидуальной свободе, а значит, к ответственности за собственную жизнь, заботе о ней, культивировании ее. Свобода же — еще одна важнейшая универсальная ценность, лежащая в основе современных обществ.

В этом смысле мифологему особого пути допустимо трактовать как системный *ограничитель* модернизации, позволяющий трансформировать и приспособить ее «знаковые» (и при этом, конечно же, переозначиваемые) элементы в соответствии с требованиями власти, задачами ее самосохранения, с одной стороны, и привычками массы, ее нежеланием и отторжением перемен, с другой. Важно уточнить (в том числе и прежние высказывания на этот счет самого автора): кажется, корректнее видеть здесь именно ограничитель, стабилизатор, т. е. механизм «мягкой» адаптации, а не «жесткое» препятствие или тормоз.

¹ Подробнее см.: Дубин Б. Алиби всех // Указ. изд.

² См.: Лившин А.Я. Легитимность и преемственность власти в массовом сознании // Он же. Настроения и политические эмоции в Советской России: 1917–1932 гг. М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2010. С. 51–73, особенно с. 66 и далее. О нарастании соответствующих настроений во второй половине 1990-х гг. см.: Мифы и мифология в современной России / Под ред. К. Аймермаера, Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М.: Фонд Ф. Науманна, 2000.

³ На первостепенное внимание новой власти нулевых годов к символическим аспектам интеграции целого и саморепрезентации населения, причем с опорой именно на символы советского государства (гимн и т. п.), населением воспринятые и поддержанные, сразу же обратил внимание Ю.А. Левада. Это стало стимулом к его работе над статьей «Люди и символы. Символические структуры в общественном мнении» (Мониторинг общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2001. № 6. С. 7–12).

Одна из существенных характеристик работы данного механизма состоит в том, что «особый путь» выступает в общественном мнении, материалах социологических опросов на правах будто бы содержательной характеристики — некоего набора качеств, хотя и достаточно неопределенного (некоторые соответствующие «подсказки» из анкет Левада-Центра выше приводились). Но «ответы» респондентов — лишь начало новых вопросов, которые задает себе социолог: это не отчетные показатели, а предмет анализа. Так что точнее было бы видеть в категории «особого пути» ценностный оператор, переключатель модальных планов оценки и интерпретации социального мира, который обеспечивает интеграцию представлений о себе и других, выступает механизмом согласования и относительного согласия оценок идеального и реального, власти и массы. Трудность интерпретации комплекса личности заключается именно в том, что он выступает для его носителей то как содержательный, то как модальный (регулятивный, задающий модус понимания). Замечу, что это та же двойственность, которая подчеркивается социологами в российском (советском) «двоумыслии» или «лукавстве». Двойная, «кентаврическая» природа подобных представлений обеспечивает их носителям страховку в условиях социальной неопределенности (недоопределенности) целого и собственного места респондентов в нем, но, со своей стороны, и поддерживает, увековечивает эту неопределенность, придает ей принципиальный характер, поскольку защищает от рационализации, дискуссии, коррекции и т. д.

Сравним с данными об исключительности российского народа и человека, приведенными выше в таблицах 2—4, например, такие:

Таблица 6

КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, РУССКИЕ - ЭТО ТАКОЙ ЖЕ НАРОД, КАК ДРУГИЕ, ИЛИ СОВЕРШЕННО ОСОБЫЙ НАРОД? (в % от числа опрошенных в каждом исследовании)

Вариант ответа	2000	2008
Такой же народ, как другие	63	63
Совершенно особый народ	33	34
Затрудняюсь ответить	4	2

N=1600

Вероятно, форма и контекст цитированных выше вопросов о «духовной самобытности» и сравнение российского человека с «западным» провоцирует респондентов демонстративно противопоставлять себя обобщенным «другим», символически принижая «чужое» и превознося

«свое»; в только что приведенном вопросе этот момент заметно сглажен. Но, как мне представляется, еще важнее здесь то, что подобная двойственность, как можно предположить, помогает респонденту в любой ситуации оставаться (чувствовать себя) хозяином положения, которое он как бы волен поворачивать и трактовать то так, то этак. Тем самым, он, кроме всего прочего, дистанцируется от интервьюера и повышает свою самооценку, на ходу выправляя статусную асимметрию опросного взаимодействия — отношения человека из «центра» и с «периферии», задающего вопросы и вынужденного отвечать на них. Короче говоря, респонденты здесь компенсируют, видимо, крайне чувствительное для них символическое «неравенство», «несправедливость» и, таким образом, подручными средствами как бы проигрывают ключевую метафорику личности, исключенности и исключительности, т. е. в миниатюре демонстрируют работу того мифологического комплекса, о котором шла речь в данной статье.

8

Подытоживая сказанное, коротко опишем, как действует этот символический механизм социальной адаптации (в данном случае — мифологический комплекс «особого пути»). Он соотносит и интегрирует три уровня, плана или кода социальной реальности и коллективных представлений:

- план авторитарно-патерналистской власти;
- план партикуляристской («рассеянной») массы;
- план современных, так или иначе специализированных институтов (производство, образование, здравоохранение, элементы рынка и пр.).

Иными словами, в социокультурных условиях, которые здесь описываются и анализируются, институциональная реальность не работает, если не получает а) санкцию со стороны иерархической власти (*привилегия*, блат и пр.) и б) интерпретацию со стороны недифференцированной массы (в терминах *своих*, в том числе — *своей, нашей* власти). Тем самым институциональная реальность приобретает имитационный или, в терминах Н. Петрова и его коллег, субституциональный характер¹. Это

¹ См.: Петров Н. Политическая механика российской власти: субституты против институтов // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 4. С. 5–23, особенно с. 14 и далее.

некие обновленные, стилизованные под современность вывески, за которыми функционируют *по другим правилам* отношения «своих», структурированные по оси иерархической власти. Подобное устройство позволяет использовать наличные *ресурсы институтов* (результаты их деятельности, блага), ускользя от их функциональных *императивов* (самостоятельность, ответственность, целеориентированность, проверка эффективности, улучшение).

Такой механизм позволяет удерживать любые перемены в рамках, удобных *для власти* и выносимых *для массы* (адаптация в нынешних российских условиях — тактика всеобщая). Отсюда и значение в подобных условиях введенной выше категории алиби: это опять-таки установка всех — пусть «другое» (новое, западное, модерное и т. п.) будет, но не нашими усилиями, не при нас и без последствий для нас. В этом можно видеть один из примеров системного производства разрывов в социальном и культурном времени. А это значит, что производство подобных разрывов встроено в кон-

струкцию и функционирование репродуктивных институтов социума — школы, массмедиа. Именно поэтому история в данных социокультурных рамках принимает вид повторения, церемонии, ритуала — очередного ухода от своих основ («потери») и также очередного символического «возвращения» к ним. Так советская образность, вплоть до человеческих типажей, инкрустируется сегодня в рекламу современных товаров и услуг на улицах и в транспорте крупнейших городов России. Так киностиль советского кино 1930–1950-х становится сегодня символической основой «эпических» повествований «большого стиля» в государственно спонсируемом (опять!) отечественном кино. При этом в нынешних образцах ностальгически подчеркиваются значения укорененности, преемственности, долговечности, а соответственно, фантазматического качества и надежности товаров, услуг, в конце концов, самих людей и всего образа их жизни в ее нынешнем, но как бы «всегдашнем» и «навсегда» неизменном устройстве.

КАКОВЫ ОСНОВНЫЕ ПРИЧИНЫ ПРОБЛЕМ В РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЯХ? (в % от числа опрошенных, возможно было несколько вариантов ответов, ответы ранжированы)

Недавние планы размещения американской ПРО в Польше	25
Недружественное отношение современной Польши к России и препятствия, которые она создает на пути к сближению России с Европейским союзом	22
Нежелание российской стороны признавать ответственность за преступления сталинских лет (пакт Молотова–Риббентропа, оккупация восточных областей Польши в 1939 г. и другие)	21
Отсутствие с польской стороны признательности России за освобождение Польши от фашизма	18
Отсутствие с польской стороны признательности России за экономическую поддержку в послевоенные годы	18
Навязывание Советским Союзом Польше социалистического строя	17
Конфликты двух стран в XVI–XVIII вв. и связанные с этим исторические претензии друг к другу	11
Советско-польская война 1920 г.	10
Имперские амбиции современной России, ее нежелание считаться с интересами соседних государств	2
другое	1
Затруднились ответить	29

2010 г., апрель, N=1600

Анна МОРГУНОВА

Идеологии и стратегии доминирования в дискурсе российского и белорусского президентов¹

Девяностые годы XX в. стали временем появления на постсоветском пространстве новых политических режимов и изменения форм прежних. Демократические взгляды на будущее устройство государства и общества во многих бывших республиках СССР постепенно сменились более авторитарными и жесткими. Для действующих президентов встал вопрос не только о легальном, но и о символическом обеспечении власти, т. е. о легитимации сложившихся отношений между обществом и государством.

В данной статье мы хотели бы остановиться на двух президентских режимах, которые по многим параметрам оказались похожими — российском и белорусском президентализме. Цель работы — изучение того, с помощью каких идеологических установок, способов и стратегий доминирования президенты в своих дискурсах поддерживают сложившиеся модели отношений государства и общества.

Выбор для анализа именно этих режимов был обусловлен несколькими причинами. Во-первых, это, без сомнения, президентские режимы (а по объему имеющихся у президентов полномочий и по сложившимся практикам — суперпрезидентские). В России именно режим, сложившийся при Путине, можно называть суперпрезидентским, так как тенденции к усилению президентской власти во время правления Ельцина только начали складываться, а говорить об ужесточении режима стало возможным лишь во время путинского правления. Говорить о белорусском режиме как о «суперпрезидентском» стало возможным после референдума 1996 г. и разгона действовавшего тогда парламента. Во-вторых, оба режима легитимировались во многом схожим образом, нет существенной разницы ни в применяемых ими методах, ни в способах легитимации президентской власти. Конфликты президентов и парламентов в начале 90-х способствовали дискредитации института парламентаризма, так как в ситуации борьбы между различными группами интересов был использован не диалог, а сила. Монополи-

зация государством средств массовой информации и поддержание легитимности президентов с помощью мифов, ритуалов и идеологии стали факторами персонализации их власти и привели к тому, что доверие к ним основывается не на доверии «президенту» как к институту, а на доверии лично Лукашенко или Путину/Медведеву².

Гипотезой данной работы стало предположение о том, что с учетом сходных методов легитимации президентской власти в двух государствах, общего прошлого и высокого уровня доверия со стороны населения предлагаемые модели устройства государства и отношений государство/общество у двух президентов не будут сильно отличаться.

Для нашего анализа мы использовали типологию способов и стратегий доминирования, предложенную Дж. Томпсоном в работе «Идеология и современная культура». Для данного исследования мы будем использовать определение идеологии, данное Томпсоном, т. е. «в терминах путей и способов, в которых значение, мобилизованное посредством символических форм, служит установлению и поддержанию отношений доминирования. Установление здесь понимается в том плане, что значение может способствовать поддержанию и воспроизводству отношений доминирования через непрерывный процесс производства и приема символических форм»³. Томпсон предлагает пять общих способов оперирования идеологий, которые связаны со стратегиями идеологического конструирования: легитимация (стратегии — рационализация, универсализация, нарративизация), сокрытие (замещение, эвфемизация, метафоризация, троп), унификация (стандартизация, символизация единства), фрагментация (дифференциация, замещение) и реификация (натурализация, погружение во вневременное состояние, номинализация/пассивизация).

² См.: Моргунова А. Легитимность президентской власти в России и Беларуси // <http://www.eurasianhome.org/xml/t/expert.xml?lang=ru&nic=expert&pid=1511>

³ Томпсон Д.Б. Идеология и современная культура // Назаров М.М. Массовая коммуникация и общество. Введение в теорию и исследования. М.: Аванта плюс, 2003. С. 258.

¹ Здесь и далее, используя выражение «российский президент», мы будем иметь в виду и В. Путина, и Д. Медведева.

Основным аргументом в пользу изучения идеологий с помощью дискурс-анализа служит то, что идеологии формируются и воспроизводятся посредством языка, т. е. в текстах и речи. Именно в общении члены определенных социальных групп приобретают, познают или меняют свои верования, завоевывают или стремятся завоевать новых сторонников. И хотя идеологии выражаются и воспроизводятся не только непосредственно речевой деятельностью, но и другими социальными практиками (к тому же здесь важна роль СМИ), можно смело утверждать, что идеологии без языка нет. И идеология, и язык существуют, действуют только внутри определенных социальных групп или культурных общностей¹. Кроме того, как отмечает Т. ван Дейк, «лингвистическая форма является *совместным* результатом кодирования семантических и прагматических “значений”, и в обоих случаях идеологические ограничения, распространяемые на ментальные модели, могут со временем переходить в поверхностные формы, что свидетельствует о существовании таких изначальных структур, как межгрупповая поляризация, внутригрупповые предпочтения или унижение тех, кто не принадлежит группе»².

Учитывая сложность и многозначность определения понятия «дискурс», который не имеет эквивалента во многих языках, в данной работе мы будем использовать определение анализа дискурса, данное Д. Мэнгено: «Анализ дискурса это то, *как* выражается текст, и то, в каких социальных условиях он производится»³. В нашем исследовании мы отталкиваемся от базовой оппозиции «бедность/богатство», так как, будучи ментальной конструкцией, она присутствует в любой идеологии.

Для анализа нами были выбраны выступления и интервью двух президентов за период с 2000 по 2010 гг. Затем среди текстов были отобраны те, в которых встречаются слова, выражения и смысловые блоки, стоящие в одном семантическом ряду с понятиями «бедность»/«богатство». Для «богатства» это: богатые, предприниматели, частники, бизнесмены, олигар-

хи, собственность, доход, деньги, инвестиции, посредники, люди с деньгами. Для понятия «бедность» — бедные, небогатые, малообеспеченные, обиженные, незащищенные слои, социально малозащищенные, люди в нужде, низкие доходы, низкий уровень жизни, граждане, живущие скромно.

Непосредственно для анализа были выбраны 31 выступление и интервью белорусского президента и 52 российского. Так как количество рассматриваемых текстов не имеет первостепенного значения для анализа, дискурс президента Беларуси рассматривался не за весь период президентства А. Лукашенко, а только за годы с начала избрания В. Путина, чтобы тексты, предназначенные для дискурс-анализа, у двух президентов охватывали равный промежуток времени.

В ходе работы возникли некоторые трудности с анализом дискурса российского президента. У белорусского президента, благодаря его несомненным ораторским талантам, объем текстов, подходящих для анализа проблематики данной статьи, значительно больше. Кроме того, картина мира белорусского президента сильно персонализирована: он много говорит о себе лично, что дает большие возможности для анализа. Российский президент очень редко говорит о себе лично, его дискурс деперсонализирован и мало эмоционален, так как он сильнее себя контролирует и в большей степени использует сложные экономические и правовые термины, по сравнению с белорусским. Поэтому за основу для сравнения был взят дискурс белорусского президента, а дискурс российского анализировался уже в сравнении с ним.

Анализ понятия «богатство» в дискурсах российского и белорусского президентов. Дискурс А. Лукашенко. Понятия, связанные с богатством, преобладают в дискурсе белорусского президента. Большое значение в дискурсе А. Лукашенко о богатстве имеют предприниматели. На протяжении всего анализируемого периода президент, характеризуя предпринимателей, использует в основном пейоративную лексику: «*в основном это “торгаши”*»⁴, «*в советские времена их называли спекулянтами*»⁵. Предприниматели репрезентируются как люди,

¹ См.: Дейк Т. ван. Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия // Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Сост. и общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск: БГУ, 2000. С. 50–53.

² Дейк Т. ван. Указ. соч. С. 62–63.

³ Maingueneau D. Les Tendances francaises en analyse du discours, compte rendu de la conférence donnée à l'Université d'Osaka le 12 novembre 1998 // <http://www.lang.osaka-u.ac.jp/~benoit/fle/conferences/maingueneau.html>.

⁴ Интервью Александра Лукашенко СМИ в Полоцке // <http://www.president.gov.by/press13362.print.html>, документ опубликован 07.09.2002.

⁵ Выступление Президента Беларуси А.Г. Лукашенко на встрече со студентами БГУ // <http://www.president.gov.by/press49929.print.html>, документ опубликован 12.02.2008.

занятые по большей части в сфере торговли (т. е. в посреднической сфере услуг) и не связанные с производством материальных благ: «*Но пришел рынок, появились “челноки”*». Тогда некуда было деваться ... зарплата не было. Государство было виновато. Не я, а то государство, которое после развала Союза вытолкнуло многих из аудиторий преподавательских, умных, талантливых людей, и они начали торговать трусами, бюстгалетерами, топорами, молотками»¹. Признавая, что люди становились предпринимателями не только потому, что этого хотели, но и потому, что это была единственная возможность выжить, президент, тем не менее, снимает с себя ответственность за то, что в данной сфере работает большое количество людей.

Изменения в государственной политике постепенно меняли роль предпринимателей в глазах президента. «*Сегодня наши бизнесмены и даже мелкие предприниматели — не те, что были 10 лет назад: где-то украсть, что плохо лежит, продать в нарушение закона, перепродать*»². Предприниматели нужны государству: они нужны потому, что платят налоги, и для того, чтобы их налоги служили бедным: «*Потому что сегодня мы перераспределяем средства, в том числе от богатых бедным. За счет тех, кто платит налоги, мы помогаем тем, кто не платит. Это старики, пенсионеры, инвалиды, ветераны. Это называется процессом перераспределения*»³. Тем не менее потребность предпринимателей обществу ограничена определенными рамками и временем, пока они не начинают мешать устоявшимся практикам экономической и социальной политики: «*Надо они нам или не надо? Конечно, надо. Но мы не можем себе создавать предпринимателей — мелких, индивидуальных — или еще каких-то там, которые будут “гробить” нашу экономику*»⁴. Как только мелкий бизнес начинает конкурировать с государственными предприятиями («нашими») и создает проблемы с реализацией продукции крупным государственным предприятиям, он становится опасным. Таким образом, форма собственности предприятия — государственная или частная — в дискурсе президента является определяющей для раздела МЫ-ОНИ: государственные предприятия — НАШИ, частные —

ЧУЖИЕ и, следовательно, опасные. Те блага, которые создаются людьми, занятыми в сфере предпринимательства, — это не наша экономика: это деятельность, временно разрешенная государством. Их интересы — не есть интересы части общества, т. е. частный и государственный интересы в дискурсе президента не совпадают (стратегия дифференциации).

Из сказанного выше логично следует тот факт, что политика государства по отношению к данной группе строится не с учетом того, что они являются частью общества, а напротив — с учетом их возможной опасности для общества. Наличие у них собственности и риск ее потерять становятся регуляторами взаимоотношений государство/предприниматели: «*Они не хотят нарушать закон, они хотят дружить с законом, потому что знают: шаг влево, шаг вправо — и потеряешь собственность вообще*»⁵.

Несмотря на то, что «*у предпринимателей сознание повернулось туда, куда надо*», контроль государства за предпринимателями является обязательным: «*И нам их сегодня не бояться надо, а отпустить эти бразды, отпустить тиски, в которых мы прижимали их, чтобы они криминал сюда не подбросили. И пусть свою инициативу развивают, пусть более свободно начинают работать. Но контроль все равно нужен, смотреть мы за ними будем все равно*»⁶. Основой отношений государства и бизнеса становится не право — институт, регулирующий отношения, а страх: страх все потерять в случае невыполнения определенных правил игры. Иными словами, по мнению президента, предприниматели должны не только стремиться к получению прибыли в рамках законодательства — их задачи гораздо шире. «*Суть понятия “предприниматель” видоизменяется: он должен не просто предпринимать, а делать, создавать, созидать*»⁷. Чтобы стабильно работать, предприниматели должны выполнять определенные условия, в том числе и те, которые не определены законодательно, но являются желательными, с точки зрения президента. Они должны стремиться «*работать для общества*», а не «*для себя*». Таким образом, уже не государство, а те, кому оно **подарило** возможность заработать, должны взять на себя часть функций государственного управления, т. е. заниматься возрождением деревень,

¹ Там же.

² Заключительное слово Президента А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании и ответы на вопросы, поступившие в ходе собрания, 3 марта 2006 года // <http://www.president.gov.by/press24293.print.html>

³ Интервью Александра Лукашенко белорусским телеканалам 02.07.2003 // <http://www.president.gov.by/press10832.html#doc>

⁴ Интервью Александра Лукашенко СМИ в Полоцке.

⁵ Заключительное слово президента А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании...

⁶ Там же.

⁷ Ежегодное Послание Президента Беларуси белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь апрель 2008 // <http://www.president.gov.by/data/press57286>

строить дороги и т. п. — быть подданным сословием, как при царе (рационализация). *«И я хочу, чтобы каждый человек, который чего-то добился, имеет какую-то копейку, особенно бизнесмены, предприниматели, в этих селах восстановили эти свои родовые поместья, если можно так сказать. Смотришь, дорогу туда провел, помог воду отремонтировать, поставит водонапорную башню и потихоньку-потихоньку деревня развивается»¹.*

Давая оценку богатств и потребностей предпринимателей, президент стремится свести их нужды к минимуму и проконтролировать их доход с тем, чтобы остальное богатство они могли потратить не «на себя», а «на народ». Таким образом, президент выступает как распорядитель их богатств, выражая свое мнение по поводу нужности/ненужности предпринимателям того количества денег и имущества, которое они имеют. Их богатство излишнее, по мнению президента, — возможная причина неприятия приватизации и отторжения всего, что связано с бизнесом и достатком в глазах населения. *«Говорю им честно: сколько нам надо, в конце концов? Одни белые тапочки и один костюм. Все будем там в одном костюме и белых тапочках. Зачем ты это все в карман складываешь? Помогай людям. Даже если в Москве жить — и то не надо столько иметь миллиардов, не говоря о Беларуси, здесь-то жизнь подешевле. Это серьезная вещь. Народ возненавидит тебя, и весь процесс приватизации, бизнеса народ будет отторгать. Поэтому — поделись, поделись с народом, развивай социальные проекты»².* Таким образом, можно заметить снижение ценности индивидуальных достижений в дискурсе белорусского президента и повышение значимости коллективного блага, выступающего размытым критерием правильности/неправильности богатства.

Однако то, что бизнесмены/предприниматели будут исправно платить налоги, как того требует законодательство, и возьмут на себя дополнительные функции, о которых мы сказали выше, не гарантирует, что их интересы каким-либо образом будут учитываться при разработке государственной политики. Они не есть часть общества: их предприятия мешают государственным, их излишнее имущество — возможный упрек государству от имени бедных, так

как равнение на богатых делает доходы бедных ничтожными. Для НИХ главное — молча соглашаться и не пытаться сопротивляться предложенным условиям работы и сложившимся практикам взаимоотношений государства и общества. *«Предпринимателям, пользуясь случаем, посоветовал бы: не надо поднимать шум. Ибо могут потерять все. Это не самые бедные люди сегодня, которые организовываются непонятно кем, за какие деньги, выходят на улицы, мутят воду. Против своей воли во многом. Их толкают те, кто за ними стоит, — оптовики и разные хозяева. Вместо того, чтобы они торговали на рынке, их выталкивают на улицу. Желающих занять их места на рынке “Динамо” и других рынках предостаточно. Поэтому я советую просто работать и цивилизованно вести диалог. Отступления от цивилизованных норм предпринимательства мы больше не допустим»³.*

Таким образом, в своем дискурсе белорусский президент не признает того факта, что предприниматели могут выступать от своего имени и для защиты собственных интересов. Несогласие с президентом или согласие с мнением тех, кто способен действовать самостоятельно, влечет за собой, усиление контроля над ними. То, что они небедные, у них есть работа, есть хорошие машины и другое имущество, автоматически выводит их из круга лиц, которые могут чего-то просить у правительства и президента: реакции от предпринимателей на спускаемые сверху решения государство не просто не ждет, оно рассматривает ее как незаконную — всякое недовольство недопустимо. С точки зрения президента, предприниматели не имеют морального права выходить на улицу с требованием чего-либо, не имеют права привлекать в свои ряды тех, кто не согласен с политикой, проводимой в отношении бизнеса, и тех, кто готов выразить свое несогласие (стратегия дифференциации). *«И потом, я уже откровенно скажу, попросил наши соответствующие службы: поезжайте и посмотрите, как живут эти индивидуальные бедные предприниматели, на каких машинах приезжают на работу. Они это все засняли и мне положили на стол. Вы знаете, я таких марок иностранных автомобилей ни разу и не видел, эксклюзив кругом. Это “бедные”, “нищие”, “обездоленные”, которые на глазах у студентов БГУ собираются, плачутся и требуют: выходите нас поддерживать...»⁴.*

¹ Стенограмма выступления перед студенческой молодежью Брестчины // <http://www.president.gov.by/press10981.print.html>, документ опубликован 23.09.2004.

² Интервью российскому телеканалу «ТВ Центр» // <http://www.president.gov.by/press14029.print.html>, документ опубликован 26.07.2005.

³ Интервью Александра Лукашенко СМИ в Полоцке.

⁴ Выступление Президента Беларуси А.Г. Лукашенко на встрече со студентами БГУ.

Государство, по определению, не может быть союзником богатых, защита собственности — отнюдь не общественный идеал. Соблюдение закона обладателем какой-либо собственности не гарантирует ее защиты. «С частником разговаривать всегда легче. Ему ска- зал — он сделает. Потому что, по большому сче- ту, рискует в противном случае потерять свою собственность»¹. Бизнесмен-частник должен выполнять все, что от него требуют, и без того, чтобы артикулировать свои интересы. При этом, как мы уже говорили, государственный и частный интерес в дискурсе президента совпа- дать не могут. «Частник никогда не будет озабо- чен народом, государством. Он большие прибыли кладет себе в карман»². Кроме того, собствен- ность должна долго и тяжело зарабатывать, т. е. быть «выстрадана» — предприниматель, бизнесмен должен, подобно мифическому герою, пройти через трудности и испытания (создаваемые для него государством), прежде чем ему позволят владеть и распоряжаться его собственностью в указанных выше рамках, «быстро» и «сразу много» зарабатывать не- позволительно. Стратегия рационализации используется, таким образом, в оправдание ограничений прав собственников. «Говорят: Лукашенко против частной собственности. Полная глупость! Частная собственность до- казалась свою мощную эффективность. Но она должна быть выстрадана, эта собственность. Вы понимаете? Если сегодня у “Юкоса” ото- брали собственность, конечно, больно и жалко. Но что успокаивает тот же “Юкос”? Ну как пришло, так и ушло»³. «Поэтому мы за частную собственность, но прежде всего созданную самим человеком. Тогда это частная собственность»⁴. Таким образом, критерием того, что допустимо, а что нет в отношениях бизнеса и государ- ства, выступает некая выстраданность, а также то, приносит ли бизнес пользу населению и го- сударству или нет. Пользой здесь выступает то, что в данный момент времени более всего нуж- но государству: «Государство заинтересовано в развитии частного бизнеса, в повышении доверия к нему. Но только бизнеса честного, приносящего

пользу и предпринимателю, и государству. И са- мое главное — населению»⁵.

Бизнесменам президент в своем дискурсе неоднократно и настоятельно советует держат- ся подальше от того, чтобы участвовать в по- литике и защищать свои интересы: политика не для них, а для общества. Жесткое отделение бизнеса от политики (государства) объясняется частично тем, что, по мнению президента, вза- имной пользы и выгоды при совместной работе быть не может. Невыполнение же данных требо- ваний грозит применением к ним методов, ко- торые используются в политике, т. е. неправо- вых. «... Есть политика, есть бизнес. Там свои правила, здесь свои правила. Перепутаете бизнес с политикой, придете с большими карманами, вле- зете в политику — будете по правилам политики жить. Поэтому у нас нет такого, чтобы бизнес- мен влез в политику или пытался что-то купить. Это чревато страшными последствиями — поте- ряешь все. Ты — бизнесмен, иди, работай, честно и открыто спонсируй, помогай по закону. Никто не тронет. Если только... Нет, я не говорю, что го- лову отвернем, просто в политике другие нравы и понятия. Так же? В бизнесе — свое. Или тем, или тем занимайся»⁶. Тем, кто занимается бизнесом, нужно не столько следовать духу законов и со- блюдать правовые нормы, сколько полностью подчиняться негласным требованиям со сторо- ны президента под угрозой закрытия бизнеса: «Я им всегда говорю: мужики, есть бизнес, а есть политика, так вы определитесь — или вы в бизне- се, или вы в политике. У нас сегодня в Парламенте нет бизнесменов. Один сельский бизнесмен — Де- лендик. Он выиграл парламентские выборы только благодаря тому, что он и в людей инвестирует, и спортивную команду содержит, базу строит, — ну такой он, крестьянский мужик. Больше у нас в политике никаких бизнесменов нет. Это жестоко отслеживается. Я им сразу сказал: я никогда не подниму руку на бизнесмена и буду всегда чинов- ников сдерживать от излишнего вмешательства в ваш бизнес, но имейте в виду, если только вы в бизнесе и начинаете играть в политику, то долж- ны знать, что бизнес по одним законам развивает- ся, а в политике — другие законы, образно говоря. И вы тогда не плачьте, не стоните, когда с вами, если вы, занимаясь бизнесом, придете в политику,

¹ Стенограмма пресс-конференции Александра Лукашенко // <http://www.president.gov.by/press10896.print.html>, документ опубликован 20.07.2004.

² Стенограмма пресс-конференции Президента Беларуси А.Г. Лука- шенко СМИ регионов России // <http://www.president.gov.by/press77284.html#doc>, документ опубликован 02.10.2009.

³ Интервью российскому телеканалу «ТВ Центр»

⁴ Стенограмма пресс-конференции Александра Лукашенко 20.07.2004.

⁵ Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на итоговом пленарном заседании постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов 22.03.2002 // <http://www.president.gov.by/press13375.print.html>, документ опубликован 22.03.2002.

⁶ Стенограмма пресс-конференции Президента Беларуси А.Г. Лука- шенко СМИ регионов России.

будут разговаривать по другим законам. Это белорусский бизнес четко усвоил. И мы за этим наблюдаем, отслеживаем эти процессы»¹.

Еще одной группой, которая относится к семантическому ряду понятия «богатство» в дискурсе белорусского президента являются инвесторы. Дискурс президента обращен, в основном к внешним инвесторам. Белорусский президент рисует образ инвестора как потенциального врага и захватчика, который всеми силами пытается с помощью денег, во-первых, отобрать лучшие предприятия у народа и страны, а во-вторых, влиять на государственную политику исключительно в собственных интересах. «У нас нормальный инвестиционный климат. Но мы хотели бы, чтобы от этого предприятия, от инвестора, который к нам придет, была бы польза и для нашего народа, и для государства. Мы идем на инвестиции, но только в тех сферах, которые сегодня не являются “лакомыми кусками”, как вы их называете, экономики»². Как можно заметить, предлагается та же схема отношений, что и для богатых собственников: возможность работать в тех сферах, где государство не справляется само, или в тех, которые являются малоприбыльными и, следовательно, не очень интересны государству. И, кроме того, обязательность реализации в бизнесе абстрактного требования «пользы для народа».

Инвесторы в дискурсе белорусского президента — это те же частники: они только и думают, что о прибыли, а не о государственных интересах, с ними нужно быть очень осторожными. Они и их деньги — это не просто «чужое», это еще и опасное для общества «чужое». От них, следовательно, можно ожидать всего, преимущественно плохого. Инвестиции по степени своего воздействия сравниваются с наркотиками — если это и хорошо, то очень опасно и требует жесткого контроля со стороны государства, так как их дают с умыслом, а не просто так. «И потом, имейте в виду, иностранные деньги просто так никто не дает. Хотите сесть на иглу американцев, европейцев, еще кого-то. Легко на нее вскочить, а вот, грубо говоря, соскочить с нее потом будет очень тяжело. Тут нас предупреждали украинские товарищи и другие, что “если вы хотите быть зависимыми на всю катушку, то возьмите чужие деньги”»³. Ошибка в выборе инвестора может стоить очень дорого НАМ, особенно если это инвестиции из западных стран.

Тем самым, белорусский президент воспроизводит в своем дискурсе идеологические штампы времен холодной войны, говоря об опасности Запада и всего, что исходит «оттуда», для Беларуси. Сказанное выше служит для обоснования контроля над всеми крупными инвестиционными проектами, который осуществляет президент⁴ (рационализация): «Мы не бросаемся на каждый цент, на каждый доллар, мы просчитываем, во что это обойдется. Это чужие деньги. Чужое всегда дурно пахнет. Это не ворованное, но дурно пахнет. А потом, разрешив, ты никуда не денешься, назад не заберешь. Особенно, если это американцы, Запад... Поэтому здесь, прежде чем сделать шаг, надо понимать, что этот шаг последний и назад возврата не будет. Поэтому торопиться ни в коем случае нельзя. И не надо слушать, если кто-то взахлеб рассказывает, что он инвестиции привезет. Привезет деньги, за бесценно скупит предприятия и будет качать себе в карман деньги»⁵.

Даже, казалось бы, положительные стороны развития инвестиционных проектов — открытие новых предприятий и создание рабочих мест — в устах белорусского президента представляют угрозу для страны и народа. Если кто-то работает и получает прибыль без того, чтобы государство контролировало расход его денег (сверх существующих законодательно установленных рамок), это уже плохо, это не есть норма (стратегия вычеркивания). «Инвестиции, будем прямо говорить, — это деньги.... Но под инвестиции сразу требуют: дайте часть предприятия, приватизация. Тоже неплохо, тоже согласны. Но кто же даст деньги без возврата этих денег плюс прибыль? Никто. Так вот сложится такая ситуация, когда эти инвестиции поступают, а у нас много таких предприятий, так и работает “МакДональдс”. Они приходят на наш рынок, создают предприятия, осчастливили наш народ, что туда устроили 15 симпатичных наших девчушек, которые там заразу эту разносят. Слава Богу, что белорусов не приучили есть. Я очень рад, что вот эти гамбургеры и прочие и не приучили есть. Вот они нам создали блага. А сколько они заработали денег, пусть за свои инвестиции, и вывезли отсюда результаты этого труда, никто не подсчитал. А я считал. Полностью прибыль, полностью прибыль вывозится. Они прибыль здесь не реинвестируют. Они деньги, заработанные на на-

¹ Интервью российскому телеканалу «ТВ Центр».

² Стенограмма пресс-конференции Александра Лукашенко.

³ Заключительное слово Президента А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании...

⁴ Согласно белорусскому законодательству, Инвестиционный договор подписывается на основании решения Правительства Республики Беларусь по согласованию с Президентом Республики.

⁵ Заключительное слово Президента А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании...

шем рынке, потом наших, пусть даже этих девушек и других, они эти деньги здесь не вкладывают. Они здесь их зарабатывают на нашем рынке и вывозят. Скажите, какой прок государству от таких инвестиций?»¹

Причина, по которой западные инвесторы все-таки допускаются в страну, — стремление дать отпор российскому крупному бизнесу, который, обладая значительным капиталом, стремится влиять на проводимую государством и президентом политику (стратегия дифференциации): «Последние события четко продемонстрировали, что нам надо более активно работать с западными и американскими инвесторами. Тогда некоторые российские олигархи перестанут таким вот brutальным образом давить на Беларусь. А то, знаете ли, руки у некоторых господ чешутся “прихватить” наши хорошо функционирующие и прибыльные госпредприятия. Вот тогда мы стали бы “демократией”!»²

Для А. Лукашенко вопрос взаимоотношений с инвесторами — это вопрос взаимоотношений отдельно с Россией и отдельно с другими странами. Инвесторы, таким образом, — еще одна внешняя угроза и внешние враги для страны. С учетом поддержки, которую оказывало российское политическое руководство белорусскому президенту начиная с референдума 1996 г., он вынужден лавировать между необходимостью привлечения в страну иностранных инвестиций (не российских) и тем влиянием, которое российские инвесторы могут оказывать на белорусского президента через российское руководство. И только вынужденная необходимость — угроза политическому режиму и его стабильности, процветанию хорошо действующих предприятий — заставляет все-таки иметь с ними дело.

Экономический кризис 2008 г. вынудил обратиться и к собственным богатым — потенциальным инвесторам в Беларуси. Призывы президента к бизнесменам инвестировать на родине — свидетельство крайней необходимости инвестиций для страны. Тем не менее в дискурсе, обращенном к ним, президент видит роль государства в том, чтобы убеждать бизнесменов: результаты их экономической деятельности зависят от них же. «Привлекая зарубежных инвесторов, мы не должны забывать о своих, с тем,

чтобы добиться конкурентоспособности национальной экономики. Это тоже одно из эффективных антикризисных “лекарств”. Мы должны доказать всем бизнесменам, что их жизненный успех зависит от личной инициативы, предприимчивости, способности к творческому труду, что государство заинтересовано в их успехе. И потом. Это наилучший способ заставить бизнесмена работать без “серых” схем: если он вложит деньги на родине, не будет вывозить их за рубеж. Необходимо оказать содействие небольшим предприятиям и предпринимателям в обеспечении сырьевыми, материальными ресурсами. Активнее привлекать малый и средний бизнес к реализации отраслевых и региональных программ развития»³.

Еще одним понятием в дискурсе белорусского президента, стоящим в одном семантическом ряду со словом «богатство», является слово «оппозиция». Рассуждения о благосостоянии оппозиции, взаимоотношения общества и оппозиции занимают значительное место в дискурсе о «богатстве» в целом. Создаваемый образ оппозиции крайне негативный. Так же, как и в случае с предпринимателями, президент, говоря об оппозиции, использует пейоративную лексику. Ни в одном из анализированных текстов нет положительного упоминания об оппозиции. В оппозиции «болтаются»⁴, причем только те, кто «ну извините, полные отморозки!»⁵ или «наши доморощенные, извините меня, подонки еще те»⁶.

Президент рисует оппозиционеров, как людей, которые нигде не работают, ничего полезного для страны и общества не делают, однако живут гораздо лучше, чем в среднем не только в Беларуси, но и в Европе. В иерархии плохих богатых оппозиционеры занимают низшую ступеньку: они хуже всех, так как предприниматели и бизнесмены хотя бы работают, пусть под контролем государства и в непроизводственной сфере, а оппозиционеры даже не работают. «И пусть эти “политики” расскажут, как они, безработные, так хорошо живут, прекрасно себя чувствуют, по два центнера весом. Даже после голодовки быстро набрали хороший вес, нигде не работая, почти сущие бомжи, но живут лучше, чем предприниматели. Вот пусть ответят

¹ Лекция «Исторический выбор Республики Беларусь» в БГУ // <http://www.president.gov.by/press14059.print.html>, документ опубликован 14.03.2003.

² Интервью Президента Республики Беларусь крупнейшему изданию Германии — газете «Вельт» // <http://www.president.gov.by/press38516.print.html>, документ опубликован 31.01.2007.

³ Послание белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь // <http://www.president.gov.by/press70397.print.html>, документ опубликован 23.04.2009.

⁴ Интервью российскому телеканалу «ТВ Центр».

⁵ Фрагменты интервью Александра Лукашенко телеканалам БТ, ОНТ и СТБ // <http://www.president.gov.by/press13502.print.html>, документ опубликован 27.01.2006.

⁶ Стенограмма пресс-конференции представителям белорусских СМИ 30.12.2009 // <http://www.president.gov.by/press81323.html#doc>

в предвыборную кампанию на этот один вопрос, и тогда будет возможность у них разговаривать с народом. А так — деньги отрабатывают, которые пришли со стороны»¹. В дискурсе президента оппозиционера — это люди, не имеющие собственных взглядов и идеалов, у них нет сторонников, а их интересы и политическая активность продиктованы исключительно желанием заработать большие деньги, т. е. те деньги, которые дают западные фонды на поддержку демократии. Иначе говоря, они не просто богатые бездельники, их работа — продавать родину и народ. Поддержка оппозиции, таким образом, полная глупость: оппозиционеры это те же бизнесмены, которые стремятся к получению прибыли, только здесь это деньги от западных фондов и богатых российских бизнесменов. Получить политическую власть для них — это возможность заработать еще больше, и для этого они готовы на все, не думая о последствиях и не заботясь о народной пользе (стратегия дифференциации). «Они не ставят цель достойно — в выборах — завоевать эту власть. Их сверхзадача просто бороться против за деньги. Это их бизнес, понимаете? И если в оппозиции появляются какие-то новые течения, их тут же пытаются уничтожить. Потому что это новые ры. Это конкуренты на те гранты, которые выделяются Западом и Америкой. Вот и вся наша оппозиция. Вы очень правильно когда-то говорили, что дай им сегодня власть, они не будут знать, что с ней делать. И мне кажется, рассуждение о том, хотят они власти, не хотят, — это не политическая категория. Да, они хотят власти. Но хотят ее только для того, чтобы рассчитаться с Западом, поделить страну и себе кусок урвать, а там — хоть трава не расти. Вот для чего им власть нужна»². Приход оппозиционеров к власти равносильен захвату страны и, следовательно, катастрофе, поскольку в таком случае те, кто за ними стоят, получают все самое ценное в стране — землю и промышленность. «Понятны и помыслы тех, кто их финансирует. Это выгодное вложение капитала. Если удастся продвинуть на должность Президента прикормленного человека, они получают белорусские заводы, фабрики. Всю нашу страну и нашу землю»³.

¹ Стенограмма пресс-конференции Александра Лукашенко.

² Фрагменты интервью Александра Лукашенко телеканалам БТ, ОНТ и СТБ.

³ Обращение Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко к белорусскому народу в связи с объявлением референдума // <http://www.president.gov.by/press10785.print.html>, документ опубликован 07.09.2004.

Экономическая ситуация в стране — то, что выплачивается зарплата, работает село и экономика — достаточно удовлетворительна для жизни. Но это норма жизни, устанавливаемая президентом. Все, кто хотят большего, — вне нормы, а с ненормальными людьми государство будет разбираться уже по другим правилам. Несогласие с проводимой политикой и другой взгляд на политические и экономические преобразования не позволяют считать оппозицию **частью** общества, т. е. выключают ее из общества. Таким образом, это автоматически выводит оппозицию из «Мы» и делает ее «Они». Как и в случае с предпринимателями и бизнесменами, для них правила игры устанавливаются отличные от общепринятых, неправовые. «Когда говорят о “революциях” и прочее, я говорю: мужики, не дергайтесь, успокойтесь, чтобы не было революции, надо не войска готовить, надо сейчас сдавать перед народом экзамен — побольше построек, национальная библиотека, жилье, чтоб зарплата была нормальная, чтоб село нормально работало и экономика нормально. И не будет никакой “революции”. Потому что на улицу пойдут только “отмороженные”. Ну с ними будет особый разговор»⁴.

Государство и президент позволяют оппозиции существовать, что, однако, не дает последней права быть услышанной: «И если мы имеем какие-то контакты с отдельными оппозиционерами и так далее, это не значит, что вот вчера Лукашенко их в Парламент должен был посадить, чтобы они там сидели и творили»⁵. Кроме того, даже в наличии такой оппозиции государство и президент сумели найти пользу для государства (стратегия рационализации). Однако невыполнение оппозицией негласных правил сосуществования с властью может привести к жестким мерам со стороны государства (стратегия исключения). «Скажу откровенно: оппозиция, существующая на зарубежные деньги (а это даже никто не станет среди вас отрицать), — это не оппозиция, это — боевые отряды по проведению чужих интересов и политики у нас в стране. Этим они и занимаются. Вы можете спросить: а почему Вы это терпите? Терпим, пока это терпится... Я им часто говорю: будете дестабилизировать в стране существующее положение — на всю катушку получите. Пока вы обманываете Запад, который вам миллионы подбрасывает, я это рассматриваю как инвестиции

⁴ Интервью российскому телеканалу «ТВ Центр».

⁵ Стенограмма интервью Президента Республики Беларусь руководителям основных средств массовой информации 18.12.2008 // <http://www.president.gov.by/data/press66218.doc>

в наше общество: кто-то дом построил, кто-то автомобиль купил, кто-то в магазин пошел, — они же.... Ни один не работает, а живут хорошо»¹.

Анализ понятия «богатство» в дискурсе российского президента. Проведенный анализ дискурса российского президента в отношении богатства показал, что он отличается от дискурса белорусского в основном по жесткости оценок и степени негативной маркированности отдельных групп общества.

У российского президента речь о предпринимателях, о которых так часто говорит белорусский президент, заходит в основном в контексте развития малого и среднего бизнеса. Основное место в дискурсе российского президента о богатстве занимают олигархи и представители крупного бизнеса. Эти отличия в дискурсах двух президентов легко объясняются разницей двух стран в том, что касается проводимой в 90-х гг. экономической и социальной политики и преобладающих сфер производства.

Бизнесмены у российского президента разделены на представителей крупного бизнеса, с которыми *«государство будет... сотрудничать и будет их поддерживать на национальном и на международном уровне»²*, и на тех, кто принадлежит к клану олигархов, т. е. очень богатых людей, которые стремятся к власти, *«чтобы решать свои корыстные задачи»³* (стратегия дифференциации). Последние воспользовались недостаточно проработанными законами и общей нестабильностью в стране и обществе, смогли нажиться и продолжают *«разворовывать национальное богатство, используя свой особый доступ к органам власти и управления»⁴*.

И если те, кто действует *«абсолютно легально, в рамках закона»⁵* могут рассчитывать на поддержку со стороны государства, то те, кто пользуются неурегулированностью, *«будут поставлены на место. Никакого дополнительного влияния, кроме того, что положено по закону, кроме того, что предоставлено Конституцией, кроме того, что они могут делать с помощью значительного количества средств, которыми рас-*

полагают через средства массовой информации, влиять на прохождение законопроектов в парламенте. Никакого другого влияния не будет, это абсолютно ясно и очевидно»⁶. В своем дискурсе президент рисует образ нечестного олигархатолстосума, который, действуя автономно и бесконтрольно, смог получить максимум для себя. При этом государство, президент и общество были в стороне и никак не могли влиять на ситуацию. Таким образом, с государства и президента частично снимается ответственность за недостатки проводимой экономической политики. Негативная маркированность быстро и сильно разбогатевших дает возможность искать среди них нечестных на руку и, следовательно, виновных в существующем неравномерном распределении доходов в обществе (стратегия исключения).

Как и белорусский президент, российский для характеристики понятий, стоящих в семантическом ряду со словом «богатство», использует пейоративную лексику. Наличие позитивных высказываний о богатых в дискурсе российского президента не меняет общую картину: вклад бизнесменов в развитие общества и рыночные отношения в России не дает им права считаться одной из групп общества и, следовательно, быть представленными в органах власти на равных с другими слоями общества. *«Ни в коем случае нельзя ставить под сомнение положительные стороны развития российского бизнеса. Все, кто развивает рыночные отношения у нас в стране, заслуживают прямой поддержки государства. В этом состоит весь смысл нашей экономической политики. Только нужно, чтобы все люди, которые этим занимаются, не выискивали для себя преимуществ, по сравнению с другими такими же, как они, пролезая в органы власти. Государство должно за этим следить и реагировать по всем линиям»⁷*. Таким образом, стремление бизнеса к защите и, разумеется, к продвижению своих интересов сводится к тому, что о них негативно отзываются как о «пролезающих» во власть. Признавая тот факт, что бизнесмены всегда ищут возможность максимально заработать с минимальными издержками, президент рассуждает и о том, как общественность должна действовать в ситуации, когда есть видимые нарушения, но привлечь к ответственности «неправильных богатых» (олигархов) нельзя. Отсутствие хорошо проработанного механизма

¹ Выступление Президента Беларуси А.Г. Лукашенко на встрече со студентами БГУ.

² Из записи интервью американскому телеканалу «Эн-би-си» 02 июня 2000 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2000/06/125346.shtml>

³ Там же.

⁴ Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 20 июня 2003 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/06/47449.shtml>

⁵ Из записи интервью американскому телеканалу «Эн-би-си» 02 июня 2000 года.

⁶ Там же.

⁷ Стенографический отчет о встрече с молодыми сотрудниками правоохранительных органов 10 ноября 2003 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/11/55331.shtml>

контроля со стороны государства на законодательном уровне подменяется, таким образом, необходимостью неформального контроля со стороны президента, общества и СМИ (стратегия рационализации). *«Наверное, те, кто занимается бизнесом, всегда ищут возможности больше заработать и как можно эффективнее и дешевле это сделать. Задача общественности, наша вместе с вами задача — потому что и глава государства, и средства массовой информации как раз должны за этим очень внимательно следить, — чтобы такой ситуации не создавалось в стране»*¹.

Как и у белорусского, у российского президента большой акцент сделан на задаче не допустить бизнесменов во властные структуры. По его мнению, когда бизнесмены получают возможность через представительство во властных структурах отстаивать свои интересы, создаются условия для коррупции в государстве. *«Проникновение к власти представителей бизнеса и решение своих групповых и частных интересов и создают условия для коррупции в стране в целом»*².

Как и белорусский президент, российский считает, что излишние, неправильно или слишком быстро заработанные богатства могут создавать отчуждение между народом и бизнесом (на фоне большого количества официально признанных бедных), а значит, подвергать сомнению правильность проводимой государством политики в сфере приватизации и т. п. Снятие с государства ответственности за сложившиеся в обществе недоверие бизнесу и перенос ее на нечестный бизнес — еще один способ оправдать сложившиеся социальные практики (стратегия рационализации): *«Почему они попадают в поле зрения государства? Жульничать не надо — и не будут попадать в поле зрения государства. Проблема ведь у нас заключалась в чем. Не в том, что у них были какие-то трудности в отношении со мной, — у них были трудности в отношении с народом России и с законом. Потому что когда люди нарушают закон, при этом обогащаются единицы, а десятки миллионов при этом теряют свои достаточно скромные накопления, которые они приобрели за всю жизнь. Это вызывает недоверие и отчуждение между подавляющим большинством населения и небольшой группой лиц,*

*которые за пять-семь лет скопили миллиардные состояния»*³.

Политика государства по недопущению бизнеса в представительные органы власти квалифицирована в дискурсе президента как абсолютно верная. Повышенное и критическое внимание со стороны западных стран к тому, что *«государство стало активнее бороться с нарушениями в экономической сфере, стало более энергично наступать на пятки тем, кто пытается набить свой карман за счет блага миллионов людей»*⁴, легко блокируется отсылками на то, что слишком богатые на фоне миллионов бедных не нуждаются в защите уже потому, что смогли заработать большие деньги. Очень богатые не нуждаются в защите государства, так как значительное богатство является синонимом нечестности и нарушения закона. *«Все кинулись защищать одну эту нашу нефтяную компанию. Конечно, эти “бедные” люди нуждаются в защите: за пять лет заработать по 6–7 миллиардов долларов на каждого личного состояния — немало, и говорит о том, что они люди талантливые, они умеют себя защищать»*⁵. Во-вторых, в таких случаях работает принцип «На себя посмотри!», когда дисквалификация критикующего автоматически лишает содержания критику с его стороны. Раз это есть и где-то еще (у «них»), то не нужно упрекать нас. *«Но ведь происходят уголовные преследования руководителей компании “Энрон” и “Уорлдком” в США, “Пармалат” в Италии, в некоторых других странах... По моему глубокому убеждению, демократия не означает вседозволенности и анархии, а рыночное хозяйство не должно сопровождаться обнищанием миллионов и сосредоточением миллиардов в руках двух-трех человек, причем таким образом, который не соответствует действующему законодательству»*⁶.

Успешность политики по устранению бизнеса от влияния на принятие политических решений в дискурсе российского президента тождественна отрицанию возможности диалога и взаимодействия между бизнесом и властью. *«Я абсолютно убежден, что за последние годы пресловутая равноудаленность различных представителей бизнеса от органов власти и управ-*

¹ Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 20 июня 2003 года.

² Интервью ведущему американского телеканала «Си-Би-Эс» Майклу Уоллесу 9 мая 2005 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/05/87802.shtml>

³ Интервью журналу «Тайм» 12 декабря 2007 года // http://archive.kremlin.ru/appears/2007/12/19/1607_type63379_154772.shtml

⁴ Стенограмма прямого теле- и радиоэфира («Прямая линия с Президентом России») 25 октября 2006 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/10/112959.shtml>

⁵ Интервью французской телекомпании «Франс-3» 7 мая 2005 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2005/05/87644.shtml>

⁶ Там же.

ления в стране все-таки состоялась. Что до тех, кто не согласен с этой позицией, то, как раньше говорили, иных уж нет, а те далече»¹.

Как и в случае с белорусским президентом, у бизнесменов, кроме развития бизнеса и соблюдения установленных правил его ведения, появляется в российских условиях и другая обязанность. Она не прописана законодательно, но ее невыполнение ведет к невозможности продолжать вести бизнес. Это социальная ответственность перед народом, которому бизнес обязан своим богатством. «Нужно, чтобы бизнес понял, что у него есть социальная ответственность и что главная его задача — не копить деньги на счетах и не выводить их за границу, а реализовать себя как личность здесь, на своей собственной Родине. Ценность человека и бизнесмена не в том, какое богатство он скопил, а что он сделал для народа, руками которого он достиг таких результатов. Вот эти новые моральные принципы, если они возникнут, разрушат стену отчуждения между народом и бизнесом, и тогда люди будут больше доверять тем, кто руководит крупными компаниями и имеет большие состояния»². Социальная ответственность бизнеса в дискурсе президента — повод для особого внимания государства к тому, способствует ли развитие бизнеса улучшению жизни людей в регионе, где бизнес работает, и росту доходов населения в целом. Такой ход позволяет частично снять ответственность с государства за то, что рост доходов не такой значительный и не такой быстрый, как обещает государство, и переложить ответственность на бизнесменов (стратегия рационализации). Здесь можно провести параллель с высказываниями белорусского президента о пользе, которую должны приносить богатые народу, если они хотят продолжать существовать и далее. И, кроме того, можно заметить снижение ценности индивидуальных достижений и повышение ценности коллективного блага. «Мы уже не раз говорили о важности системного понимания социальной ответственности бизнеса. Очевидно, что индивидуальный успех, а также успех отдельных корпораций по-настоящему устойчив, лишь если он устремлен в перспективу, связан с реальными нуждами людей, которые живут в нашей стране, если он нацелен на долговременное закрепление бизнеса в отдельных отраслях или на конкретных территориях... Убежден, российское предпринимательство в корне заинтересовано

в том, чтобы иметь благоприятную социальную базу для своей деятельности и должно по-настоящему прочно и надолго обустроиваться в собственной стране»³.

Экономический кризис 2008—2009 гг. служит для российского президента дополнительным аргументом в пользу того, чтобы усилить влияние государства на бизнес для решения социальных задач. То, что бизнесмены смогли заработать в 90-х, обязывает их быть благодарными и налагает на них, помимо прочего, моральную ответственность за сегодняшнюю ситуацию в стране в экономической и социальной сферах.

Таким образом, мы видим частичную передачу функций государства и перекладывание на бизнесменов ответственности за те сферы, где государство не справляется — занятость, низкие зарплаты и бедность. На фоне общей экономической ситуации предприниматели должны думать не только о сохранении бизнеса, прибыли и т. п., но также и том, соответствует ли их деятельность нравственным критериям (критерии не определены). Иными словами, оценка эффективности работы бизнеса и его пользы для страны переносится в область морали: «Вы знаете, я думаю, что роль бизнеса в ситуации кризиса должна быть не только традиционной — развитие бизнеса, развитие производства... Но она должна быть и нравственной. Наш бизнес развивался очень быстро. И за счет этого приобрел и много дополнительных возможностей. Нигде, может быть, в мире так быстро не происходило развитие предпринимательства за последнее время, как в нашей стране. Просто люди становились очень богатыми за очень короткие сроки. Теперь пришло время отдавать долги, долги моральные, потому что этот кризис — это тест на зрелость. Если человек реально стал настоящим бизнесменом, он умеет ценить своих работников. Он будет стараться, может быть, часть своих предложений, часть своих идей или личное потребление отложить на потом, сохранить трудовой коллектив, платить ему заработную плату, сохранить то, чем он занимался последние годы»⁴.

Государство позволило бизнесменам работать, т. е. как бы одолжило им, и, следовательно, они должны теперь отдать этот долг. Государство, таким образом, выступает не как

¹ Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 20 июня 2003 года.

² Интервью журналу «Тайм» 12 декабря 2007 года.

³ Вступительное слово на XIV съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 16 ноября 2004 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2004/11/79499.shtml>.

⁴ Разговор с Дмитрием Медведевым. Ответы на вопросы руководителя дирекции информационных программ «Первого канала» Кирилла Клейменова 15 марта 2009 года // <http://news.kremlin.ru/transcripts/3442>

регулятор или арбитр, а как даритель. И если в тех условиях, которое оно создает, становится сложно работать, это повод обвинять часть общества в неправомерности: «А если человек начинает дергаться, если он продает бизнес, бежит куда-то, это означает то, что он неправильный предприниматель»¹. Как и в белорусском случае, бизнес не есть народ, не есть общество. Бизнесмены — в стороне, они принадлежат к другой группе, они — «чужие» (стратегия исключения).

Тема инвестиций у российского президента представлена следующим образом: президент говорит о необходимости инвестиций для модернизации различных капиталоемких отраслей экономики, сельского хозяйства и т. п., а также о создании более благоприятного для инвестиций законодательства и общего инвестиционного климата — условий, когда инвесторы смогут уверенно работать и получать прибыль. «Еще одна тема, которую я хотел бы сразу же обозначить в этом кругу в начале года. Нам пора вернуться к вопросу об инвестиционном климате в нашей стране. Это не значит, что он у нас запредельно плохой, но, если говорить откровенно, за последнее время мы не много сделали для его улучшения...»².

Рассуждая о том, как должен действовать инвестор, президент признает важность соответствующего законодательства и его стабильность для того, чтобы обеспечить инвестору возврат вложенных средств и прибыль. Однако использование пейоративной лексики в рассуждениях о том, почему инвесторы не вкладывают в Россию, выступает маркером негативного отношения к ним (стратегия дифференциации). Они как *животные*, которые что-то и откуда-то тащат. Складывается образ инвестора, который при не слишком благоприятных условиях для ведения бизнеса не просто уходит из страны вместе с деньгами, а тащит. Таким образом, можно говорить о том, что позитивные высказывания об инвесторах являются демонстрацией необходимости, а не призывом к диалогу и сотрудничеству. «Если вы знаете, что в какой-то стране существует порядок, при котором вы вложите сюда 10 миллионов долларов, а вывезти их никогда не сможете, то вы, наверное, не будете этого делать. А если вы уверены в том, что с денег, вложенных вами в экономику данной страны, получите прибыль и сможете распорядиться этой прибылью в соответствии с действующим в этой стране законодательством (которое вы

знаете, понимаете, и вы уверены в том, что оно будет действовать хотя бы на протяжении периода окупаемости ваших вложений), тогда вы не побоитесь вкладывать сюда и не будете тащить отсюда. То есть должна быть определенная экономическая и политическая стабильность. Потому что зачем вам тащить в другое место, когда и здесь хорошо. От добра добра не ищут»³.

Дискурс российского президента об инвесторах и инвестициях позволяет говорить о том, что он обращен и к собственным богатым, т. е. тем, кто по разным причинам вывез деньги из страны, и к внешним инвесторам, деньги которых были бы очень желательны для государства. У российского президента, по сравнению с белорусским, инвесторы и инвестиции получают не такую негативную окраску, а кроме того, нет жесткого раздела на «Мы/Они», «общество/инвесторы».

Отличия в дискурсах двух президентов можно объяснить следующими обстоятельствами. Поскольку в Беларуси большинство предприятий государственные, их инвестиционная деятельность и так достаточно контролируется. После продолжительной изоляции Беларуси от ЕС и США возможности для привлечения в страну западных инвестиций было значительно меньше. И учитывая образ западных стран как врагов после спорных референдумов и непризнания результатов выборов, публично заявлять о том, что страна нуждается в их инвестициях, было бы для белорусского президента политически некорректно.

Что касается оппозиции, то в дискурсе российского президента прослеживается такая же тенденция, как у белорусского: понятие «оппозиция» стоит для него в одном семантическом ряду с понятием «богатство». Российский президент в своих выступлениях обращается к теме финансирования оппозиции. Упоминаний о положительных моментах того, что может сделать оппозиция, у российского президента, как и у белорусского, нет. Те, кто не согласны с проводимой политикой, автоматически зачисляются в получателей зарубежных средств. За иностранные деньги они готовы подорвать ситуацию в стране изнутри с тем, чтобы получить определенные дивиденды (прибыль) за счет народа. Их задача — ослабить государство. Иными словами, так же, как и у белорусского президента, оппозиция не есть часть общества и не есть народ (стратегия дифференциации

¹ Там же.

² Совещание по экономическим вопросам 26 января 2010 года // <http://news.kremlin.ru/transcripts/6638/print>

³ Интервью главным редакторам газет «Комсомольская правда», «Известия», «Московский комсомолец», «Труд» 22 марта 2001 г. // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2001/03/.shtml>

и исключения). Возможные перемены — это ослабление государства и, следовательно, недопустимы. Идеалом выступает, таким образом, сохранение сегодняшнего положения дел, сложившегося отношения между обществом и властью. *«Те, кто противостоит нам, не хотят осуществления нашего плана. Потому что у них совсем другие задачи и другие виды на Россию. Им нужно слабое, больное государство. Им нужно дезорганизованное и дезориентированное общество, разделенное общество — чтобы за его спиной обдирать свои делишки, чтобы получать коврижки за наш с вами счет. И, к сожалению, находятся еще внутри страны те, кто “шакалит” у иностранных посольств, иностранных дипломатических представительств, рассчитывает на поддержку иностранных фондов и правительств, а не на поддержку своего собственного народа»¹.*

Кроме того, те, кто стремятся к власти не на стороне президента, оказываются людьми из прошлого (90-х гг.), и их образы в дискурсе президента также крайне негативные. Они стремятся только к разрушению сегодняшнего благополучия и стабильности в стране для получения односторонней выгоды. Как и у А. Лукашенко, у российского президента оппозиция не имеет собственных взглядов, ее политическая активность продиктована исключительно экономической заинтересованностью и жадной наживы. *«Одним словом, это все те, кто в конце прошлого века привел Россию к массовой бедности, к повальному взяточничеству — к тому, с чем мы боремся до сих пор. И не нужно иллюзий, уважаемые друзья! Все эти люди не сошли с политической сцены. Их имена вы найдете среди кандидатов и спонсоров некоторых партий. ... Сегодня все видят, что Россия накопила огромные ресурсы. Кому-то хочется вновь все отнять, поделить, а затем разрушить до основания, как это делали уже не однажды, а кому-то — опять все растащить и разворовать»².*

То, что деньги, которые получает оппозиция, не свои, а иностранные — еще один повод говорить о вмешательстве в государственные дела России ее врагов с целью получения экономической выгоды и разрушения единства страны: *«Растет и поток денег из-за рубежа, используемых для прямого вмешательства в наши внутренние дела. Если посмотреть, что происходило в прежние, давние времена, то увидим, что*

еще даже в эпоху колониализма говорили о так называемой цивилизаторской роли государств-колонизаторов. Сегодня на вооружение берутся демократизаторские лозунги. Но цель одна — получение односторонних преимуществ и собственной выгоды, обеспечение собственных интересов»³.

Анализ понятия «бедность» в дискурсах российского и белорусского президентов. Понятие «бедность» противоположно по значению понятию «богатство» в интересующей нас оппозиции богатство/бедность. Анализ семантического ряда понятия «бедности» как нехватки, недостатка чего-либо важен для того, чтобы посмотреть, каким видится решение этого вопроса с точки зрения достижения социальной справедливости и того, как должны складываться отношения общество/государство в случае неравномерного распределения богатств и выражения обществом нехватки чего-либо.

Дискурс белорусского президента. Белорусский президент в своем дискурсе слово «бедность» почти не упоминает. Для обозначения проблемы он использует выражения «небогатые», «незащищенные слои», «социально малозащищенные» и т. п. (стратегия эвфемизации). Признавая тот факт, что в Беларуси все-таки есть люди, чьи доходы еще недостаточны для обеспечения минимально приемлемого в данном обществе уровня жизни, он почти не говорит о том, что в стране есть бедность: *«Да, живем мы пока небогато. Но достаток нашей белорусской семьи неуклонно растет»⁴, «Я не боюсь, что жизненный уровень упадет, потому что, честно говоря, не такой он у нас уж высокий, чтобы упасть»⁵.*

С одной стороны, это можно объяснить тем, что признать наличие в стране бедных — значит, поставить под сомнение эффективность проводимой государственной политики и, следовательно, дать повод политическим оппонентам говорить о том, что нужны изменения. С другой стороны, это объясняется тем, что в Беларуси нет резкого разделения на сверхбогатых и бедных, как в России. Следовательно, по мнению

¹ Выступление на форуме сторонников Президента России 21 ноября 2007 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/11/153636.shtml>

² Там же.

³ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125339.shtml>

⁴ Обращение Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко к белорусскому народу в связи с объявлением референдума.

⁵ Стенограмма пресс-конференции Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко «Час с Президентом» // <http://www.president.gov.by/press13522.print.html>

президента, государство, зная лучше общества уровень его требований, выполняет свои обязательства и контролирует ситуацию. Сам факт наличия места работы — уже достаточное основание для того, чтобы граждане были довольны жизнью. Критерий богатства в дискурсе президента — это тот уровень жизни, который дает наличие работы и стабильного заработка, без того, чтобы оценивать *уровень дохода и уровень качества жизни*. «Сегодня у нас экономика хорошая. Мы сегодня обеспечиваем себя на уровне потребностей нашего общества. Народ небогато пока живет, но живет нормально. Тот, кто работает, тот богато живет. Сегодня власть в стране контролирует ситуацию»¹. Сокрытие существующих социальных институтов с помощью использования стратегии эвфемизации в дискурсе белорусского президента становится, таким образом, способом консервации сложившихся отношений государства и общества.

Недовольство в обществе проводимой государственной политикой не является темой для обсуждения в дискурсе президента. Недовольство, идущее снизу, означающее необходимость изменений, которые могут привести к непредсказуемым последствиям для стабильности сегодняшней системы, блокируется отсылками к прошлому, когда «было еще хуже». Таким образом, обратная связь от общества к государству становится не нужна. «Что касается одного ребеночка, ну, я думаю, вы в состоянии сами одного прокормить. Раньше, извините меня, люди вообще ничего не получали, мех отрубей по итогам года на селе, и по 9 детей выращивали, а сегодня говорите, что очень сложно и трудно»².

В дискурсе «бедности» у белорусского президента прослеживается тенденция к понижению критериев уровня жизни населения и попытка легитимировать уменьшение роли государства в решении социальных вопросов, причем одновременно с ростом ответственности бедных слоев населения за то состояние, в котором эти люди оказались.

Один из основных козырей белорусской модели развития — это оставшаяся с советских времен система бесплатного медицинского обслуживания. Несмотря на всеобщность данного вида помощи, А. Лукашенко в своем дискурсе настаивает на том, что жители страны должны

в первую очередь сами беречь свое здоровье. В случае, если кто-то требует помощи от государства, важно разобраться, подходит ли он под некие абстрактные критерии (хороший он или нет), и только потом оказать ему помощь. Нормальность/хорошесть становится критерием для входа в систему распределения таких благ, как всеобщая бесплатная медицинская помощь. Таким образом, частично снимается ответственность и нагрузка с государства, а несоответствие размытым критериям становится поводом для невыполнения государством своих обязательств перед обществом. «Здоровье — это слишком дорогая вещь. И за дорогие вещи, если можно так сказать, надо платить. По крайней мере, дорогостоящие вещи надо беречь, поэтому все мы должны понимать: если мы не хотим платить каждый год за дорогие вещи, которым является здоровье, надо его беречь. Посмотрите, кого мы лечим? Сколько процентов у нас обмороженных по пьянке, полуутопленных по пьянке, прокуранных так, что легкие развалились? Так почему здоровый человек, который вкалывает день и ночь, должен отчислять из своих средств на лечение пьяниц, курцов и наркоманов? Такая социальная политика должна постепенно сводиться к нулю. Каждый должен платить за себя сам. Надо учиться у наших соседей — Запада. Есть определенная помощь, которую государство обязано оказывать, есть люди, которые еще сегодня бедновато живут, но болеют, есть же и нормальные люди, хорошие люди, которые болеют, — мы должны их поддерживать»³. Больные, не соответствующие критерию хорошеести, не нужны обществу: бесплатно медицинское обслуживание должны получать только те, кто «нормален», и те, кто заслуживают этого, по мнению Нас (стратегия дифференциации). Отсылка к западным странам в данном случае не более чем попытка убедить население в том, что можно самим за себя платить и при этом хорошо жить.

Еще один часто обсуждаемый вопрос в выступлениях президента — это оставшиеся еще с советских времен льготы для большого количества категорий граждан. Социальные обязательства государства перед гражданами в виде льгот должны быть, по мнению президента, сведены к минимуму. Практика предоставления льгот показала свою неэффективность, следовательно, ее нужно менять: с одной стороны, нужно постепенно от нее отказываться, а с другой —

¹ Интервью Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко западноевропейским СМИ // <http://www.president.gov.by/press62569.print.html>, документ опубликован 18.09.2008.

² Стенограмма пресс-конференции Александра Лукашенко // <http://www.president.gov.by/press10896.print.html>, документ опубликован 20.07.2004.

³ Обращение Президента Республики Беларусь А. Лукашенко с посланием белорусскому народу и Национальному собранию // <http://www.president.gov.by/press13483.print.html>, документ опубликован 19.04.2005.

бедные слои общества (потенциальные потребители льгот) должны минимизировать свои потребности: «..Мне говорят: “Вот пенсионеры, ваш оплот и надежда, вот они против вас. Все против отмены этих льгот”. Но я не понимаю, почему в городе-герое Минске, где мы миллиарды и миллиарды вкладываем в то, чтобы и тротуары были лучше, и магазины рядом, и аптеки, пенсионер должен бесплатно ехать? Куда? Магазин рядом, аптека рядом, товаров сегодня – дай Бог. Платить же надо и помогать и пенсионеру, и тому, кто нуждается, только для того, чтобы он необходимое смог получить для жизни. А здесь оно рядом – выйди на улицу, даже вот на первый этаж спускайся в магазин, покупай. Это же не на селе, что порой надо за два – три километра бедному пенсионеру идти. Видите ли, обидели минских пенсионеров. Чем обидели? Если ты хочешь каждый день на другой край Минска ... ехать для того, чтобы внучке, внуку отвезти шоколадку, побыть у своих детей, – купи билет и езжай»¹. Потребности пенсионеров низводятся до минимального уровня: наличие пенсии, ее выплата в установленное время, близость необходимых объектов бытового обслуживания – аптек и магазинов. Проезд по городу – это уже не необходимость, а роскошь, особенно если сравнить с тем, что есть у сельского пенсионера. Пенсионеры – это ОНИ, ведь это Мы строим, убираем для них улицы и помогаем ИМ. Они уже не есть часть общества, интересы которой надо учитывать так же, как интересы других групп. Их мнение и их интересы важны в той мере, в какой это нужно НАМ (стратегия дифференциации). ИХ жалобы на то, что их обидели, несправедливы, по мнению президента, тем более, что пенсионеры бывают разные и всегда можно найти тех, у кого пенсии еще меньше, чем у тех, кто чем-то недоволен (стратегия рационализации).

Что касается отношения к традиционно бедной и «социально не защищенной» группе – студентам, то здесь показательно следующее высказывание президента, сделанное им после того, как студентам и пенсионерам в 2007 г. отменили льготы на проезд в общественном транспорте: «И вы из села, и я из села. Я в субботу, воскресенье постоянно ездил домой для того, чтобы привезти картошки, сала, еще чего-то, чтобы нормально прожить неделю. Я это прекрасно помню, это совсем недавно было. И я считаю, что это надо сохранить. Но огульно, как бы ни непопулярно не звучало в этой аудитории, никто бесплатно ездить не будет. Просто у нас

выхода другого нет, мы другого механизма не придумали, как поверить руководству университета, вуза, который будет тратить эти деньги»² (стратегии символизации единства и рационализации).

Идеал для студентов, по словам президента, это возврат к прошлому, к тому, как учились студенты в СССР, – с помощью родителей, проживающих в сельской местности, которые вели натуральное хозяйство и могли обеспечивать детей продуктами. Решение об отмене льгот студентам в дискурсе президента представляется справедливым, так как среди студентов всегда есть те, у кого хорошо зарабатывают родители и кому льготы, по мнению президента, не нужны (стратегия дифференциации). Таким образом, определенная помощь от государства будет только тогда, когда оно тщательно всех проверит и уже после этого будет помогать тем, кому льготы нужны «действительно». Обеспеченные/богатые, по мнению президента, студенты исключаются из системы предоставления льгот (стратегия исключения). «В каждой группе, я опять вспоминаю свои студенческие годы, все мы знали, что нужно тому или иному студенту. Может он прожить без помощи или не может. Сегодня среди вас очень много людей, которым эта помощь абсолютно не нужна, у которых родители нормально зарабатывают. Такие никогда не придут и не скажут: отдайте вот этому парню или девушке. Я уверен. Поэтому здесь вы сами определитесь, а со временем мы наработаем эту систему – кому и как помогать. Все должно быть точно и справедливо. Поэтому на эти решения не обижайтесь»³. Обратной связи общество (студенчество)/государство нет и не может быть – государство лучше знает, кому и что можно давать и на каких условиях. Просьба не обижаться в данном случае сводит взаимоотношения президента и студентов к лично-семейным. Откуда логично следуют покровительственно-родительское отношение со стороны президента и детско-подчиняющиеся отношение со стороны студентов: любые действия президента и государства в такой патерналистской схеме могут быть оправданы его «заботой».

Государство в дискурсе президента может помочь только после того, как человек сам позаботится о заработке и семье. Но даже в этом случае помощь не может быть значительной, хотя, по признанию президента, и нелишней. Тем самым президент косвенно признает, что

¹ Выступление Президента Беларуси А.Г. Лукашенко на встрече со студентами БГУ.

² Там же.

³ Там же.

все-таки без поддержки властей часть населения с маленькими доходами не сможет выжить: *«Мы не бедные сегодня. В бюджете денег в пять раз больше, чем на начало моей президентской деятельности, а, может быть, даже и больше. Но лишних денег нет. Каждый человек (святая, наверное, формула) должен заботиться о себе, о своей семье, зарабатывать сам. А что придет извне и кто—то поможет — будет сверх того, это не лишнее»*¹.

Если государство в лице чиновников и президента что-то дает людям, то это не их обязанность перед обществом, а их личная дополнительная помощь. Просить, а тем более требовать что-то у государства, таким образом, ненормально. *«А все, что государство там, Лукашенко, Президент или Правительство дадут, — ну и хорошо. Это сверх того, что человек сам зарабатывает. А может, ему это и не понадобится»*².

Президент изображает себя как родителя, который слишком берег и баловал свой народ. Только его излишняя заботливость о народе привела к несамостоятельности людей и к тому, что они стали чего-то требовать от государства и президента вместо того, чтобы самим решать свои проблемы. Ответственность с президента, таким образом, снимается и перекладывается на привыкших к чрезмерной опеке со стороны государства «избалованных» детей — общество. *«Если взять, допустим, социальную сферу — какой главный урок? Непопулярную вещь сейчас скажу: я уж слишком аккуратен был с нашими людьми, лелеял, оберегал — и коммунальные услуги, и то, и это. И на руках носил. И люди поняли, что мы в Беларуси должны жить, как жили в Советском Союзе, — нам дадут, нам принесут, нам сделают, нам помогут, за нас будут образование получать, учиться и так далее. А надо было более решительно идти на то, чтобы люди рассчитывали, прежде всего, на себя. ... И вот я получил соответствующий урок, что надо было сконцентрировать основное внимание, создавая условия и понуждая, если уже на то пошло, людей к самостоятельности»*³.

Экономический кризис в 2008—2009 гг., став внешней угрозой для сложившейся в Беларуси социально-экономической системы, явился также поводом для использования в дискурсе президента стратегии символизации единства (для мобилизации общества на борьбу с этой

угрозой). Цель — сохранить рабочие места и производство. Во имя этой цели и во имя общих интересов каждый человек обязан, если понадобится государству, работать круглые сутки. Таким образом, снимается часть функций органов государственного управления в том, что касается возможных путей выхода из кризиса и улучшения общей экономической ситуации в стране: если удастся сохранить то, что есть, это будет еще одним свидетельством правильности выбранного курса, и, следовательно, возникающие проблемы можно отнести только к влиянию внешних, неподконтрольных факторов. Стабильность, таким образом, является тем, к чему нужно стремиться. Одновременно часть ответственности перекладывается на тех, кто не готов к такому ходу событий, т. е. не хочет работать круглосуточно. *«Наш народ, и я в том числе, категорически не приемлет сокращения рабочих мест и выбрасывания людей на улицу. Мы взяли другой курс — сохранить производство и каждого человека, кто хочет работать на этом производстве, оставить у станка. Другие страны пошли по другому принципу: нет реализации — нет работы, на улицу! Но народ должен понимать: коль мы пошли этим путем, значит, надо приходить на работу и работать с утра до ночи, может быть, сутками, не спать, не есть. Мы все вместе должны сохранить производство. Если мы его сохраним, мы первыми выйдем из этого кризиса»*⁴ (стратегия символизации единства).

Кроме того, президент пытается снять ответственность за проблемы, порожденные кризисом, и с себя. В своем дискурсе он сводит общее развитие в экономике и социальной сфере к росту промышленного производства и улучшению качества выпускаемой продукции. Президент как институт, в дискурсе А. Лукашенко, не является регулятором внутренней политики и не определяет, какие социально-экономические преобразования должны проходить в стране. *«Потому что экономике нужно развиваться, нам надо быть богаче. Чтобы быть богаче, чтобы вы имели большие стипендии — надо больше производить, больше и дорожке продавать. А значит, качественнее надо делать продукцию. Вот и все. И это не зависит от Президента, от того, плохой он или хороший. А если и зависит, то немного. Все зависит от нас»*⁵.

Органы государственной власти в дискурсе белорусского президента — это не чинов-

¹ Ежегодное Послание Президента Беларуси белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, апрель 2008.

² Стенограмма пресс-конференции представителям белорусских СМИ.

³ Там же.

⁴ Послание белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь.

⁵ Выступление Президента Беларуси А.Г. Лукашенко на встрече со студентами БГУ.

ники на службе. Это мудрые распределители благ и возможностей. Именно они уменьшают количество бедных, именно они дают рабочие места, и именно они заботятся о жизни граждан во всех сферах жизни — от жилья до проведения досуга. Таким образом, декларируется контроль государства над различными сферами жизни и создается образ государства-благотворителя, родителя и начальника в одном лице, которого нет нужды контролировать, так как оно само знает, **что и как** делать. А если что-то получается не так — то виноваты «объекты», на которых направлены его действия. Одновременно происходит снижение требований для органов государственной власти и повышение их к гражданам. *«Власть идет навстречу людям буквально во всем. Предоставляются рабочие места. Постоянно растет уровень доходов... Кардинально улучшаются условия жизни на селе. Оснащаются на самом современном уровне медицинские учреждения. У нас качественное и доступное образование. Созданы все условия для занятия спортом, для отдыха и культурного досуга. Но почему-то мы все время акцентируем внимание на том, что государственные органы делают для человека. Такой однобокий подход — путь к потребительству. Время требует двустороннего движения. А так, что получается? Государство беспокоится о занятости, повышении зарплаты, а на рабочих местах пьянство, прогулы, низкая производительность труда и никудашное качество. Отсюда, кстати, и убыточность предприятий»¹.*

Тем не менее государство в дискурсе президента не снимает с себя необходимости заботиться о пенсионерах и гражданах, чьи зарплаты остаются очень низкими, особенно в бюджетной сфере. Оно **разрешает** им работать не на одну ставку, а на две, а в случае с пенсионерами — **разрешает** им получать и пенсию, и зарплату. *«Бедных у нас быть не должно!.. Но при этом надо учитывать, что та же уборщица, санитарка имеет возможность работать не на ставку, как они привыкли — три часа “посидела” и пошла, и “ты давай мне большие деньги”. Мы добавили за ставку значительно. Но, пожалуйста, возьми полторы ставки. ... Мы работающим на государственных низкооплачиваемых должностях сейчас даем реальную возможность заработать. И на это надо ориентировать людей... А учитывая, что у нас немало пенсионеров и пенсионеров работает на этих должностях, то*

¹ Доклад Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании // <http://www.president.gov.by/press24121.print.html>, документ опубликован 02.03.2006.

вообще получается заработная плата, близкая к “министерской”»².

«Нормальная», с точки зрения президента, зарплата (возможно, недостаточная, с точки зрения самого работника) компенсируется в дискурсе президента хорошим отношением к людям со стороны государственной власти. Таким образом, минимальные социальные гарантии (наличие работы и своевременное получение зарплаты) поданы в качестве повода не обижаться на власть и не требовать у нее что-то еще. Как и в случае со студентами, образ государства — этот образ заботливого родителя, на которого дети не должны обижаться, так как все делается для их блага. Любые требования изменить что-то в такой ситуации становятся неуместными. Как видим, и здесь отсутствие изменений — идеал взаимоотношений государства и общества. Именно государство определяет, кому и сколько платить, что является достаточным. Обратная связь не нужна. Использование стратегий рационализации и нарративизации становятся в дискурсе президента способами оправдания сегодняшних отношений государства/общества и сложившегося еще в советское время отношения работающих к работодателю: *«Вы делаете вид, что платите, — мы делаем вид, что работаем»*: *«Да, можем дать нормальную зарплату, можем еще чем-то помочь, а потом сказать: слушай, ты, разгильдяй и бездельник, я же тебе дал, а ты вон какой! Нашим людям не надо такое отношение! Наш человек сразу подумает: лучше бы ты мне вообще ничего не давал, но не издевался и не оскорблял меня. Нам надо сделать так, чтобы народ, работая на нашей земле, получая заработанные деньги, никогда не обижался на власть, которую он избирает, и на меня как Президента, которого он избрал, не обижался»³.*

Таким образом, работа президента и правительства — это работа «в себе», автономно от общества, а не работа «для» — для общества в целом и для каждого человека в отдельности. То, что люди вынуждены рассчитывать на государство и, соответственно, ждут от него социальных гарантий, это их вина, а не законное требование налогоплательщиков отчета чиновников перед ними. Сегодняшние вынужденные изменения в сфере социального обеспечения связаны с тем, что людям позволили некоторое

² Выступление Президента Беларуси на совещании по социальным вопросам // <http://www.president.gov.by/press10974.print.html>, документ опубликован 16.10.2004.

³ Заключительное слово Президента А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании и ответы на вопросы, поступившие в ходе собрания...

время пожить так, как было при Союзе. Мудрые государственные деятели не обязаны ничего давать. А если и дадут, то только дополнительно. Распределение благ в обществе по неясным и неопределенным для общества критериям — прерогатива чиновников и президента. И чем меньше общество требует от государства, тем лучше.

Для полноты анализа следует указать на то, к какой категории (бедным или богатым) относит сам себя белорусский президент. Проведенный анализ дискурса белорусского президента демонстрирует негативное отношение к богатству во всех его проявлениях. Очевидно, что президент не может позиционировать себя как принадлежащего к богатым. В своем дискурсе белорусский президент подчеркивает, что он обладает значительной властью в том, что касается одобрения инвестиционных проектов и перераспределения денежных средств, а это, по его мнению, очень не нравится на Западе. Это позволяет поддерживать образ президента как борца с внешней угрозой (Западом и всем, что идет оттуда): *«Вот чем меня можно убить, я уже повторяюсь, так это упреками, что я у кого-то что-то взял или украл — вот этим напроочь можно уничтожить. И когда мне это говорят, они знают, что меня можно этим задеть, я болею потом после этого. Обладая колоссальной властью, переворачивая указами Президента миллиарды долларов, я никогда не видел свой интерес в этом. Многих иностранцев — американцев и других — бесит то, что Лукашенко не за что взять»*¹.

Несмотря на это, у него ничего нет: ни квартиры, ни денег, ни легальной возможности это все купить. Создается образ президента, который работает исключительно на благо народа и страны без того, чтобы ему за это платили, и, следовательно, без того, чтобы с него можно было за это спросить. Наличие заработанных денег, недвижимости и т. п. выступает в данном случае еще одним маркером богатства, т. е. того, к чему не нужно стремиться, а нужно остерегаться и контролировать. Как мы уже говорили, те, к кому президент обращается и кого причисляет к МЫ, не богатые, а «малообеспеченные» слои общества. Таким образом, для создания иллюзии общности декларирование кем-то собственной обеспеченности является просто недопустимым. Даже у президента ничего нет, и он не стремится изменить такое положение дел (символизация единства). *«У меня нет ни квартиры. У меня нет ни накопленных*

*денег. ... Но я загнал себя в такой угол, что я не могу позволить даже абсолютно легально, нормально обеспечить своих детей квартирой и так далее. ... У меня нет денег, чтобы им построить квартиру. Даже в Минске. Мне самому, если я не Президент, негде жить. Но я надеюсь на то, что, если уже я не буду Президентом, наверное, мне домик уже какой-то дадут. Я на это надеюсь. Но если нет — ну еще же руки, ноги есть, что-то заработаю, я себе квартиру построю. Но это ненормально, я согласен. Ведь я немало сделал для страны. Немало. Миллиарды, я могу называть миллиарды долларов, реальных денег. Но я сам себя загнал вот этой борьбой с коррупцией, с другими вещами в такой угол, что я не могу позволить себе даже это»*².

Дискурс российского президента. В отличие от белорусского, в дискурсе российского президента говорится о наличии в стране значительного количества официально признанных бедных. *«У нас подавляющее большинство наших граждан пока живет очень скромно, доходы имеет низкие»*³. Президенту даже стыдно *«за бедность населения. Очень низкий уровень жизни населения. Низкие доходы»*⁴. В большинстве выступлений российского президента данная проблема ставится, однако она не раскрывается: на протяжении десяти лет говорится приблизительно одно — бедность есть, проблему нужно решать, и мы это делаем. Бедность показывается в качестве неизменного, постоянного и регулярно повторяющегося феномена (стратегия погружения во вневременное состояние): *«Крайне важна последовательная государственная линия на общее повышение доходов граждан и снижение уровня бедности в стране и, не скажу ничего нового, — борьба с инфляцией, конечно, потому что иначе доходы будут обесцениваться»*⁵.

Проследим, какие способы решения данного вопроса предлагаются президентом в качестве основных. Частично решение проблемы бедности сводится к утверждению того, что она будет решена в ближайшем будущем, которое

² Интервью российскому телеканалу «ТВ Центр».

³ Стенограмма прямого теле- и радиозвонка («Прямая линия с Президентом России») 12 декабря 2002 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2002/12/29647.shtml>

⁴ Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 20 июня 2003 года.

⁵ Вступительное слово на заседании президиума Государственного совета «О работе органов государственной власти субъектов Российской Федерации по реформированию жилищно-коммунального хозяйства и строительству доступного жилья, в том числе для малообеспеченных слоев населения» 19 января 2007 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/01/116857.shtml>

¹ Там же.

вот-вот наступит. Это позволяет информацию о решении проблемы заменить декларированием планов о ее решении в будущем: «Уже в ближайшие годы мы должны покончить с бедностью среди пенсионеров, поднять средний размер пенсии выше прожиточного минимума и довести уровень оплаты труда в социальной сфере до среднего уровня зарплат в каждом из регионов страны»¹. Частично же решение видится в признании факта, что самостоятельно, без помощи государства справиться со столь сложной проблемой население не может. «Нужно посмотреть правде в глаза и признать, что сегодня без поддержки государства многие наши сограждане, оказавшиеся в наиболее тяжелых, сложных жизненных условиях, сами решить этот вопрос не в состоянии»².

Способы, предлагающиеся для уменьшения бедности, видоизменяются во времени. Сначала это была просто помощь бедным в виде повышения социальных выплат, зарплат бюджетникам и борьбы с инфляцией. Следующий этап — борьба с неравномерным распределением доходов в российском обществе. «Самый трудный — это, конечно, **борьба с бедностью**, но должен отметить, что мы все-таки последовательно эту проблему решаем. Сегодня это не просто борьба с бедностью — сегодня это изменение ситуации, при которой у нас очень большой диспаритет между доходами тех, кого мы считаем богатыми гражданами России, и тех, кого мы считаем людьми с низкими доходами»³. Одним из способов решения проблемы неравномерного распределения богатств в обществе может стать изъятие неправильно заработанного — в обход общественного интереса и для получения выгоды — богатства олигархов (стратегия исключения). Например, в дискурсе президента, это могут быть деньги от продажи активов ЮКОСа. «Конечно, возникает извечный вопрос: где взять деньги? Но, во-первых, деньги у нас есть, и формирование расходной части бюджета — это всегда лишь вопрос выбора приоритетов как на федеральном уровне, так и на региональном. А во-вторых, у меня есть и конкретное предложение: направить на эти цели значительные дополнительные доходы, в том

числе от улучшения администрирования налоговых сборов, от приватизации государственного имущества, а также, может быть, и от продажи активов компании «ЮКОС» для погашения ее долгов перед государством»⁴. Неправильно заработанное богатство становится, таким образом, источником помощи бедным. Это позволяет снять социальное напряжение: учитывая сложности с законом у многих бизнесменов, связанных с постоянно меняющимся законодательством в начале 90-х, можно всегда указать на них пальцем и собственность изъять. Но здесь же возникает следующая проблема: как мы уже говорили в отношении дискурса президента, обращенного к богатым, общество делится на тех, кто *правильно* заработал, и тех, кто заработал *неправильно* (стратегия дифференциации). Критерий правильности — это учет интересов народа. Как и в случае с белорусским президентом, работа на благо народа определяет правильность/неправильность получения дохода. Критерии того, что есть благо, никак не определены, и это дает широкий простор для различных трактовок того, что есть благо и польза народа и страны, а следовательно, возможность для злоупотреблений власти.

Что касается темы льгот, то, как и у белорусского президента, льготы, по мнению президента России, становятся ненужными, поскольку политическая стабильность в государстве позволяет проводить реформы в социально-экономической сфере: «У нас в стране очень большое количество людей, которые пользуются льготами. В тот период времени, когда экономика и политическая сфера постоянно «колотили» друг друга — и то, и другое находилось в достаточно плачевном состоянии: принимали столько законов и правил, что в настоящее время у нас в стране, вы даже не представляете, сколько людей пользуются льготами»⁵.

То, что государство вместо льгот даст деньги (монетизация), снимает с него ответственность за эффективность такого рода политики и перекладывает ответственность на малообеспеченные слои граждан. Все, как у белорусского президента, — если МЫ дали ВАМ, а ВЫ недовольны, то это ВАШИ проблемы (стратегия дифференциации). Государство, таким образом, выступает в дискурсе президента в качестве мудрого распределителя благ, не ожидая и не обращая внимания на реакцию общества (рацио-

¹ Начало встречи с членами Совета палаты Совета Федерации Федерального Собрания 15 января 2008 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/01/156777.shtml>

² Послание Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/04/125339.shtml>

³ Стенограмма прямого теле- и радиозэфира («Прямая линия с Президентом России») 18 октября 2007 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/10/148629.shtml>

⁴ Послание Федеральному Собранию Российской Федерации.

⁵ Стенограмма прямого теле- и радиозэфира («Прямая линия с Президентом России») 19 декабря 2002 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2002/12/29647.shtml>

нализация). *«Вы знаете, у нас сейчас проблема не в том, чтобы добавить кому-то новые льготы, а отменить существующие. И не потому, что мы плохо относимся к тем, кто пользуется этими льготами. Напротив, это, как правило, наиболее достойные граждане нашей страны. Но дело в том, что мы очень часто, говоря об этих льготах, лукавим и ставим людей в унизительное положение. Потому что, по факту жизни, эти льготы до этих людей не доходят. И поэтому генеральное развитие этой ситуации на другом направлении должно быть. Просто в тривиальном повышении уровня заработной платы. Человек сам, имея деньги в кармане, должен решить, на что их потратить: на телефон, на проезд в транспорте либо на... что-нибудь вкусное. Хотел что-нибудь еще сказать, но, думаю, еще что-нибудь не то ляпну. Это сам человек должен решить. Это самое правильное решение вопроса»¹.*

Кроме уже названных способов уменьшения бедности (повышение пенсий и зарплат в бюджетной сфере, борьба с инфляцией, снижение резкого разрыва между бедными и богатыми), предлагается вариант развития малого и среднего бизнеса и, следовательно, увеличения среднего класса. Учитывая масштабность проблемы бедности и то, что на протяжении всего анализируемого периода данная проблема так и не была решена, государство в дискурсе российского президента постепенно переключается с просто поддержки нуждающихся на помощь тем, кто может решить свои имущественные проблемы самостоятельно. Как видим, у российского президента так же, как и у белорусского, решение социальной проблемы переносится с государства на объект его влияния — общество. Если госаппарат не справляется, то можно попробовать сменить целевую группу, которой будет отдаваться приоритет при оказании помощи. Таким образом, косвенно признается неэффективность действующей политики по отношению к бедным, но снимается ответственность за это с чиновников и президента. *«Как можно эту задачу решить? Вообще можно ее решить или нет? Конечно, можно и не только с помощью повышения денежного довольствия военнослужащих, повышения зарплат бюджетникам, врачам и так далее, а с помощью развития малого и среднего бизнеса. Нужно стремиться к тому, чтобы у нас рос средний класс. Тенденция абсолютно позитивная. Нужно*

¹ Встреча со студентами Калининградского государственного университета 27 июня 2003 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/06/47945.shtml>

заниматься этим постоянно. И обязательно будем это делать в будущем»².

Экономический кризис 2008–2009 гг. и его последствия сказались в первую очередь на бедных слоях населения. Трудности, возникшие у населения при поиске работы, получении пособий, пенсий и выплат зарплат вкупе с обесцениванием доходов — это еще один повод требовать изменений в социальной политике. Декларируемая помощь среднему классу в данном случае равнозначна признанию своего бессилия и невозможности, особенно после кризиса, хоть как-то справиться с бедностью. *«Мы должны сегодня думать и о том, как помочь людям, которые готовы внутренне найти новую работу, пойти работать в бизнес, постараться создать свое дело. Это гораздо сложнее, чем просто получать пособие по безработице. Это момент внутренней мотивации, если хотите, воли, энергии к жизни. Но это, с другой стороны, и наиболее ценные решения, которые люди принимают. И в этом смысле все-таки мы определенные решения сейчас приняли. Смысл их заключается в том, чтобы создавать новые рабочие места и новые стартовые условия для занятия малым бизнесом»³.*

Учитывая сложность и многоплановость проблемы бедности, государственная политика в социально-экономической сфере может не давать прогнозируемого эффекта. Но если государство не справляется, то масштабность проблемы, с точки зрения президента, позволяет применять жесткие и неправовые меры. *«Сознание того, что в стране есть люди, живущие в условиях жесточайшей нужды, причем люди, имеющие работу, дает право действовать твердо. Те, кто, пользуясь нашей политической и экономической свободой, думает лишь о собственном благополучии, о беспредельной выгоде или просто разгильдяичит, как это сейчас мы наблюдаем в некоторых районах Дальнего Востока, должны встретить соответствующую реакцию со стороны государства»⁴.* Таким образом, регулирование может осуществляться государством не только через институты, но и неформально. Кроме того, трудности с решением проблемы бедности служат еще одним поводом для усиления присутствия государства в различных

² Стенограмма прямого теле- и радиоэфира («Прямая линия с Президентом России») 18 октября 2007 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/10/148629.shtml>

³ Разговор с Дмитрием Медведевым. Ответы на вопросы главного редактора информационной службы НТВ Татьяны Митковой 19 апреля 2009 года // <http://news.kremlin.ru/transcripts/3790>

⁴ Выступление на встрече с работниками Магнитогорского металлургического комбината 9 декабря 2000 года.

сферах и принятия решений «нерыночного» характера (стратегия эвфемизации): *«Очень рассчитываю на то — а Правительство давало такие поручения, — что Правительство будет напряженно думать и придет к определенным решениям, даже не очень рыночного характера. Но сегодня мы, думаю, должны пойти на некоторые, даже нерыночные, решения для того, чтобы жизнь людей на Дальнем Востоке, в Восточной Сибири ничем не отличалась по уровню, по качеству от качества жизни тех, кто проживает в Европейской части. Мы можем и должны это сделать»*¹.

Что касается того, к кому — бедным или богатым — относит себя российский президент, то здесь мы можем наблюдать следующую картину: у него, как мы уже отмечали выше, негативное отношение к богатству не так сильно выражено, как у белорусского. Поэтому акцент на имуществе, которым *не* обладает президент, не сильный. Однако и российский президент, говоря о своих богатствах, настаивает на том, что для него важнее моральные ценности: его богатство — это не временные (материальные) ценности, а более «высокие» духовные ценности, доверие народа. *«Это правда. Я самый богатый человек не только в Европе, но и в мире: я собираю эмоции, я богат тем, что народ России дважды доверил мне руководство такой великой страной, как Россия, — считаю, что это самое большое мое богатство»*². Вопросы о доходах президента и, следовательно, о возможном общественном контроле главы государства вызывают неприкрытую агрессию, которая выражается в использовании пейоративной лексики: *«Что касается различных слухов по поводу денежного состояния, я смотрел некоторые бумажки на этот счет: просто болтовня, которую нечего обсуждать, просто чушь. Все выковыряли из носа и размазали по своим бумажкам. Вот так я к этому и отношусь»*³. Так же, как и белорусский президент, российский в данном случае не говорит о своем имуществе (т. е. его у него как бы нет) и вызывает к моральным ценностям (стратегия символизации единства). Это и есть идеал общественного устройства: нематериальное важнее материального.

Кто виноват и что делать? Существующее положение дел в социально-экономической

¹ Стенографический отчет о пресс-конференции для российских и иностранных журналистов 1 февраля 2007 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/02/117588.shtml>

² Ежегодная большая пресс-конференция 14 февраля 2008 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/160108.shtml>

³ Там же.

сфере не идеально для обоих президентов. Оба президента говорят о необходимости изменений. Существующая социально-экономическая политика и сложившиеся отношения между государством и обществом легитимируются по схожим направлениям.

Анализ дискурса А. Лукашенко. Для дискурса А. Лукашенко характерно постоянное напоминание о том прошлом, которое было до его избрания президентом, когда *«без руля и ветрил Беларусь стремительно катилась в неизвестность»*⁴. Это был период, когда *«Беларусь чуть не погибла в шторме либеральных экономических реформ»*⁵, *«и все бросались в ноги юному Президенту и гвалтом кричали: помогите, спасите семью»*⁶. На фоне 90-х — периода бурных политических и экономических преобразований — образ президента рисуется как фигура мудрого спасителя и борца, который, благодаря воле и жестким политическим мерам смог спасти страну. Экстремальность и катастрофичность тогдашней ситуации оправдывает в дискурсе президента и те жесткие политические меры, которые были приняты, белорусский суперпрезидентализм (рационализация): *«И тогда, конечно, для того чтобы спасти экономику, людей, создать государство (а вопрос стоял о создании независимого государства), естественно, нужны были и воля, и жесткая власть»*⁷.

То, что президентом был избран именно он, человек «из народа», — способ легитимировать сложившиеся практики доминирования, используя стратегию символизации единства: мы были вместе тогда, мы вместе сейчас и, следовательно, будем вместе в будущем. *«И поэтому они отмени всякую власть и избрали меня, можно сказать, совсем неизвестного для них человека, молодого политика. Я тогда победил в первом туре. Но первый тур был сфальсифицирован, и те, кто был у власти, организовали второй тур. И люди почувствовали опасность: что вот у них хотят отобрать их право проголосовать так, как они хотят. И я был там, внизу, среди людей»*⁸. Кроме того, для демонстрации единства власти и народа белорусский президент использует обращение

⁴ Стенограмма выступления перед студенческой молодежью Брестчины

⁵ Выступление Президента Беларуси А.Г. Лукашенко на встрече со студентами БГУ.

⁶ Ежегодное Послание Президента Беларуси белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, апрель 2008.

⁷ Интервью Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко западно-европейским СМИ.

⁸ Там же.

к теме Великой Отечественной войны. Наряду с распадом СССР она выступает в качестве точки отсчета для формирования истории страны, оправдания политических и экономических практик и сегодняшнего уровня жизни в стране. «Было от чего растеряться, опустить руки ... Люди, миллионы людей оказались без работы, без куска хлеба. К тому же в республиках-сестрах немедленно началась “прихватизация” экономики. Не буду рассказывать об этом подробно — вы все это знаете. Откат экономики был почти как во времена Великой Отечественной. ... Но народ выстоял и в это время. Выстоял на том западе и настрое, с которым воевал и восстанавливал страну в послевоенный период»¹. Сегодняшние различия в уровне социально-экономического развития у Беларуси и западных стран в дискурсе президента легко объясняются тем, что для этих стран война закончилась, а для Беларуси нет. Таким образом, президент использует стратегию рационализации для оправдания невысокого уровня жизни. «Никто из этих государств не потерял трети своего населения во Вторую мировую войну. Никто из них не жил еще 10–15 лет в землянках, восстанавливая страну без посторонней помощи после нацистской тактики “выжженной земли”. Вот почему та война для нас все еще “вчера”, а для них — “давным-давно”. Но ничего. Мы не ожесточились. Мы открыты к партнерству, взаимодействию — со всеми. Мы работаем. И у нас что-то получается»².

Белорусы в дискурсе президента не стремятся к материальным ценностям западных стран, так как, во-первых, довольны жизнью, а во-вторых, внешнее богатство западных стран скрывает моральные недостатки этих обществ — равнодушие и жесткость. Таким образом, президент воспроизводит еще советские штампы о «загнивании» Запада. Возвеличивание и выпячивание собственных моральных ценностей становится еще одним способом продемонстрировать единство с народом, используя стратегию символизации единства. «Да, за нами и за странами Западной Европы — разная история и разной длины и качества путь. Да, жизнь

там, видимо, богаче и для тех, кто состоятелен, возможно, повольтоннее. Но в чем-то жестче и равнодушнее. По крайней мере, мы на их богатство не заримся. Мы удовлетворены своей землей, своим государством и своей жизнью. Мы у них ничего не просим. Мы не отрицаем: нам есть чему поучиться у многих стран мира, и прежде всего европейских. И мы учимся и не стесняемся этого. Только у нас, говоря спортивным языком, разный гандикап»³. Декларация удовлетворения сегодняшним положением дел равносильна отрицанию возможных изменений: быть довольным тем, что есть, — еще один способ не стремиться к изменениям.

Кроме сказанного выше, есть еще один фактор, который, во-первых, извиняет не очень высокий уровень жизни белорусов, а во-вторых, служит оправданием контроля государства над всеми сферами жизни, — это отсутствие богатых месторождений полезных ископаемых: «У нас нет сырья и богатых спонсоров. Нам все надо заработать своим мозгом и умом»⁴. Этим объясняется и то, почему не все преобразования в стране проходят быстро и эффективно (стратегия рационализации): «Еще раз подчеркиваю: мы не можем сунуть под Минском оглоблю в землю и оттуда польется фонтан нефти, как в Ираке или в Саудовской Аравии, не можем пробурить скважину в полтора, даже три километра — и хлестанет газ. У нас этого нет. Только ум, творческая инициатива на основе науки дадут нам возможность выжить, как выживали и выживают и неплохо сегодня живут многие государства»⁵.

Единство власти, понимаемое как отсутствие политических разногласий и, следовательно, политического диалога, а также как контроль над всеми сферами деятельности в обществе, оправдываются тем, что только так можно сохранить существующее положение дел в стране (рационализация). «Страна должна быть единой. Власть должна быть единой, особенно в нашей стране. Было бы у нас море нефти и океан газа, можно было бы пренебречь многими вещами. Но когда живешь с копейки, когда эту копейку ищешь, чтобы в стране было лучше,

¹ Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на торжественном собрании, посвященном 60-й годовщине освобождения Республики Беларусь от немецко-фашистских захватчиков и Дню Независимости Республики Беларусь (Дню Республики) // <http://www.president.gov.by/press13450.print.html>, документ опубликован 02.07.2004.

² Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко «Внешняя политика Республики Беларусь в новом мире» на совещании с руководителями заграничных учреждений Республики Беларусь // <http://www.president.gov.by/press13998.print.html>, документ опубликован 22.07.2004.

³ Там же.

⁴ Доклад Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на втором Всебелорусском народном собрании // <http://www.president.gov.by/press11533.print.html>, документ опубликован 18.05.2001.

⁵ Доклад Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на третьем Всебелорусском народном собрании // <http://www.president.gov.by/press24121.print.html>, документ опубликован 02.03.2006.

чтобы люди нормально жили, чтобы строить библиотеку и покупать дорогую аппаратуру для больницы, и делать многое другое, то надо крепко думать, прежде чем принять решение. ... Так что все надо взвешивать, все просчитывать в том смысле, куда направить в первую очередь эту копейку, и работать слаженной командой. В этом тоже единство власти»¹.

Кроме советского прошлого в его различных проявлениях, а также объективных географических факторов, есть еще один фактор, мешающий успешной реализации проводимой президентом политики, — это плохо работающие госчиновники. Именно из-за них в стране не решена проблема коррупции: «Наш Парламент активно подключился к решению и такой фундаментальной задаче, как борьба с бюрократизмом. По сути, это два взаимосвязанных явления: бюрократизм — самая благоприятная среда для процветания коррупции»². Плохие чиновники — это враги, с которыми президент вынужден бороться. Их некачественная работа ухудшает имидж власти и мешает развитию бизнеса. «Принято столько прогрессивных решений, а ситуация улучшается очень медленно. И причина не в том, что в стране не дают свободы бизнесу, что нет правовой базы. Госаппарат погряз в бюрократизме. ... Не могу понять: или вы взятки ждете, или просто не умеете нормально работать? Бездеятельность таких горе-чиновников подрывает авторитет власти»³. Таким образом, проблемы взаимоотношений бизнеса и власти сводятся к решению проблемы бюрократии или просто к надуманности. «И пусть никто не спекулирует на надуманных противоречиях по линии “власть — бизнес”. Ничего подобного нет! Если и возникают спорные моменты, это или экономические злоупотребления отдельных представителей бизнеса, или административный произвол некоторых чиновников, возмивших себя удельными князьками»⁴. Они же мешают и инвесторам, чьи деньги, хоть и вынужденно, все-таки нужны государству. «Вся загвоздка в нерасторопности

министров и председателей исполкомов. Еще реализация крупных //инвестиционных// проектов побуждает хоть к какой-то деятельности, потому что они, как правило, контролируются Президентом. А “мелкими” — в несколько миллионов долларов — наши чиновники вообще брезгают заниматься»⁵. Изворотливые чиновники умеют делать так, что даже хорошие законы, принятые на уровне правительства и президента, работают совсем не так, как должны бы были. Это позволяет снимать значительную часть ответственности с президента и перекладывать ее на подчиненных — правительство и чиновников на местах (стратегия дифференциации): «Вот на макроуровне, на верхнем уровне, и законы приняли, и правила обеспечили. Но до человека, к сожалению, все это еще не дошло. Не дошло и потому, что все законами не отрегулируешь. А наш чиновник умеет найти лазейку, как можно девальвировать весь закон, забыть о законе»⁶.

Как и в случае с трудными 90-ми, президент в такой ситуации представляется мудрым спасителем и борцом-одиночкой. Для улучшения ситуации достаточно разбюрократить /дебюрократизировать систему, т. е. избавиться ее от излишнего влияния чиновников. «Настало время разобрать завалы. Дебюрократизировать страну»⁷. Президент, таким образом, — это не глава государства и руководитель всех тех государственных чиновников, которых он критикует, а человек, находящийся вне системы управления. Он вместе с народом. «Вы знаете, что я объявил борьбу по дебиюкратизации нашего общества. Из чего я исходил? Из встреч с вами на местах, даже там, где вы не говорили, я чувствовал, что обижают нашего человека». Его функция не сводится к выработке практик, способствующих максимально полной реализации государственных программ. Президент — это всезнающий и все контролирующий орган. Он все обо всех знает, может щадить и миловать, его должны бояться, а при необходимости он может применять те методы, которые сочтет нужными. «Что касается “огонь по штабам” и запугивание чиновничества, давайте скажем откровенно, это же функция Президента. ... Он эти штабы контролировать обязан или открывать огонь, или подвергать критике, или щадить. ... Я же не шел к людям и не говорил: слушайте,

¹ Послание Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко белорусскому народу и Парламенту Республики Беларусь. // <http://www.president.gov.by/press14098.print.html>, документ опубликован 16.04.2003.

² Стенограмма заключительного совместного заседания Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва // <http://www.president.gov.by/press64046.print.html>, документ опубликован 23.10.2008.

³ Ежегодное Послание Президента Беларуси белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь, апрель 2008.

⁴ Послание белорусскому народу и Национальному собранию Республики Беларусь.

⁵ Там же.

⁶ Стенограмма заключительного совместного заседания Палаты представителей и Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь третьего созыва.

⁷ Фрагменты интервью Александра Лукашенко телеканалам БТ, ОНТ и СТБ.

я вас тут обниму всех, накормлю, согрею, вы будете что хотите делать, вы, чиновники, будете приватизацией заниматься, воровать, красть. Я же этого не говорил, я говорил, что огонь будет по штабам на уничтожение, если вы будете так делать. Избрали — выполняйте. Не выполняете, тогда может быть и огонь...»¹.

Что касается необходимости все-таки менять некоторые сложившиеся практики, то в дискурсе белорусского президента это происходит на протяжении всего анализируемого периода. Белорусское государство смогло усовершенствовать оставшиеся после распада СССР предприятия и сделало это настолько успешно, что эти предприятия готовы купить. «Мы довольно успешно модернизировали оставшуюся нам “в наследство” экономику. И теперь кое у кого загорелись на нее глаза»², «кому-то не нравится та политика, которую мы проводим, особенно социальная политика. Не нравится то, что мы не продали за бесценок, не раздали нашу экономику, а, наоборот, ее модернизировали. Мы не пошли на бездумную приватизацию, как это, скажем, произошло в России»³ (стратегия дифференциации).

Тем не менее, несмотря на успех, очевидный в глазах президента, необходимо идти в ногу со временем и стремиться к тому, чтобы все, что осталось после Союза, улучшать не меняя. «Знаете, мы уже выжали все практически из того, что нам досталось от советских времен, и из того, что построили в последние годы. ... Поэтому инновации, новые производства — это то, на чем мы сосредоточим свои усилия. Надо модернизировать старую экономику и строить новые предприятия уже на основе последнего слова в технологиях»⁴.

Анализ дискурса российского президента. Российский президент также обращается к 90-м гг. для легитимации сегодняшней социально-экономической политики и сложившихся отношений государства и общества. Данный период в дискурсе президента рисуется как период тяжелых социально-экономических потрясений, когда «государству не удавалось выполнять даже те скромные обязательства, которые оно на себя брало ... задержки с пенсиями были многомесячными»⁵. А кроме этого, это период

бурных политических конфликтов и преобразований, когда, по мнению президента, «недостаток материального благополучия компенсировался бесконечными политическими дискуссиями»⁶. Правление президента-предшественника не принесло стране ничего хорошего и лишь усугубило те социально-экономические проблемы в обществе, которые образовались после распада Союза (стратегия дифференциации): «Когда я стал Президентом, страна помимо нашей воли уже была погружена в хаос гражданской войны на Кавказе, столкнулась с огромными экономическими трудностями, с разрушением социальной сферы, с большим количеством людей, оказавшихся за чертой бедности»⁷. Кроме экономических сложностей, президент был поставлен перед лицом еще одной угрозы обществу — психологической. «Тяжелое состояние дел в экономике и социальной сфере и, конечно, потеря многих ценностных ориентиров нанесли психологический удар обществу. Усилили социальные болезни, коррупцию, преступность... Богатая Россия превратилась в страну бедных людей»⁸.

Сегодняшнее положение дел в экономике благодаря усилиям президента стало намного лучше. Именно самоотверженная работа президента и его окружения, а не каких-то других групп общества и не какие-то другие факторы сделали возможным улучшение ситуации в стране. «Везет дуракам, а мы работаем с утра до ночи. Да, есть положительные внешнеэкономические факторы, но давайте вспомним: и во времена Советского Союза цены на нефть и газ тоже взлетали до небес, а результата не было, просто тупо закупали ширпотреб за границей и сюда завозили. У нас другая экономическая политика»⁹.

Экономический рост, вовремя выплачиваемая зарплата, особенно в бюджетной сфере, стабильность в дискурсе российского президента являются критериями успешности проводимой им политики и эффективности функционирования институтов (рационализация). Во всяком случае, изменения не нужны. Тем не менее президент косвенно признает, что все, называемое им «достижениями», было сделано интуитивно, случайно, а не с помощью хорошо проработанной, согласованной политики и эффективно функционирующих институтов. «Но то,

¹ Стенограмма интервью Президента Республики Беларусь руководителям основных средств массовой информации.

² Интервью Президента Республики Беларусь крупнейшему изданию Германии — газете «Вельт».

³ Там же.

⁴ Фрагменты интервью Александра Лукашенко телеканалам БТ, ОНТ и СТВ.

⁵ Стенограмма прямого теле- и радиозэфира («Прямая линия с Президентом России») 25 октября 2006 года.

⁶ Совещание по экономическим вопросам 15 января 2010 года // <http://news.kremlin.ru/transcripts/6638/print>

⁷ Интервью журналу «Тайм» 12 декабря 2007 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2007/12/154772.shtml>

⁸ Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» 8 февраля 2008 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/160108.shtml>

⁹ Интервью журналу «Тайм» 12 декабря 2007 года.

что мы сделали в последние годы в экономике, является безусловным успехом... Мы занимаемся сейчас конкретными делами в социальной политике, восстанавливаем целые отрасли экономики. Принципы принципами, но здесь так же, как и во внешней политике, очень многое делается на уровне искусства»¹. Социально-экономические достижения страны подаются не как результат диалога и согласования интересов, а как результат борьбы политических сил. Таким образом, опять прослеживается тема борьбы президента с врагами за то, чтобы население жило хорошо. И те, кто хочет жить хорошо, должны тоже принять участие в этой борьбе. «Социальная стабильность, экономический подъем, да просто мир на нашей земле, пусть скромный, но все-таки очевидный рост уровня жизни — все это не с неба упало. И не поставлено пока, к сожалению, в режим безусловного, автоматического исполнения. Это результат постоянной, порой острой, жесткой политической борьбы как внутри страны, так и на международной арене, столкновения интересов. Борьбы не может быть без участия народа, без вашего участия»².

У российского президента прослеживается также тема жертвенности ради достижения главной цели — восстановления страны. Здесь можно заметить некоторое сходство с дискурсом белорусского президента о Великой Отечественной войне (стратегия символизации единства): «Я могу вам точно сказать: я не просто как бы занял место для себя, не просто вступил в должность — я решил для себя, что готов для восстановления своей страны на все, на любые жертвы. То есть я для себя определил это как главный смысл всей моей жизни»³.

Кроме того, обращение к опыту успешных стран — тоже не выход из положения, так как «не все, что там делается, — хорошо. Я так думаю, во всяком случае. И, выражаясь суконным языком прошлого, слепое преклонение перед Западом нам не нужно»⁴.

Еще одним виновником того, что проводимая политика не столь эффективна, как могла бы быть, являются для российского президента чиновники (бюрократия): «Есть и мнение, согласно которому промышленная политика в наших условиях сегодняшнего дня есть не что иное, как лоббирование через государственные струк-

туры интересов одних бизнесов в ущерб другим. И что в конечном итоге все сводится к тому, кто и сколько даст денег. А решает это “его королевское величество” чиновник»⁵. Именно они виноваты в коррупции: «То, что общество стало более свободным, всегда имеет в себе плюсы и минусы. Плюсы очевидны, а минусом является в том числе и большая раскрепощенность чиновников, которые приобретают возможность контролировать денежные потоки, брать взятки, пытаться залезать в бизнес»⁶. Именно они неправильно распределяют ресурсы в обществе в обход интересов народа и в угоду нечестным бизнесменам (стратегия исключения): «Этот поистине чудовищный набор бюрократических препон — и федеральных, и региональных, и местных — провоцирует, как я уже сказал, взяточничество и вымогательство»⁷.

Как и белорусский президент, российский позиционирует себя не в качестве главы государства, а в качестве человека, отстраненного от принятия решений. Он не есть глава государства, который вырабатывает внутреннюю политику. Он — наблюдатель, который высказывает мнения и пожелания, может критиковать и ругать, но при этом сам ни за что не несет ответственности (стратегия дифференциации). «У меня только одно опасение, что членов этой межведомственной комиссии нужно будет отлавливать и через полгода регулярно направлять их в места не столь отдаленные. Вот в чем проблема, понимаете? У нас очень большое здесь своеобразие, мягко говоря, со всеми распределениями, связанными с материальными ресурсами. Как только чиновник начинает все это делать, все — пиши пропало»⁸.

Соответственно, чтобы решить проблему «забюрокраченности», нужно «разбюрокрачивать» экономику, «разбюрокрачивать коммерческую деятельность»⁹ и т. д. Призыв разбюрокрачивать/дебюрокрачивать различные сферы жизни общества присутствует в дискурсе президента на протяжении всего анализируемого

¹ Там же.

² Выступление на форуме сторонников Президента России.

³ Интервью журналу «Тайм» 12 декабря 2007 года.

⁴ Заключительное слово на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 14 ноября 2003 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2003/11/55586.shtml>

⁵ Там же.

⁶ Интервью немецкому журналу «Шпигель» 2 ноября 2009 года // <http://www.kremlin.ru/news/5929>

⁷ Вступительное слово на заседании президиума Государственного совета «О преодолении административных барьеров в развитии малого бизнеса и мерах налоговой политики, направленных на стимулирование его роста» 27 марта 2008 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/03/200925.shtml>

⁸ Стенографический отчет о совещании по проблемам социально-экономического развития Дальневосточного федерального округа 23 августа 2002 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2002/08/29304.shtml>.

⁹ Из записи интервью американскому телеканалу «Эн-би-си».

периода (стратегия исключения). «Что касается земель, которые раздали без необходимого законодательного оформления или в обход действующего законодательства, я хочу попросить наших коллег из Государственной Думы подумать над тем, как решить вопрос об их изъятии. Мы же с вами прекрасно понимаем, о чем идет речь: те самые **коррупцированные чиновники** и раздали эти земли в ожидании того, чтобы снять эту ренту, на которой они сидят. А неэффективные собственники — это кто? Это их пособники»¹.

Несмотря на дискредитацию чиновников, президент, тем не менее, выражает и некоторое единение с ними в вопросах, касающихся выполнения обещаний перед народом (символизация единства): «И вы напрягайтесь, как хотите, сокращайте за счет других расходов неэффективных, их там достаточно, стройки дурацкие, где там деньги “смыливают”, закройте, а это мы должны сделать. Мы обещали гражданам страны, они нам поверили — и мы должны исполнить это безусловно»².

Как и у белорусского, в дискурсе российского президента присутствуют постоянные призывы о необходимости все-таки менять некоторые сложившиеся практики и объяснения того, что для этого должно быть сделано и уже делается. Улучшение в социально-экономической сфере связано в дискурсе президента с реализацией «**инновационного сценария развития**»³ и приданием экономике «**инновационного характера**»⁴. Одна из важнейших задач правительства — «**диверсифицировать нашу экономику, сделать ее современной, развивающейся на новейших технологиях**»⁵. Улучшения в экономической сфере связаны с решением проблемы диверсификации: «**Диверсификация нашей экономики и придание ей инновационного характера развития, повышение в этой связи, многократное повышение производительности труда, как я говорил, даже до четырех раз, может быть**»⁶. Кроме того, инвестиционный климат, для улучшения которого было сделано совсем не так много,

¹ Стенографический отчет о заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов 7 апреля 2006 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/04/104272.shtml>

² Ежегодная большая пресс-конференция 14 февраля 2008 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2008/02/160108.shtml>

³ Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года».

⁴ Заключительное слово на встрече с членами парламентской фракции «Единая Россия» 1 июля 2006 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/07/108089.shtml>

⁵ Стенограмма прямого теле- и радиозэфира («Прямая линия с Президентом России») 25 октября 2006 года // <http://www.kremlin.ru/text/appears/2006/10/112959.shtml>

⁶ Ежегодная большая пресс-конференция 14 февраля 2008 года.

как этого хотелось бы президенту, также может быть улучшен за счет того, что «мы выходим из кризисной ситуации и занимаемся модернизацией собственной страны, собственной экономики и занимаемся переходом на высокотехнологичный, инвестиционный, инновационный путь развития»⁷ (стратегия эвфемизации).

Заключение. Проведенный анализ дискурсов позволяет говорить о главенствующей тенденции: основным способом оперирования идеологий у обоих президентов является **фрагментация**, которая выражается в использовании стратегий дифференциации и исключения. Кроме того, используются стратегии рационализации, демонстрации единства, эвфемизации и погружение во вневременное состояние (см. табл. 1).

В отношении богатых использование **стратегии дифференциации** выражается в следующем: их делят на хороших и плохих путем определения неправильности заработанного богатства (в негосударственном секторе и без пользы для народа — в Беларуси, в обход национальных интересов — в России). Таким образом, легитимизируется государственный контроль над доходами и расходами бизнеса с тем, чтобы государство решало, как распоряжаться их собственностью. Делать это можно и с помощью изъятия неправильно заработанного, и с помощью создания дополнительных обязательных условий работы для бизнеса, связанных с переносом на бизнес части функций государства в тех сферах, где оно не справляется.

Эта же стратегия используется российским президентом и в отношении инвесторов: они поделены на хороших, которые нужны и не «тащат» свои деньги в случае трудностей в экономике, и плохих, которые «тащат».

Кроме разделения «богатых», стратегия дифференциации используется белорусским президентом в отношении тех, кто получает бесплатную медицинскую помощь (нормальные/ненормальные), студентов (бедные/небедные) и пенсионеров (городские/сельские).

У обоих президентов данная стратегия используется в отношении чиновников (хороший президент/плохие чиновники) с тем, чтобы отделить президента от плохо выполняющих его поручения и на этом фоне создать образы президента-эксперта-арбитра-родителя (а не главы данных чиновников), а также образ государства-дарителя. Кроме того, стратегия

⁷ Совещание по экономическим вопросам 15 января 2010 года // <http://news.kremlin.ru/transcripts/6638/print>

дифференциации используется президентами для демонстрации различий между оппозицией и обществом.

Отношения доминирования поддерживаются также использованием стратегии исключения: стигматизация неправильного богатства дает повод к отрицанию любого диалога между властью и бизнесом. Бизнесмены, не согласные с проводимой по отношению к ним политикой, исключаются из диалога без того, чтобы их интересы были услышаны: им нельзя быть представленными в парламенте, государственные механизмы помощи для них не действуют, обратной связи между ними и государством, гражданами которого они являются, в дискурсе президентов не требуется. Использование данной стратегии позволяет президентам использовать в отношении бизнеса неправовые методы регулирования.

Стратегия исключения используется также в отношении оппозиции: демонизация всех, кто высказывает критику существующей социально-экономической политики и требует ее изменений, блокирует саму возможность диалога с ними.

Для обоснования сложившихся отношений государства и общества оба президента используют стратегию рационализации. У А. Лукашенко она служит для оправдания жестких политических мер, контроля инвесторов, обязательности для бизнеса подчиняться негласным требованиям, объяснением отмены системы льгот и переноса ответственности на объекты социальной политики, а также для оправдания небольших зарплат и того, почему государство до сих пор терпит оппозицию. У российского президента использование данной стратегии служит для оправдания неэффективности государственного контроля над теми, кто быстро и много заработал, для оправдания проводимой социально-экономической политики и монетизации льгот, а также для обоснования обязательности для бизнеса выполнять негласные требования власти.

У обоих президентов есть те, кто виновен в сегодняшнем неравномерном распределении богатства в обществе.

Во-первых, это прошлое, которое они изменить не могут, — распад СССР и неустойчивость новообразовавшихся государственных систем в 90-х. Поэтому существующие системы — невольные наследники прошлого — должны быть модернизированы/диверсифицированы/для них должен быть выбран инновационный путь развития. При этом ни один из президентов не

объясняет, **что** это такое и в чем состоят данные изменения. Таким образом, прошлое (до президентов) окрашивается во все более мрачные тона, чтобы на этом фоне «обелить» существующих лидеров и, следовательно, сделать акцент на правильности проводимых социально-экономических политик.

Во-вторых, виноваты чиновники: они мешают исполнять «правильные» предложения президентов, и потому для начала нужно страну «дебюрократизировать» или «разбюрократить». Именно после того, как устранится основная помеха развитию, наступит процветание страны. Постоянно идут призывы к дебюрократизации и находятся «козлы отпущения», публичные наказания которых помогают на время подтвердить правильность избранных путей развития.

В-третьих, эти виновники — богатые. Они в 90-х гг. смогли получить народное богатство преимущественно нечестным путем, и именно они обязаны взять теперь на себя часть социальных функций государства. Это касается в том числе и оппозиции, которая априори относится к богатым, так как у нее есть доступ к зарубежным деньгам. Те, кто не согласен с проводимой государством в различных сферах политикой, автоматически становятся оппозиционерами (предприниматели в Беларуси, ЮКОС у Путина). Поскольку они богаты и в схеме «добро/зло» они — зло, правила игры по отношению к ним устанавливаются произвольно. Основное правило для них: молча соглашаться и не стремиться ничего менять, так как существующие взаимоотношения государство-общество есть идеал. Важно отметить, что упомянутые правила игры постоянно меняются в нужную для президентов сторону без учета того, что бизнесмены и оппозиция — часть общества.

Использование обоими президентами стратегии символизации единства для идентификации себя с бедными (народом, сельскими жителями) — это в данном случае не более чем стремление мобилизовать данную группу населения на борьбу с врагом, будь то «слишком» богатые, оппозиция и т. п. Для этого же оба президента используют символическое значение Великой Отечественной войны.

Использование стратегии эвфемизации служит для сокрытия проблемы бедности в Беларуси и использования неправовых способов регулирования отношений в России.

Что касается непосредственно идеологии, то дискурс белорусского президента обращен в большей степени к бедным — это идеология бед-

ности. Однако проблему бедности белорусский президент старается не поднимать, а вопрос небольших зарплат и нехватки необходимого для работающих сводит к минимизации их потребностей, к противопоставлению духовных/материальных ценностей и уходу в рассуждения об абстрактной пользе. Отношения доминирования поддерживаются с помощью исключения из общества определенных групп (богатых, оппозиции) и, следовательно, отрицания диалога с ними. Такая идеология не способствует объединению общества на основе общих ценностей, а, наоборот, «вместо того, чтобы обеспечить базовый ценностный консенсус в обществе, она несет в белорусское общество раскол и противостояние»¹.

Дискурс российского президента обращен к тем, кто могут составить средний класс, тем, кто способен открыть собственный бизнес и самостоятельно улучшить свое материальное положение. Это связано с тем, что проблема бедности на протяжении долгого времени остается в России нерешенной, а все попытки замаскировать решение экономических проблем под «инновации» и т. п. эффективны лишь ненадол-

го. Как отмечает Л. Гудков, «для модернизационных рывков у нынешней российской власти нет ни сил, ни ресурсов, ни идей, ни лидеров. Режим сознает необходимость модернизации, но боится ее, поскольку любая трансформация сопряжена с реальным риском потерять всю полноту распорядительной власти, которой он сегодня располагает»². Таким образом, режим стремится снять с себя ответственность за неудачи и переложить ее на те группы населения, которые оказались в затруднительном положении.

Безусловно, проведенное сравнительное исследование дискурсов не является исчерпывающим и дает материал для различных трактовок. Кроме того, в данном исследовании не ставилась задача проследить, в какой мере дискурсы президентов соответствуют проводимой ими политике. Однако, по мнению автора, в двух странах явно заметно соответствие между тем, о чем говорят президенты, и тем, как проводится государственная политика, на фоне общей для двух стран консервации старых идей и отсутствия новых.

¹ Бобрович В. Государственная идеология – «за» и «против»: местная анестезия или лекарство для больного общества // Открытае грамацтва. 2001. № 1 // <http://data.minsk.by/opensociety/1.01/3.html>

² Гудков Л. Природа путинизма. Доклад на конференции «Российские альтернативы» 8 декабря 2009 года // <http://www.levada.ru/press/2009121600.html>

Таблица 1

Используемые стратегии	Белорусский президент	Российский президент
Дифференциация	<p>Наши/не наши предприниматели</p> <p>Бизнесмены (богатые)/обычные граждане</p> <p>Хорошие/плохие инвесторы</p> <p>Оппозиция/общество</p> <p>Мы (нормальные, здоровые)/Они (нехорошие, больные)</p> <p>Сельский/Городской пенсионер</p> <p>Работающие/неработающие (пенсионеры)</p> <p>Бедные/богатые студенты</p> <p>Мы (духовно богатые, свой путь развития)/Другие страны (духовно бедные, другие пути развития)</p> <p>Чиновники/президент</p>	<p>Честные богатые/нечестные богатые</p> <p>Оппозиция/общество</p> <p>Инвесторы/общество</p> <p>Льготники/Мы (не льготники)</p> <p>Плохое прошлое/хорошее настоящее</p> <p>Чиновники/общество (президент)</p>
Исключение/вычеркивание	<p>Бизнесмены, не согласные с предложенными условиями работы</p> <p>Богатые, стремящиеся влиять на политику</p> <p>«Плохие» инвесторы (могущие чем-то угрожать обществу)</p> <p>Оппозиция</p> <p>Экономический кризис – внешний враг</p>	<p>Богатые, несогласные с предложенными условиями работы</p> <p>Богатые, стремящиеся влиять на политику</p> <p>Богатые, не приносящие пользу народу</p> <p>Богатые, неправильно заработавшие деньги</p> <p>Оппозиция (кто не согласен, тот не с НАМИ)</p>
Рационализация	<p>Перепоручение бизнесу части функций государства</p> <p>Отмена льгот и перенос ответственности на субъектов социальной политики</p> <p>Контроль над инвесторами</p> <p>Наличие оппозиции в государстве</p> <p>Экономические различия между разными слоями общества</p> <p>Оправдание сложившихся отношений государства и общества (отсутствие обратной связи)</p> <p>Недостаточно быстрые преобразования в стране – следствие Великой Отечественной войны</p> <p>Оправдание суперпрезидентализма (принятия жестких политических мер)</p>	<p>Перепоручение бизнесу части функций государства</p> <p>Оправдание проводимой политики отмены льгот (моральной) и переноса ответственности на субъектов социальной политики</p> <p>Оправдание неэффективности государственного контроля над легальностью заработанных средств</p> <p>Легитимация принимаемых мер по улучшению социально-экономической ситуации</p> <p>Оправдание сложившихся отношений государства и общества (отсутствие обратной связи)</p>
Эфемеризация	<p>Бедность</p> <p>Сокращение сложившихся отношений государства и общества (наличие работы – признак бедности)</p>	<p>Использование неправовых методов регулирования</p>
Нарративизация	<p>Отношения государства и работающих (отсутствие обратной связи)</p>	<p>Бедность – постоянный феномен, с которым борются</p>
Погружение во вневременное состояние	<p>Президент и бедные</p> <p>Общее прошлое – Великая Отечественная война</p> <p>Президент избран «из народа»</p> <p>Всеобщая борьба с внешней угрозой (экономическим кризисом)</p> <p>Президент/народ</p>	<p>Президент и бедные</p> <p>Общее прошлое и готовность президента на жертвы ради победы</p> <p>Президент и чиновники</p>
Символизация единства	<p>Президент и народ – духовно богатые</p> <p>Сельское происхождение президента</p>	

Елена КОЛОЧАРОВА

Политическая идентичность в социологическом измерении

Интерес к изучению политической идентичности актуализируется в силу различных причин, значимость этой проблематики также связана с разными обстоятельствами. Во-первых, необходимость в институционализированном формировании и систематическом поддержании универсальной политической идентичности возникает в связи с тем, что в ходе урбанизации и модернизации обществ органические связи между людьми, основанные на родстве, пространственной близости и непосредственных контактах, все более замещаются, используя терминологию Ф. Тенниса, связями «механическими», формальными¹. Во-вторых, интенсификация и глобализация миграционных потоков на протяжении XX в. привели к возникновению обществ, разнообразных по культурному и этническому составу, внутри которых традиционные примордиальные черты, такие, как язык, культура и традиции, оказались более не способны служить универсальным средством интеграции членов общества, а скорее напротив, часто выступают источником разобщения и напряженности. Современная нация-государство стала пониматься как абстрактное, символическое сообщество, представляющее собой совокупность всех граждан независимо от их этнической принадлежности или социального статуса. В основу подобного понимания закладывается представление о том, что органические основы солидаризации граждан, такие, как язык, культура и традиции, оказываются в значительной степени подчинены политическим приверженностям (верность общим политическим принципам, ценностям и пр.)². Кроме этого, нацию-государство относят к так называемым «воображаемым» сообществам, большая часть членов которых никогда не видели друг друга и даже не подозревают

о существовании друг друга, но хранят в сознании образ своей общности, оказывающий воздействие на их поступки³.

Понятие политической идентичности. Приступая к анализу понятия политической идентичности, необходимо, в первую очередь, иметь в виду, что она представляет собой один из видов социальной идентичности. Это положение позволяет частично экстраполировать на видовое понятие выводы, верные в отношении родового.

Понятием, близким к рассматриваемому, также выступает национальная идентичность. В трактовках многих и зарубежных, и российских ученых политическая и национальная идентичности довольно тесно переплетены, и не всегда оказывается возможным точно провести между ними границы. Методологическая сложность здесь заключается в возможности двоякого понимания нации: как органического сообщества, основанного на общности культуры, языка, традиций (примордиалистский подход), или как политического сообщества, базирующегося на приверженности общим политическим принципам и ценностям, равном политическом и правовом статусе граждан, политическом участии. При трактовке нации как политического сообщества понятия национальной и политической идентичности пересекаются лишь частично, поскольку не каждое национальное (этническое) сообщество можно назвать политическим и не каждое политическое единство предполагает общность органического, культурного характера⁴. Это особенно важно учитывать при анализе гетерогенных в этническом и культурном плане наций-государств, в поддержании целостности которых и в смягчении центробежных тенденций

¹ См.: Теннис Ф. Общность и общество: Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д. В. Складнева. М.: Фонд Университет; СПб.: Владимир Даль, 2002. С. 12.

² См.: Кон Х. Идея национализма // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве*. 2001. № 3. С. 419–435.

³ См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества (размышления об истоках и распространении национализма), М.: Канон-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. С. 30–32.

⁴ См., например: Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: МГИМО – Университет, 2008. С. 17–18.

важна, в первую очередь, политическая легитимность государства.

После того как смысловые границы понятия очерчены, мы можем приступить к выделению смысловых кластеров, входящих в концепт политической идентичности. Здесь прежде всего необходимо отметить, что понятие политической идентичности в социологии рассматривается в двух планах, представляющих разные уровни социологического анализа: индивидуальный и коллективный. Главным образом, такое положение связано с тем, что проблемы идентичности, идентификации начали анализироваться в рамках психологии (в том числе социальной психологии) и психоанализа. Лишь значительно позже они стали объектом социологического анализа.

Индивидуальный уровень политической идентичности. На индивидуальном уровне в рамках психологического и социо-психологического подхода политическая идентичность индивида может быть определена как один из видов социальной идентичности, связанный с индивидуальными политическими предпочтениями и реакциями, политическими ценностями и установками индивида, а также с ощущением частичного отождествления себя с определенным политическим статусом, позицией и с включением в структуру самости связанных с этим статусом ролей. Таким образом, понятие политической идентичности описывает такое взаимоотношение между индивидом и социополитическими группами и общностями, в котором синтезируется осознание индивидом своей политической личности и одновременно принадлежности к общностям и группам.

На микросоциологическом уровне политическая идентичность может быть представлена как система, включающая две постоянно взаимодействующие динамические подсистемы. В качестве первой можно выделить различные аспекты политического самоописания – индивидуальные политические вкусы и реакции, политические ценности и установки, усвоенные в ходе процесса политической социализации, индивидуальные представления о порядке, свободе, политическом участии, предпочтительном политическом устройстве, характере политической власти и способе ее реализации и т. д. Вторая же подсистема представляет набор политических статусов и ролей, с которыми индивид себя идентифицирует. Качество и стиль проигрывания этих ролей определяются политическими пристрастиями и установками индивида.

Роли, связанные с политическими статусами и политическим участием, могут быть ситуативны или поверхностны настолько, что индивид в состоянии сбросить их без труда, как одежду, или же настолько прочно укоренены, что будут окрашивать то, каким образом проигрывается остальной ролевой репертуар¹. Совокупность идентификаций индивида с политическими ценностями и статусами составляет единый личностный план политической идентичности.

Вторым, групповым планом политической идентичности в таком случае будет выступать непосредственная включенность индивида в политические группы и объединения (экологические движения, движения антиглобалистов, пацифистов, за права женщин и т. д.), идеологические течения, общественно-политические организации и политические партии либо переживание индивидом солидарности с их целями и ценностями. Групповой план политической идентичности индивида соединяется с личностным через проигрывание политических ролей, идентификацией себя с перечисленными типами групп. В предельно широком смысле его можно представить как чувство солидарности или сопричастности по отношению к тому или иному типу политического проекта, реализуемого в рамках государства или группы государств.

Понятно, что индивид может одновременно входить в несколько политических групп и сообществ, солидаризироваться с рядом политических течений и движений. Множество политических идентичностей индивида в рамках его интегрированной самости всякий раз выстраивается в некую иерархию в зависимости от силы и интенсивности идентификации по отношению к тем или иным группам. С течением времени сила идентификаций по отношению к одним политическим сообществам и группам может ослабевать, а по отношению к другим усиливаться. Иными словами, политическая идентичность индивида обладает чертами множественности, ролевой связательности, динамичности.

Политические группы и общности, с которыми идентифицирует себя индивид, могут быть аналитически разделены на два идентификационных круга: первичные или референтные группы, общение с членами которых происходит в ситуациях лицом-к-лицу, и более обширные политические общности, которые,

¹ См.: Turner R.H. The Role and the Person // American Journal of Sociology. 1978. Vol. 84. Iss. 1. P. 2.

по выражению Б. Андерсона, «воображаются». Важно отметить, что крупные сообщества, являясь сложными системами, состоящими, в свою очередь, из подсистем, обладают свойствами, которые не сводимы к свойствам отдельных, входящих в них элементов. Таким образом, во избежание редукции социального к личному необходимо рассмотреть коллективный аспект политической идентичности отдельно и самостоятельно.

Коллективный уровень политической идентичности. Чаще всего под коллективной идентичностью понимают тот план идентификации личности, который в данной работе обозначен как групповой. Гораздо реже она понимается как идентичность, носителем которой выступает определенная социальная группа или общность (в первом случае речь идет о социальном измерении «Я-образа», а во втором — о «мы-образе»).

Общий знаменатель всех предлагаемых дефиниций понятия можно свести к положению о том, что коллективная идентичность имеет в своей основе некоторый набор специфических символов, значений, характеристик, очерчивающих индивидуальность и самобытность данной общности и позволяющих ей функционировать и конституировать себя как отличное от других сообществ¹. В целом же коллективную идентичность допустимо считать «мы-образом» группы.

Тогда коллективную политическую идентичность можно обозначить как один из элементов коллективной идентичности нации-государства, который связан с массовыми представлениями, нормами и ценностями, относящимися к принципам, способам, методам, формам осуществления политической власти в данном обществе. Она выступает в качестве политической «самоконцепции» государства-нации и выполняет функцию интеграции или сплочения разрозненных индивидов в политическое сообщество на основе общего политического проекта (программы), идей, целей и ценностей². Она также включает в себя некую интерпретацию «нашего» политического прошлого и перспективное видение «нашего» политического будущего.

¹ См., например: Бекназар-Юзбашев Т.Б. Этничность, коллективная идентичность и положение этноменьшинств в смешанных сообществах // Права человека и проблемы идентичности в России и в современном мире / Под ред. О.Ю. Малиновой и А.Ю. Сунгурова. СПб.: Норма, 2005. С. 204.

² См.: Тимофеев И.Н. Указ. соч. С. 14

Внутри структуры коллективной политической идентичности могут быть условно выделены два измерения, которые были названы Б.В. Дубиным пространственным и временным³, причем границы пространственного измерения коллективной политической идентичности в силу их чрезвычайной символической и функциональной нагруженности, на наш взгляд, имеет смысл выделить в качестве отдельного компонента.

Переключая трактовку пространственного измерения коллективной идентичности в политическое поле, можно сказать, что предметом анализа исследователя в этом случае будут содержательные характеристики политического самоописания — политические символы, значения, ценности коллективного «мы», нормы «правильного» политического поведения «наших».

Остановимся подробнее на таком компоненте пространственного измерения коллективной политической идентичности, как демаркационные границы между сообществами. Существование и актуализация образа «Другого» и маркирование границ, разделяющих сообщества, характерны для группового поведения в целом. Еще Э. Дюркгейм в рамках теории о разделении труда выдвигал тезис о том, что разделение и четкое обозначение границ между социальными группами является не просто следствием внутригрупповой интеграции, но необходимой и постоянной частью формирования идентичности, «отрицательной стороной всякого вида солидарности», ее априорным компонентом⁴. Идентифицируя себя на основе каких-либо общих черт и качеств с определенными политическими общностями, индивид употребляет по отношению к ним и себе местоимение «мы». Однако это соотнесение предполагает наличие границ идентификационных групп, за которыми начинаются уже «не-мы», и маркеров, обозначающих эти границы. Обобщенный «Другой» участвует в процессе конструирования идентичности общества, выступая предметом социальной рефлексии и предоставляя возможность провести границу общества через обозначение и указание того, чем оно не является.

Таким образом, пространственное измерение коллективной политической идентичности индивида имеет два вектора: солидаризация, интеграция внутри политической группы

³ См.: Дубин Б. Векторы и уровни коллективной идентификации в современной России // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2. С. 56.

⁴ См.: Дюркгейм Э. О разделении общественного труда; Метод социологии / Изд. подгот. А.Б. Гофман. М.: Наука, 1991. С. 117.

на основе общих черт, интересов, целей и противопоставление своей группы или групп «Другим», «не-нам» на основе реальных или мнимых различий. Или, иначе говоря, здесь имеются в виду гомогенность членов внутри политической группы (позитивная социальная идентичность) и межгрупповое противопоставление (негативная социальная идентичность). Как заметил Ч. Кули: «Нам был бы неведом патриотизм, если бы мы не осознавали существования других народов»¹.

Фокус идентичности может быть более или менее сбалансирован либо смещаться в ту или иную сторону. При идентификации себя в позитивных терминах принадлежности базой соотнесения с группой становятся именно общностные черты, а противопоставление себя «Другим» будет не слишком обострено и проблематизировано. Если же за основу объединения в группу берется именно противопоставление «мы – они» (иные, непохожие, представляющие реальную или мнимую угрозу), в то время как в группе ощущается дефицит позитивных основ для интеграции (солидарности), то такую идентичность можно назвать негативной.

Что касается временного измерения коллективной политической идентичности, то для анализа оно представляет собой совокупность представлений о прошлом нации-государства как политического сообщества, об исторических событиях и датах, значимых для граждан страны, для осознания ими своей политической общности. Эти события и даты выступают смысловым источником (ресурсом) коллективной идентичности, что подразумевает наличие и работу институтов и механизмов поддержания и воспроизводства символов и значений, которые соединены в общественном сознании с «мы-образом»². Как пишет Г. Люббе: «Идентичность субъектов может быть изображена только с помощью их историй, поскольку эта идентичность, какова она сегодня, всегда содержит больше того, что можно понять из анализа условий настоящего времени»³.

В этом аналитическом плане политическая идентичность предстает как особая интерпретация исторического прошлого нации-государства, сконструированная или выстроенная в рамках определенной логики, выражающейся в обозначении исторической преемственности

и особой исторической судьбы народа. Такого рода интерпретация своего прошлого, как правило, нацелена на достижение конкретных политических целей в настоящем (интеграция политического сообщества, мобилизация граждан, легитимация политического режима). Однако ее возможности ограничены культурой, политическими традициями и историческим контекстом⁴.

Но говоря о временном измерении коллективной политической идентичности, недостаточно упоминания только исторической (ретроспективистской) ее компоненты. Также важны представления граждан нации-государства относительно перспектив политического развития своей страны (как реально прогнозируемых, так и желаемых), в том числе в плане сближения с другими государствами на международной арене или, напротив, дистанцирования от них.

Политическая идентичность: пример современной России. Отметим, что в целом интерес к политике среди россиян не слишком высок (см. рис. 1). Тем не менее в 2008 г. в структуре социальной идентичности (вопрос: «Кем Вы осознаете себя с гордостью, что в первую очередь прибавляет вам уважения к себе?») опция «Гражданин России» занимала третье по значимости место (47%) после опций «Отец/мать своих детей» (53%) и «Русский человек» (50%). По данным опроса в июне 2009 г., 74% россиян гордятся тем, что являются гражданами России. Значительно менее популярными были такие политические самоидентификации, как «Советский человек» (12%), «Сторонник Владимира Путина» (9%). И совсем редко респонденты отмечали, что с гордостью осознают себя «коммунистом», «демократом» или «либералом», — частота подобных ответов была ниже статистической погрешности. Кроме того, по данным опроса в июне 2009 года, 13% наших сограждан в той или иной мере идентифицировали себя с «левыми», 21% — с «правыми», 24% — в равной мере с «левыми» и с «правыми», а большинство — 41% — затруднились ответить на этот вопрос. Более или менее определенно охарактеризовать свои политические пристрастия могли не более трети взрослых россиян.

На наш взгляд, эти данные свидетельствуют о том, что на нынешнем этапе политическая идентичность россиян конструируется не на основании приверженности каким-либо конкретным политическим принципам, ценностям или убеждениям, целям или программам,

¹ Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000. С. 153.

² См.: Дубин Б. Указ. соч. С. 56.

³ Люббе Г. Историческая идентичность // Вопросы философии. 1994. № 4. С. 113.

⁴ См.: Тимофеев И. Н. Указ. соч. С. 60–74.

а на чувстве недифференцированной, не подлежащей рационализации принадлежности к государственно-политическому целому, заметно реже — на персонифицированной симпатии к единичной фигуре первого лица, репрезентирующего это воображаемое «целое».

Рисунок 1
В КАКОЙ СТЕПЕНИ ВАС ИНТЕРЕСУЕТ ПОЛИТИКА?
(в % от числа опрошенных)

Содержание такого компонента идентичности, как «гражданин России», можно скорее описать в качестве некоего «страдательного» состояния в том смысле, что быть «гражданином России» в представлениях россиян гораздо чаще означает быть опекаемым властью, чем проявлять активное участие в социальной и политической жизни страны, влиять на принимаемые властью решения. Другими словами, самоидентификация «гражданин России» подразумевает такие отношения между гражданином и государством, при которых государство выступает инициативным субъектом воздействия, а гражданин — его пассивным объектом (см. табл. 1 и 2). Чаще остальных мнение о том, что «государство должно больше заботиться о людях», выражают представители тех социальных групп, которые находятся в относительно более зависимом положении, обладают незначительными социальными, экономическими, культурными, информационными ресурсами и стеснены в вопросах выбора жизненных аль-

Таблица 1
КАКОЙ ПРИНЦИП ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ЕГО ГРАЖДДАМИ ВЫ БЫ ЛИЧНО ПОДДЕРЖАЛИ?
(в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1990	1997	2007	2008	2009
	дек.	май	июнь	июль	авг.
Люди должны пойти на некоторые жертвы ради блага государства	7	6	4	5	7
Государство должно больше заботиться о людях	57	68	80	82	79
Люди должны проявить инициативу и сами позаботиться о себе	25	18	13	12	12
Затруднились ответить	11	8	3	1	2

тернатив: женщины, респонденты пенсионного и предпенсионного возраста, с образованием ниже среднего, с низким и средне-низким потребительским статусом. Реже всего этот ответ выбирают москвичи.

Такое отношение тесно связано с представлениями россиян о свободе как о возможности не принимать решения и не нести ответственности (см. табл. 2).

Таблица 2
КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, В ГОСУДАРСТВЕ КАКОГО ТИПА БОЛЬШЕ СВОБОДЫ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008 июнь
В государстве, которое проявляет всестороннюю заботу о своих гражданах, обеспечивает им широкие гарантии и контролирует экономику	78
В государстве, которое по большей части не вмешивается в экономические дела и обеспечивает своим гражданам только минимальные социальные гарантии	14
Затруднились ответить	9

«Свобода» такого рода выступает оборотной стороной подопечности и подначальности россиян. Проиллюстрируем это утверждение.

С одной стороны, 85% россиян, по результатам февральского опроса, полагают, что они в целом не могут оказывать влияние на принятие государственных решений в стране (причем 51% из них дают резко отрицательный ответ — «абсолютно не могут»). При этом 77% отвечают, что лично они и не готовы принимать более активное участие в политике, а среди основных причин при этом называются следующие: «Все равно ничего изменить нельзя» — 34% (такой ответ наиболее характерен для людей предпенсионного возраста и пенсионеров со средним специальным образованием), «Политика — не для рядовых граждан, политикой занимаются власти» — 24% (чаще всего так отвечают респонденты старше 25 лет, но особенно — пенсионного возраста, с высшим образованием и средне-низким потребительским статусом,

т. е. позднесоветская интеллигенция, потерявшая в 1990-е гг. не только свой экономический статус, но и символический капитал, чувство солидарности с такими же и значимости для других), «Я занят своими повседневными делами, и у меня нет времени заниматься этим» — 23% (чаще остальных такой ответ выбирают респонденты в возрасте от 25 до 54 лет, с высшим и средним специальным образованием, средним потребительским статусом, москвичи или жители села)¹. Налицо явное отсутствие интереса к политической сфере жизни общества со стороны большинства его граждан, самоустранение от нее.

В то же время 62% наших соотечественников, по результатам того же опроса, описывают свои отношения с государством по модели «Жить, полагаясь только на себя и избегая вступать в контакт с властью». 55% опрошенных преуспевают в этом: такова при ответах на вопрос «В какой мере решения, которые принимаются властями, влияют на жизнь таких людей, как Вы?» сумма тех, кто избрал опции «В незначительной мере влияют» и «Совершенно не влияют».

Таким образом, мы можем видеть практически сознательное ускользание значительной части «граждан России» от каких бы то ни было отношений с государством, кроме патернализма «сверху» и подопечности «снизу». Это подтверждается и тем фактом, что в феврале 2010 г. на вопрос «Какое из следующих утверждений больше подходит нынешней России?» большая часть россиян выбрала ответы «Ни власть, ни граждане друг друга не контролируют» и «Граждане и власть обманывают друг друга» (31% и 24% соответственно). При этом у большинства россиян сохраняется потребность в существовании государства как некой надструктуры, которая так или иначе должна в конечном счете взять на себя инициативу и руководство, а в лице «правительства» — и некую аморфную, опять-таки практически не рационализированную ответственность за недостатки и упущения. Возможность в значительной мере снять ответственность лично с себя и перенести ее на тот или иной элемент абстрактной «власти» («правительство», «чиновники», «высокопоставленные коррупционеры» и т. п.), вероятно, и является своеобразным «выигрышем» от политического неучастия большинства взрослого населения России (см. табл. 3).

¹ Данные указаны в процентах от числа тех, кто ответил, что не готов более активно участвовать в политике.

Таблица 3
КАК ВЫ СЧИТАЕТЕ, НЕСЕТ ЛИ ЧЕЛОВЕК МОРАЛЬНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА...? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Безу-словно несет	В какой-то мере несет	Безу-словно не несет	Затруд-няюсь отве-тить
...действия своего прави-тельства	11	45	37	7
...происходя-щие в стране события	11	57	26	6

2010 г., февраль

Что касается политических партий, то роль, которую они играют в жизни страны, по данным январского опроса 2010 г., россияне оценивают на 2,81 балла из 5. Это одна из самых низких оценок во всем перечне политических и социальных институтов — еще ниже оценивается только роль профсоюзов (1, 81 балла). Сюда же следует добавить и низкий уровень доверия политическим партиям: в октябре 2009 г. только 6,5% наших сограждан считали их заслуживающими доверия, а июне того же года только 13 % россиян относили себя к сторонникам той или иной партии, в то время как 82% не идентифицировали себя ни с одной из них. Все это свидетельствует о крайней слабости, если не о полном отсутствии группового уровня политической идентичности в России, который должен был бы являться полем консолидации и выражения политических мнений и интересов для различных групп граждан.

Относительно коллективной политической идентичности можно заметить: относительное большинство россиян (57% в июне 2009 г.) считают, что России нужна демократия. Однако при этом только 20% полагают, что она должна быть такой, как в развитых странах Европы, а вдвое больше — 39% — выступают за особый тип «демократического» правления, «соответствующего национальным традициям и специфике России». Центральными значениями в понимании демократии россиянами, по данным февральского опроса, выступают за равенство всех перед законом (41%, это надо понимать прежде всего как смутное ожидание подзаконности также и чиновников, «Никто не должен быть выше закона»), забота власти о нуждах людей (30%) и возможность контроля гражданами над деятельностью власти (29%). Опция, отвечающая за возможность прямого влияния гражданами на власть через выборность всех властных органов, была отмечена как важная

для демократического порядка лишь 19% опрошенных.

Достаточно значительную роль в структуре коллективной политической идентичности играет фигура политического лидера, образ которого в сознании россиян прочно связан с демонстрацией силы. Лишь четверть населения сегодня полагают, что ситуация, когда вся власть сосредоточивается в одних руках, недопустима, тогда как в 1989 г. именно такое мнение среди россиян абсолютно преобладало (см. табл. 4). Реже остальных на недопустимость единоличной власти указывают респонденты старшего поколения (в том числе пенсионеры), со средним и ниже среднего образованием и достаточно низким потребительским статусом, т. е. представители опять-таки малообеспеченного и зависимого социального большинства.

При этом мы можем наблюдать известные противоречия в общественном сознании россиян, поскольку, несмотря на желание видеть во главе страны сильного, властного лидера, все же большая часть наших соотечественников по-

лагают, что основа благополучия страны кроется в «надежных, реально действующих законах», а не в «достойных людях в руководстве», — так ответили соответственно 62% и 34% опрошенных в феврале 2010 г. Отметим, впрочем, что данная формулировка говорит о «людях в руководстве» и не затрагивает сверхстатус «первого лица».

Уже отмечалось, что подавляющее большинство россиян по отношению к государству идентифицируют себя как подопечную сторону, уравненных между собою людей «без различий». Тот же принцип лежит и в основе поддерживаемой большинством формы отношений государство — граждане («Государство должно заботиться обо всех своих гражданах»), причем такое положение воспринимается многими как фундаментальное, жизненно важное для существования общества (см. табл. 5 и 6). Характерно, что, отвечая на вопрос о том, что прежде всего имеется в виду, когда говорят об «особом пути России», относительное большинство респондентов (36%) в июне 2009 г. опять-таки

Таблица 4

БЫВАЮТ ЛИ ТАКИЕ СИТУАЦИИ В ЖИЗНИ СТРАНЫ, КОГДА НАРОДУ НУЖЕН СИЛЬНЫЙ И ВЛАСТНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ, «СИЛЬНАЯ РУКА»? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1989	1994	1996	2006 март	2007 март	2008 июль	2009 окт.
Нашему народу постоянно нужна «сильная рука»	25	35	37	42	45	43	40
Бывают такие ситуации (например, сейчас), когда нужно сосредоточить всю полноту власти в одних руках	16	23	32	31	29	29	31
Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы вся власть была отдана в руки одного человека	44	23	18	20	18	18	25
Затруднились ответить	15	19	13	8	8	10	5

Таблица 5

КАК ВЫ ДУМАЕТЕ, КАК ДОЛЖНЫ СКЛАДЫВАТЬСЯ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ЕГО ГРАЖДАНАМИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2001	2006	2007	2009
Государство должно как можно меньше вмешиваться в жизнь и экономическую активность своих граждан	6	6	7	6
Государство должно устанавливать единые для всех «правила игры» и следить за тем, чтобы они не нарушались	19	24	24	28
Государство должно заботиться обо всех своих гражданах, обеспечивая им достойный уровень жизни	71	66	66	63
Затруднились ответить	4	4	3	3

Таблица 6

СМОЖЕТ ЛИ НЕ СМОЖЕТ БОЛЬШИНСТВО ЛЮДЕЙ В РОССИИ ПРОЖИТЬ БЕЗ ПОСТОЯННОЙ ЗАБОТЫ, ОПЕКИ СО СТОРОНЫ ГОСУДАРСТВА? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	1990	1997	2007	2008	2009
Большинство сможет прожить без опеки государства	21	17	21	15	15
Большинство не сможет прожить без опеки государства	62	72	74	81	80
Затруднились ответить	17	11	5	4	5

выбрали позицию «Особая роль государства, которое заботится о народе, руководит им и обеспечивает его развитие».

По данным 2008 г., опорными точками в конструировании базовой коллективной идентичности для россиян выступали следующие значения и символы: прошлое народа и его история – 43%; территория – 34%; государство – 32%. Наибольшие подвижки, по сравнению с позднесоветским временем, произошли в отношении уровня значимости альтернатив «Наше прошлое, наша история» и «Наша земля, территория, на которой мы живем». Первая в 1989 г. была отмечена 22% респондентов, что означает почти двукратный рост значимости к 2008 г. Вторую тогда же отметили лишь 11%, т. е. к 2008 г. налицо даже трехкратный рост значимости. Таким образом, можно констатировать преимущественно ретроспективную, ностальгическую направленность политической идентичности в сочетании с дефицитом содержательных, институциональных основ консолидации граждан.

Зато значительную роль в конструировании собственной политической идентичности для России играют образы «Других», в первую очередь Запада и США. В описание желаемого политического устройства как «особого» закладывается прежде всего именно отталкивание от образа европейских стран, а не положительные характеристики самоописания. Это подтверждается тем, что на уже упомянутый вопрос о содержании представлений об «особом пути России» 33% респондентов выбрали альтернативу «Различие ценностей и традиций России и Запада», иными словами, разрыв или барьер между Россией и Западом, это второй по популярности ответ.

Как уже многократно отмечалось социологами Левада-Центра, коллективная политическая идентичность россиян может быть охарактеризована как негативная, что означает интеграцию «от противного», основанную на фигурах и образах других, чужих, непохожих, угрожающих и пр.¹ Поллюсом чуждости для России все еще традиционно выступает США: по данным опроса в феврале 2010 г., 71% россиян видит в Америке «агрессора, который стремится взять под контроль все страны мира», а в марте того же года 55% респондентов назвали размещение американских систем ПРО в соседних с Россией странах наибольшей угрозой, по сравнению с ядерной программой Ирана и наличи-

¹ См.: Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, «ВЦИОМ-А», 2004; Дубин Б. Указ. соч. С. 55–64.

ем ядерного оружия у Северной Кореи. Кроме Америки, недружественной по отношению к России страной в сознании россиян выступает также Украина и, особенно после августовской войны 2008 г., Грузия. Две последние страны воспринимаются в значительной мере как «отколовшиеся» и сознательно дистанцирующиеся от России в пользу Европы и США. Кроме того, к враждебным России странам относятся страны Балтии. Близкими же России государствами, кодифицируемыми как «свои», выступают лишь Белоруссия и Казахстан. Показательно, что будущее России, по результатам опроса в июне 2009 г., большинство респондентов видят в кооперации именно со странами СНГ (55%), а не со странами Западной Европы (23%).

О негативном характере основ для консолидации граждан говорит и тот факт, что начиная с 1993 г. важнейшими событиями каждого прошедшего года в сознании россиян становятся события резко негативного плана (войны, вооруженные конфликты, террористические акты и пр.)².

Риторика «особости» (т. е. собственной отделимости и исключительности, неподвластности общим правилам, меркам и нормам) заметна и в представлениях о том, государством какого типа респонденты хотели бы видеть Россию в будущем. Самым популярным ответом в январе 2008 г. был «Государством с совершенно особым устройством и своим путем развития», вторым по популярности – «Государством, подобным странам Запада». (см. табл. 7). На наш взгляд, это отражает амбивалентность отношения к Западу в современной России: с одной стороны, блага модернизации и реализуемого на Западе проекта коллективного жизнеустройства представляются россиянам достаточно привлекательным, с другой – в сознании россиян Запад все также обладает чертами чуждости, непригодности его ценностей для «нас», выступает в качестве источника угрозы нашей «особости».

Таблица 7
ГОСУДАРСТВОМ КАКОГО ТИПА ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2008 янв.
Социалистическим государством типа СССР	17
Государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой	32
Государством с совершенно особым устройством и своим путем развития	39
Затруднились ответить	11

² См.: Общественное мнение – 2009. М.: Левада-Центр, 2009. С. 11–17.

Что касается степени открытости России по отношению к другим странам, то россияне преимущественно высказываются за сохранение нынешнего уровня открытости в будущем либо, практически в той же мере, за его снижение (см. табл. 8). При этом чем старше респонденты, тем чаще они высказываются за увеличение закрытости России от вмешательства других стран.

Таблица 8
Вы бы предпочли, чтобы Россия в будущем... (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	2009 июнь
была более открыта для других стран	12
оставалась ни более и ни менее открытой, чем сейчас	42
меньше пускала другие страны в свою собственную жизнь	37
Затруднились ответить	9

Некоторые итоги анализа. Таким образом, можно констатировать, что в целом политическая идентичность россиян в настоящий момент обладает чертами диффузности, характеризуется предпочтением патерналистских представлений о государстве и власти. Символы и значения, служащие основаниями для конструирования политической идентичности россиян, либо персонифицированы в фигуре лидера (символа «нас» как целого), либо относятся к конкретным территориально-политическим общностям («нам»), что обуславливает исключительно ретроспективную, ностальгическую направленность самоидентификации. Такое состояние подкрепляется дефицитом дифференцированных, независимых институтов, самостоятельных и влиятельных групп, универсальных политических ценностей, идей и проектов, которые могли бы служить основой общественной интеграции и ориентирами на будущее.

В системе отношений граждан—государство в качестве активного звена понимается именно последнее: от него как будто бы ожидают неких модернизационных и реформационных шагов, но в гораздо большей степени — демонстрации заботы о гражданах, чтобы упомянутые «шаги» не ухудшили положения граждан и не повредили их опеке со стороны властей. Соответственно, роль «гражданина России» не предусматривает активного политического участия (как показывают опросы

Левада-Центра, непривычного и нежеланного для россиян), а скорее может быть описана как состояние подопечности и вместе с тем избегания государственного надзора и контроля.

Групповой уровень политической идентичности, представленный участием и непосредственным вхождением в политические движения и партии, в настоящее время в России практически отсутствует — не в последнюю очередь из-за низкого доверия партиям, профсоюзам, общественным движениям. Таким образом, мы получаем отсутствие площадки, на которой могла бы происходить консолидация и координированное выражение интересов социальных групп, выдвижение альтернативных проектов будущего.

Коллективная политическая идентичность в России конструируется сегодня вокруг единого образа властного лидера, призванного наводить и поддерживать порядок в стране, государстве в целом. Все эти значения и символы чрезвычайно ярко окрашены представлениями об их особости и непостижимости для «Других». В свете этого поддерживаемым россиянами политическим проектом оказывается «особая» демократия, обладающая чертами патернализма, аморфности общественных сил и недифференцированности социальных институтов, концентрации власти в одних руках (сегодня — в руках руководителя исполнительной власти).

Иными в сознании россиян предстают, в первую очередь, страны Запада и США, в концентрированном виде воплощающие в себе угрозу российской идентичности и особости, а также с недавнего времени Украина, Грузия, страны Балтии. «Своими» в общественном сознании предстают Казахстан и с некоторыми оговорками Белоруссия. Одобряя и поддерживая режим закрытости России по отношению к другим государствам, ограничения их влияния на внутреннюю жизнь страны, ее будущее россияне видят скорее в более тесном сотрудничестве со странами СНГ.

В целом можно констатировать дефицит универсальных, содержательных политических ценностей и целей, которые могли бы служить позитивным основанием социальной интеграции в современной России, а также отсутствие потребности в общественной дискуссии по этому поводу, что ведет к отсутствию реальных, отрефлексированных перспектив политического будущего страны.

Сергей МИЦЕК

Россия на переломе: проблемы и перспективы

В статье, опубликованной два года назад¹, нами было показано, что быстрый рост экономики России сочетается с рядом слабостей. Очень скоро они дали о себе знать в полную силу во время кризиса. Падение производства и доходов, которое испытала Россия, оказалось наиболее болезненным, по сравнению с другими странами. В 2009 г. ВВП России сократился на 7.5% — во всем мире из крупных стран только Япония испытала в 2009 г. падение ВВП, близкое к России, для остальных кризис оказался более мягким. А Китай и Индия вообще продолжают уверенный рост².

Почему этот казавшийся непоколебимым рост российской экономики сменился столь тягостным кризисом? Первая причина — это структура российского экспорта. 63% его составляют нефть, нефтепродукты и природный газ; если к этой группе прибавить продукцию металлургии, химической, лесной и целлюлозно-бумажной промышленности и сельскохозяйственное сырье, то сумма составит 86% всего российского экспорта³.

Ясно, что при такой структуре экспорта падение цен на основные группы товаров сразу приведет к ухудшению платежного баланса и притока валюты в страну, что и случилось. Цены на нефть, металлы и зерно во второй половине 2008 г. упали в 1,5–2–3 раза⁴, следствием чего явилось снижение притока валюты по счету текущих операций со 102.4 в 2008 г. до 47.5 млрд. долл. (здесь и далее — доллары США) в 2009 г.⁵ и падение курса рубля.

Такой удар оказался бы весьма тяжелым для любой страны; для России в особенности. Сокращение экспорта вынудило Россию снизить главную статью ее импорта — оборудование, что еще более усугубило выход из кризиса и последующее восстановление экономики⁶.

Другая причина болезненной реакции России на мировой кризис — это ее высокая задолженность. До кризиса российский бизнес много заимствовал за рубежом. Делал он это, во-первых, потому, что российские банки, пользуясь хорошей конъюнктурой, быстро увеличивали кредитование экономики, но рост депозитов не поспевал за этими темпами. В итоге отношение совокупных банковских кредитов к совокупным депозитам выросло с 1.057 на 1 января 2007 г. до 1.227 на 1 декабря 2008 г., а к депозитам граждан — с 1.653 до 2.305 за тот же период⁷.

Поэтому бизнес был вынужден привлекать все больше средств из-за границы. Он мог себе это позволить, так как процентные ставки на мировых финансовых рынках были низки: в долларах и евро — в 2–3 раза, а в японских иенах — в 8–10 раз ниже, чем ставки по рублевым кредитам в России⁸. А постоянное укрепление рубля делало иностранные кредиты выгодными для России вдвойне.

В результате на начало кризиса Россия была должна иностранцам более 500 млрд. долл.⁹ Это внушительная цифра, при внимательном рассмотрении она оказывается не столь катастрофичной, так как отношение внешнего долга к ВВП для России составляет примерно 34%, тогда как в США — 100%, Англии — 400%, Исландии — 700% ВВП¹⁰. Беда была в том, что из-за недоверия к России и ее финансовой политике при первом же падении цен на нефть бизнес, в первую очередь иностранный, стал изымать средства из нашей экономики, и это бегство усугубилось резким ухудшением общей обстановки на мировых рынках капитала.

В результате параллельно с проблемами со счетом текущих операций Россия получила ухудшение счета капитала. В 2008 он был сведен для России с громадным минусом в 135 млрд. долл., хотя еще в 2007 г. мы имели по нему плюс

¹ См.: Становление России мировой экономической державой: достижения и проблемы // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2008. № 3. С. 8–13.

² World Bank. Global Development Finance. // www.worldbank.org

³ См.: Данные Росстата // www.gks.ru; Банка России // www.cbr.ru; Торговля России в 2009 г. Табл. 6.13 (расчеты автора).

⁴ См.: Торговля России в 2009 г. Табл. 6.32 (расчеты автора).

⁵ См.: Банк России (расчеты автора).

⁶ См.: www.gks.ru

⁷ См.: Банк России // www.cbr.ru (расчеты автора).

⁸ См. статистику Банка России и МВФ на сайтах этих организаций.

⁹ См.: Банк России.

¹⁰ См. статистику МВФ о внешней задолженности на сайте www.imf.org, а также оценки ВВП соответствующих стран в статистической базе ОЭСР на сайте www.oecd.org. См. также: Business Week. 2008. November 10.

более 80 млрд. долл. В 2009 ситуация несколько улучшилась¹, но отрицательное сальдо сохраняется и составило 47.5 млрд. долл. за весь 2009 г.² Возникшая паника привела к сокращению кредитов и инвестиций и внутри страны³.

Итак, под воздействием мирового кризиса экономика России испытала сильный шок, но в 3 и 4 кварталах 2009 г. ситуация начала постепенно улучшаться вследствие роста цен на нефть и другое сырье и общего оздоровления мировой экономики. Что ждет экономику России в дальнейшем, каковы ее долгосрочные перспективы?

В 2006 г. душевой ВВП России составил 10350 долл. США⁴, в странах ОЭСР в среднем — 30897 долл. В 2050 г. при нынешних темпах роста он составит 75130 долл. в среднем по странам ОЭСР⁵. Для того чтобы догнать эти страны к 2050 г., России необходимо иметь среднегодовые темпы роста 4.6% в год. Если мы будем расти с темпом 5.4% в год, как это было в среднем в 1997–2006 гг., то догоним страны ОЭСР к 2044 г. Период самого быстрого роста российской экономики имел место с 3 квартала 1999 по 2 квартал 2008, тогда он составил 7.2% в год. Если нам удастся восстановить эти темпы, то мы догоним ОЭСР к 2035 г.

Сможет ли Россия добиться этих результатов? Наверное, да, но для этого ей придется изменить основные черты нынешней модели развития, и мы постараемся это показать.

В прошедший период рост экономик России и стран ОЭСР характеризовался следующими закономерностями.

Таблица 1
ИСТОЧНИКИ РОСТА ВВП РОССИИ И СТРАН ОЭСР
(% в год)⁶

Вариант ответа	Труд	Капитал	СФП	ВВП
ОЭСР, 1985–2006	0,51	0,89	1,12	2,52
Россия, 1999, 2 кв. – 2008, 2 кв.	1,10	3,20	2,90	7,20

Примечание. СФП – совокупная факторная производительность.

¹ Отчасти вследствие роста экспортных цен на наши товары, что помогло России выплатить часть долгов в первую очередь банковским сектором. А сектору государства даже удалось привлечь неплохую сумму средств в Россию путем заимствований, которые не проводились несколько последних лет.

² См.: Банк России.

³ См. данные Банка России на сайте www.cbr.ru и Росстата на сайте www.gks.ru

⁴ По паритету покупательной способности.

⁵ Доклад о росте. М.: Весь мир, 2009. С. 113.

⁶ Среднее по 19 стран, по которым есть соответствующие расчеты. См.: OECD Factbook, 2009 // www.oecd.org. По России – расчет автора на основе макроэкономической производственной функции.

Мы специально сравниваем в этой таблице 20-летний рост стран ОЭСР с наиболее успешным периодом роста экономики России. Тогда все факторы способствовали нашему успеху: но сохранятся ли они в будущем?

Первое, на что следует обратить внимание, это труд, который обеспечил рост ВВП на 1.1% в год. Сохранить прошлую динамику вклада этого фактора будет очень сложно, во-первых, из-за сочетания низкой рождаемости и высокой смертности, которая для мужчин России близка к уровню стран Африки, а для женщин – вдвое выше европейского уровня, главным образом из-за алкоголя и курения⁷.

Во-вторых, до недавнего времени Россия компенсировала эти проблемы за счет иммигрантов, которых, по официальным данным, насчитывается в стране 6 млн. чел., что составляет почти 10% всей ее рабочей силы⁸. Но если нынешние демографические тенденции сохранятся, при нынешней модели роста России потребуется уже 12 млн. трудовых мигрантов, что станет тяжелой нагрузкой на ее социальную сферу и представляет риски в политическом плане⁹.

Не удастся при нынешней модели развития поддерживать тот же уровень вклада и такого фактора, как капитал. Если рассмотреть динамику отношения основного капитала к ВВП России, то оно постоянно снижается с примерно 3.3 в 1999 г. до 1.6 в 2008 г., что говорит об усиливающейся нехватке капитала, и только период кризиса приостановил эту тенденцию. Об этом же говорит и увеличение загрузки мощностей в промышленности с в среднем 44% в 2000 г. до 61% в 2007 г.¹⁰

Нынешний уровень инвестиций в основной капитал в экономике России явно недостаточен. Если в странах ОЭСР в среднем отношение инвестиций в основной капитал к ВВП составляет примерно 21%, в Китае – 38%, в Индии – 27%, то в России – лишь 18%¹¹. По нормам накопления мы отстаем от стран ОЭСР, а из стран БРИК обгоняем только Бразилию. Также мы сильно отстаем от 13 наиболее успешных

⁷ McKinsey Global Institute (MGI). Эффективная Россия. Производительность как фундамент роста. 2009. Апрель. Гл.1. С. 14. // www.mckinsey.com/mgi

⁸ Примерно 1/10 всех трудовых мигрантов в России – таджики. См.: Всемирный Банк. Доклад об экономике России. 2010. № 21.

⁹ См.: Там же.

¹⁰ См.: Промышленность России. 2009. Табл. 1.12 (расчеты автора). Пределом для России считается 80% уровень загрузки.

¹¹ В среднем за 1999–2007 гг. См.: OECD Factbook (расчеты автора).

стран, которые показали высокие и устойчивые темпы роста на протяжении 30–40 послевоенных лет, где это отношение составило в среднем 25%¹. Рекомендованный России уровень инвестиций — 25–30% ВВП, т. е. в 1.5–2 раза выше нынешнего уровня².

Опыт развития наиболее успешных стран показал важность инвестиций в инфраструктуру для обеспечения быстрого роста. Но Россия инвестирует в инфраструктуру лишь чуть более 1% своего ВВП³, тогда как быстро развивающиеся страны — Китай, Таиланд, Вьетнам — более 7% ВВП⁴. И это притом, что инфраструктурные ограничения: транспорт, энергоснабжение, телесвязь — все больше сдерживают развитие российского предпринимательства. В рамках обследования Всемирного Банка, проведенного в 2008 г., энергоснабжение *не* является проблемой только для 31% предприятий (в 2005 г. — 76%), связь *не* является проблемой для 16% предприятий (в 2005 г. — 78%), а транспорт — *не* является проблемой для 36% предприятий (в 2005 г. — 72%)⁵.

Откуда берутся средства для инвестиций? В России примерно 59% инвестиций финансируется за счет собственных средств организаций (чистой прибыли и амортизации), 22% — за счет средств бюджетов всех уровней и внебюджетных фондов, около 18% — за счет банковских кредитов⁶. Подобная структура свидетельствует о слабости финансовых рынков как источника инвестиций. Но если взглянуть на собственные средства компаний — главный источник инвестиций, то в целом лишь примерно 30% валовой прибыли российских компаний в 1999–2008 гг. инвестировались в основной капитал. Пример-

но 16% ее тратилось на уплату налога на прибыль, а более 50% — «проедалось» или отправлялось за рубеж⁷.

Государство — второй по значимости источник средств для инвестиций. Но доля государственного бюджета, которая тратится на инвестиции, всегда была меньше 15%, т. е. бюджет тратится в основном на текущие нужды⁸. Его дефицит, начавшийся в результате кризиса, только усугубил картину. Официальная статистика последние годы создавала иллюзию его благополучия, отчитываясь о профиците, но профицит складывался исключительно за счет поступлений от нефти. «Нефтефтяной» бюджет России всегда был дефицитным, что немедленно привело к общему дефициту после падения цен на нефть.

Наконец, третий источник средств для инвестиций — банковские кредиты, которые, в свою очередь, зависят от величины банковских вкладов. Граждане России сберегают относительно много из своих доходов: в 2002–2006 гг. их чистые сбережения составили в среднем 12.5% располагаемого дохода против 6.6% в странах ЕС-27 и 1.6% в США⁹. Росло и отношение депозитов граждан к ВВП с примерно 5% в 1999 г. до 16% в 2009 г.¹⁰ Но оно по-прежнему меньше, чем в развитых странах (в США эта величина равна 45%)¹¹.

Кроме того, российские граждане имеют очень мало накоплений в частных пенсионных фондах, которые в развитых странах являются важным инструментом инвестирования. Подобные накопления российских граждан составляют 2.5% ВВП, тогда как в США это отношение равно 40% ВВП¹². При этом деньги *государственных* пенсионных фондов тратятся в основном не на инвестиции в основной капитал, а на вложения в государственные бумаги, отечественные и иностранные.

Как используются банковские накопления граждан России? Несмотря на бурный рост кредитов в докризисные годы, меньше 5% их

¹ К этим 13 странам относятся: Ботсвана, Бразилия, Гонконг, Индонезия, Китай, Малайзия, Мальта, Оман, Республика Корея, Сингапур, Таиланд, Тайвань, Япония. Эти страны добились устойчивых темпов роста в послевоенный период и увеличили ВВП на душу в 10–30 раз за 30–40 лет. См.: Доклад о росте... С. 19–20, 35.

² См.: McKinsey Global Institute. Эффективная Россия. С. 23.

³ Всемирный Банк показал, что в 2008 г. Россия инвестировала в инфраструктуру примерно 19 млрд. долл. США. См.: http://ppi.worldbank.org/explore/ppi_exploreCountry.aspx?countryid=91. При этом ВВП России в 2008 г. составил 41668 млрд. руб., что эквивалентно 1607 млрд. долл. США по обменному курсу. Инфраструктура по классификации Всемирного Банка включает энергосистемы, телекоммуникации, транспортные системы и водоснабжение.

⁴ См.: Доклад о росте... С. 34.

⁵ См.: Всемирный Банк. Доклад об экономике России. 2010. № 21 // www.worldbank.org

⁶ Расчет автора на основе данных справочника «Инвестиции в России» за разные годы. Суть его состоит в том, что официальные данные скорректированы в целях учета малого и среднего бизнеса, а также исключены инвестиции населения на доленое строительство жилья.

⁷ Расчет автора на основе данных справочника «Инвестиции в России» за разные годы, а также данных о статистике бюджета с сайта www.gks.ru и данных Банка России с сайта www.cbr.ru.

⁸ Расчет автора на основе данных справочника «Инвестиции в России» за разные годы, а также данных о статистике бюджета с сайта www.gks.ru

⁹ См.: OECD Factbook (расчеты автора).

¹⁰ Расчет автора на основе данных с сайта www.gks.ru и данных Банка России с сайта www.cbr.ru

¹¹ См.: Business Week. 2008, October 20.

¹² См.: Там же.

используется на инвестиционные цели¹. Иными словами, растущие накопления используются в основном на текущие, а не на долгосрочные цели. Все это говорит о том, что нынешние усилия по увеличению основного капитала России недостаточны для поддержания высоких темпов роста, и он слабо обновляется.

Наконец, третий фактор роста экономики — совокупная факторная производительность страны и ее технологическое развитие. Если начать с простого показателя — производительности труда, то в ключевых отраслях экономики России она в 3–6 раз ниже, чем в США². Главные причины такого отставания — недостаток инвестиций и технологическая отсталость.

В своем технологическом развитии за последние годы Россия имела определенный успех на локальных участках — например, по охвату населения телефонами, компьютерами и Интернетом³. Однако по производству информационного и телекоммуникационного оборудования и технологий (ИКТ) отставание России очевидно. Удельный вес инвестиций в ИКТ в совокупных инвестициях в России составляет 0,2% всех инвестиций в основной капитал⁴, тогда как в странах ОЭСР в среднем — 17,3%⁵. Доля России в мировом экспорте информационного и телекоммуникационного оборудования, в целом промышленных изделий, наукоемких коммерческих услуг — много меньше 1% по каждой из этих позиций⁶.

В чем причины такого отставания? Здесь действуют глубинные факторы, которые не видны за макроэкономическими цифрами, и их стоит обсудить.

Первая и главная из них — **бюрократизм**. Ежегодное исследование, которое проводит Всемирный Банк, показало, что Россия находится на 120 месте из 181 страны по уровню благоприятности условий деятельности бизне-

са. По сравнению с 2008 г., когда мы были на 112 месте, положение только ухудшилось⁷. Хуже всего в мировом рейтинге мы выглядим по таким позициям, как строительство (ранг 180), внешняя торговля (ранг 161) и уплата налогов (ранг 134).

Кто обогнал Россию, где созданы более комфортные условия для бизнеса? Согласно упомянутому исследованию, впереди нас не только традиционные победители, Сингапур и Гонконг, и не только развитые страны, но и многие бывшие союзные республики, страны Азии и даже Африки.

Отметим первое место, которое неизменно занимает Сингапур. Благодаря прекрасным условиям для бизнеса объем экспорта маленького Сингапура сравним со всем экспортом России. И это при наших-то нефтяных скважинах, рудных запасах, лесах и нивах! «Маленькая красная точка на карте» — так назвал когда-то Сингапур президент Индонезии. Его население чуть больше 4 млн. чел., а в России — 142 млн. чел. И сейчас этот маленький Сингапур обогнал большую Россию — и исключительно из-за нашего бюрократизма.

Результаты Всемирного Банка — прекрасный индикатор для поручения российскому правительству. Президент и премьер-министр могли бы поставить задачу: за один год поднять Россию со 120 места, например, на 110-е. Плюс здесь в том, что рейтинг Всемирного Банка — объективная вещь, и людей, которые его составляют, не запугать и не купить. Изменения рейтинга будут ясно свидетельствовать, достигнуты ли реальные успехи в улучшении работы бизнеса или нет.

Проводя данное исследование, Всемирный Банк замеры по России делал в Москве. Но затем он предложил провести это же исследование по другим городам России. Согласно этому исследованию, лучший, с точки зрения комфортности условий ведения бизнеса, из обследованных городов — Казань, худший — Москва. Иными словами, провинция предлагает лучшие условия бизнесу, о чем следует задуматься и властям, и самому бизнесу⁸.

Бюрократизм неизбежно порождает коррупцию, но борьба с ней в России ведется с переменным успехом. С одной стороны, как по-

¹ Расчет автор на основе данных Банка России (www.cbr.ru) и Росстата (www.gks.ru). Данная величина получена как буквальное деление инвестиций за счет банковских кредитов, сделанных в данный год, на совокупный остаток банковских кредитов. Если же скорректировать эту величину на средний срок выданных кредитов, то она вырастет до 5-7%.

² См.: McKinsey Global Institute. Эффективная Россия.

³ См.: OECD Factbook.

⁴ Нами здесь использованы официальные данные Росстата об инвестициях в основной капитал по виду деятельности «Деятельность, связанная с использованием вычислительной техники и информационных технологий» с сайта www.gks.ru

⁵ Расчет автора на основе данных OECD Factbook за 2005 г.

⁶ Расчет автора на основе данных OECD Factbook; см. также: Доклад о росте... С. 153, 156.

⁷ См.: World Bank Group // www.worldbank.org. Предварительные итоги исследования за 2010 г. показали, что Россия так и осталась на 120 месте, т. е. сдвигов нет.

⁸ См.: World Bank Group // www.worldbank.org

казывают данные Всемирного Банка¹, в период с 2005 по 2008 г. доля предприятий, сообщивших о том, что они дают взятки, сократилась в два раза – с 62 до 31% – что по-прежнему намного больше, чем в среднем по странам Европы и Центральной Азии (ЕЦА) и СНГ. Аналогично доля предприятий, ответивших, что они *часто* дают взятки, также резко сократилась – с 41 до 22% в 2008 г. С другой стороны, размер коррупционного налога, о котором сообщили предприятия, почти утроился – с 1,7% годового оборота (для предприятий, ответивших, что они дают взятки) до 4,5%.

Почему российский бюрократизм с таким трудом поддается лечению? Потому, что с ним борются теми методами, которые не раз доказывали свою неэффективность, – слежка, запугивание и проч. А этого мало.

Корни российского бюрократизма – во всенародной борьбе с жульничеством. Когда принимается какая-то либеральная мера, первые, кто ею пользуются, – это мошенники. Что ж, это естественно, на то они и мошенники. В ответ общество начинает требовать ужесточения условий для бизнеса, «завинчивания гаек», совершенно не думая о том, как оно скажется на тех, кто честно и эффективно работает, на инициативе и предприимчивости людей. В итоге создается система, в которой у людей благонамеренных и законопослушных опускаются руки и возникает сильнейшее нежелание что-либо делать. В итоге мы и получаем 120 место из 181 в мировом рейтинге.

Поэтому для снижения бюрократизма как главной преграды на пути модернизации страны требуются *нестандартные* методы, выходящие за рамки традиционной ментальности. И нестандартность эта состоит в том, чтобы при принятии государственных решений думать не о поимке вора, а о том, как сделать так, чтобы честные и инициативные, талантливые и образованные встречали минимум препон на своем пути. Может быть, закрыть на какое-то время глаза на мошенников, чтобы не мешать хорошим и честным!

Вспомним опять Сингапур: разве там нет мошенников? Есть и были. Но борьба с ними там не означает тотального контроля над бизнесом, как в России. Если компания в Сингапуре имеет большие обороты, но не платит налогов, ею занимается прокуратура, а честный бизнес имеет все условия для беспрепятственного развития.

Вторая задача на пути лечения бюрократизма состоит в получении качественной и своевременной информации. Сегодня этого нет, и лица, принимающие решения, получают ее нередко в искаженном виде. Для этого необходимо создание службы, которая должна:

- быть независимой от местных властей и подчиняться напрямую президенту страны, иметь прямой к нему доступ;

- состоять из элитного и высокооплачиваемого корпуса чиновников;

- слушать представителей бизнеса, выявлять те узлы социальной системы, которые в наибольшей степени препятствуют его развитию, делают его максимально уязвимым перед коррумпированными чиновниками, и доносить эту информацию руководству страны для принятия решений.

Лишь в этом случае руководители страны смогут принимать эффективные решения, основанные на истинной информации, а не на той, которую им подают не всегда информированные и беспристрастные помощники. Так шаг за шагом будут «выпалываться» те элементы общественной системы, которые мешают модернизации страны.

И, наконец, общее развитие демократии как наиболее эффективный способ борьбы с бюрократизмом. Без демократии ничего не удастся добиться.

Другая фундаментальная причина нашего технологического отставания – это плохая **кадровая политика**. Так, ключевым фактором нынешних достижений Сингапура является то, что он собирал (и продолжает собирать) образованных людей и у себя, и со всего мира. У нас в этом направлении почти ничего не делается. А ведь Сингапур не легче – он также сталкивался с «утечкой мозгов» в развитые страны.

То, что кадровый вопрос становится все более насущным, видно из очередного исследования Всемирного Банка². Согласно ему, в 2008 г. именно навыки и образование рабочей силы вышли на первое место в качестве преграды для развития бизнеса, налоги и коррупция отошли на второе и третье. Беда в том, что наше общество не готово решать проблему кадров, и в том, что сам бизнес не хочет вкладывать в это деньги.

В России и власть, и бизнес почему-то уверены в том, что квалифицированные кадры сами к ним придут и будут слезно упрашивать

¹ См.: Всемирный Банк. Доклад об экономике России.

² См.: Всемирный Банк. Доклад об экономике России.

взять их на работу. Этого не случится. Возьмем пример США. Американские компании уже много лет ведут политику, которую они называют «зеленой жатвой». Это означает подбор талантливых студентов еще до окончания вуза, их материальную поддержку для привлечения в дальнейшем к работе на фирме.

Доклад Всемирного Банка «О мировом развитии» от 1998–1999 г. говорит, что для перехода к экономике знаний необходимы четыре элемента:

- адекватная экономическая и институциональная система;
- высокоразвитый человеческий капитал;
- динамическая информационная инфраструктура;
- эффективная национальная инновационная система.

Высшее образование играет особо важную роль как минимум в трех из этих четырех элементов. Как показывают последние исследования, именно университеты, а не фирмы являются двигателями прогресса в большинстве отраслей знания и технологий¹.

Небрежение нашего общества образованием как решающей силой экономического роста и инноваций иллюстрирует тот факт, что на довузовское образование Россия тратит в среднем 1754 долл. на 1 учащегося в ценах 2000 г., по паритету покупательной способности, тогда как страны ОЭСР в среднем 7065 долл. В отношении вузовского образования эти цифры, соответственно, 3241 долл. и 11512 долл.² Можно сказать, что Россия – бедная страна, и потому она не может иметь высокие расходы на образование. Но, как показывают данные об отношении расходов на образование к ВВП, мы не только мало расходует, у нас мала и доля, которую общество выделяет на образование в национальном продукте. В России это 3.8% ВВП, в странах ОЭСР в среднем – 6.1% ВВП³. По последнему показателю Россия отстает не только от развитых стран, но и от Латинской Америки, Африки, Индии, опережая, однако, Китай⁴.

¹ См.: Салли Дж. Создание университетов мирового класса. М.: Весь Мир, 2009. С. 2.

² См.: OECD Factbook.

³ См.: OECD Factbook. 2005. Эти данные не совсем сопоставимы, так как не учитывают расходы на частное образование в России. Росстат должен восполнить этот пробел и начать вести учет данного вида расходов. Можно предположить, что доля расходов на частное образование в России существенно меньше, чем в ОЭСР, по причинам, речь о которых идет ниже.

⁴ См.: Доклад о росте... С. 135. Справедливости ради следует отметить, что государственные расходы на все виды образования в России с 2000 по 2005 г. выросли в 2.28 раза, тогда как в ОЭСР в среднем –

При этом доля лиц, имеющих высшее образование, в общей численности населения в России 25–64 лет гораздо выше, чем в развитых странах (54 против 27% в среднем в ОЭСР)⁵. Иными словами, граждане России тянутся к образованию, но общество не хочет за это платить.

Одним из способов решения проблемы финансирования образования является частное образование, о чем говорят данные ОЭСР. Доля частных расходов на высшее образование в совокупных расходах по этой графе варьирует там от 3.3% в Дании до 75.7% в Республике Корея, и эта величина неуклонно растет (в среднем в ОЭСР с 23 до 27% за 5 лет)⁶. Частное образование в цивилизованных странах – нормальное явление и не рассматривается как что-то подозрительное, как это сейчас имеет место в России.

Высшее образование США и Канады процветает именно благодаря частным университетам⁷. В настоящее время средняя зарплата профессора в государственном вузе США составляет 106500 долл. в год, это 78% от зарплаты в частном вузе. Поэтому ни один из государственных вузов не вошел в число 20 лучших в национальном рейтинге вузов США, там только частные вузы⁸.

В 2005 г. журнал «Economist» назвал американскую систему высшего образования лучшей в мире. Причиной этого успеха стали «не только ее финансовая состоятельность, но и относительная независимость от государства, дух состязательности, которым пронизаны все ее элементы. Сама среда и условия работы в американских университетах способствуют духу свободной конкуренции, формированию ничем не сдерживаемой научной пылкости, критического мышления, инноваций и творчества. Вузы, имеющие полную автономию, становятся более гибкими, так как они не связаны бюрократическими процедурами и навязанными извне стандартами, даже несмотря на то, что им приходится соблюдать процедуры отчетности, предусмотренные законом»⁹.

лишь на 28%. См. об этом: OECD Factbook. Но мы видим, что этот уровень совершенно недостаточен.

⁵ См.: OECD Factbook. Ради сопоставимости статистика ОЭСР включает в эти данные и выпускников колледжей, чтобы получить международный показатель tertiary education (третичное образование). Поэтому данные по России, взятые здесь из источника ОЭСР ради сопоставимости, отличаются от данных национальной статистики.

⁶ См.: OECD Factbook.

⁷ м.: Салли Дж. Указ. соч. С. 24.

⁸ См.: Там же. С. 27.

⁹ Там же. С. 29.

Созданная в России громоздкая система лицензирования, аккредитации, государственных стандартов, диплома государственного образца прямо противоречат этим рекомендациям. Противоречит этому и программа создания федеральных университетов, так как создает привилегии немногим избранным вузам и убивает конкуренцию, подвергая дискриминации все прочие вузы.

Ради еще одного доказательства сравним число вузов в штате Калифорния и в Уральском федеральном округе.

Таблица 2
ЧИСЛО ВУЗОВ В ШТАТЕ КАЛИФОРНИЯ И В УРАЛЬСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ¹

Вузы	Штат Калифорния	Уральский федеральный округ	Отношение
Численность населения, млн. чел.	33,9	12,2	2,8
Всего вузов	474	75	6,3
В том числе:			
государственные университеты	145	53	2,7
частные университеты ²	109	22	5,0
прочие вузы	220		

Хорошо видно, что в Калифорнии даже в пропорции к численности населения число вузов значительно больше, чем в Уральском федеральном округе, особенно это касается частных вузов. Серьезными плюсами системы высшего образования штата Калифорния эксперты считают отмену единых правил поступления в государственные вузы и колледжи и право студентов частных учебных заведений на гранты для обучения из бюджета штата³. Так поощряется конкуренция вузов — залог качества образования.

Мы уже четко показали, что слабость российской системы образования — в недостатке финансирования. Пренебрегает этим и российский бизнес. Не то в других странах. В 2006 г. Национальный университет Сингапура стал частной корпорацией и привлек 774 млн. долл. США пожертвований. Индийский миллиардер Анил Агарвал выделил 1 млрд. долл. США на создание университета в г. Орисса, Индия. Немецкий миллиардер Клаус Якобс пожертвовал

200 млн. евро частному Международному университету, который только открылся в Бремене⁴. Подчеркнем — новому вузу, который еще не имеет признанных заслуг, и вузу частному.

Страны, где поощряется развитие частного образования, могут претендовать на кредиты и гарантии Международной финансовой корпорации (IFC), коммерческой ветви Всемирного Банка, располагающей большими средствами.

Из приведенных выше аргументов следует вывод: для того, чтобы сделать российское образование опорой экономического роста и модернизации, следует:

- поощрять конкуренцию среди образовательных учреждений, а для этого перестать третирировать частное образование, дать ему на деле, а не на словах равные права с государственным;
- отменить налоги на образовательные учреждения;
- дать льготы спонсорам учебных заведений;

- постепенно отменить понятие «диплом государственного образца», пусть вузы выдают свои собственные дипломы; сегодня этим самым государственным дипломом государство фактически берет на себя часть ответственности за результаты работы слабых учебных заведений;

- из предыдущего пункта следует необходимость отмены лицензирования и аккредитации учебных заведений. У государства и так достаточно средств контроля над ними, в будущем можно будет ограничиться публичными рейтингами учебных заведений и рекомендациями для абитуриентов со стороны министерства образования относительно их качественного уровня.

Третья причина отставания России — это дискредитация **науки**. Ученых у нас относительно много, хотя число их сокращается⁵. Но мы и здесь отстаем в финансировании, отстаем на порядок. Расходы на исследования и разработки в 2007 г. в России составили 1.12% ВВП, а в странах ОЭСР — 2.26% ВВП, инвестиции в знания — соответственно 3.9 и 4.9% ВВП⁶. Вновь обратим внимание: в этих таблицах не абсолютные цифры, а доля ВВП, выделяемая на нужды науки, явное свидетельство пренебрежения общества.

⁴ Данные примеры приводятся в цитируемой здесь работе Джамилы Салми.

⁵ См. данные о динамике числа исследователей на 1 тыс. работников: OECD Factbook.

⁶ См.: Российский статистический ежегодник. 2009. табл. 19.12; OECD Factbook (расчеты автора). Инвестиции в знания — сумма расходов на исследования и разработки, образование и создание про-граммного обеспечения. Данные по России имеют характер оценки.

¹ См.: Регионы России. Табл. 6.16; Салми Дж. Указ. соч. С. 39.

² В России большая часть частных вузов имеет статус института.

³ См.: Салми Дж. Указ. соч. С. 39.

В результате число триадических патентных семейств¹ на 100 жителей в 2006 г. в России составило 0,4, а в странах ОЭСР в среднем — 42,4². Все эти цифры — результат того, что ни власть, ни бизнес в России не понимают значения науки и возможностей использовать ее достижения.

Выводом нашей работы будет следующее утверждение: если мы хотим занять достойное место среди мировых держав, нам надо менять доктрину экономического роста, перейти от экономики сырьев к экономике мозгов. От сы-

рья мировая экономика будет постепенно из-бавляться, а вот мозги будут нужны всегда.

Но для такого перехода нашей стране придется сломать некоторые стереотипы ментальности в отношении принятия решений, кадровой политики и роли науки. Без кардинальных решений мы будем отставать все более, нас будут оттеснять новые державы, которыми еще 20–30 лет назад пренебрегали, не брали в расчет в мировой политике.

И еще России надо выработать менталитет победителя. Без него и самой победы не будет.

¹ Триадическое патентное семейство — это совокупность патентов, защищающих авторское право на одно и то же изобретение одновременно в Европейском патентном офисе (ЕРО), Японском патентном офисе (JPO) и Американском офисе по патентам и товарным знакам (USPTO).

² См.: OECD Factbook.

СЛЫШАЛИ ЛИ ВЫ О ТРАГЕДИИ КАТЫНИ: О РАССТРЕЛЕ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ, НАХОДИВШИХСЯ В СОВЕТСКИХ ЛАГЕРЯХ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Март	Апрель
Слышали	43	74
Не слышали	47	19
Затруднились ответить	10	7

2010 г., N=1600

КТО, ПО-ВАШЕМУ, ОРГАНИЗОВАЛ РАССТРЕЛ ПОЛЬСКИХ ОФИЦЕРОВ В КАТЫНИ? (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Март	Апрель
Сталинское руководство СССР	19	35
Гитлеровское руководство Германии	28	18
Не знают/не имеют мнения	53	47

2010 г., N=1600

Рим ВАЛИАХМЕТОВ
Резина МУХАМАДИЕВА
Гульгар ХИЛАЖЕВА

Опыт социологического исследования проблемы суицида

Одной из наиболее острых проблем российского общества является высокая смертность населения. Особенную тревогу вызывает высокая доля смертности от внешних (неестественных) причин, в число которых входят убийства, самоубийства, отравления, травмы, дорожно-транспортные происшествия и другие несчастные случаи. Большие потери населения от этих неестественных причин стали особенностью российской статистики, они приобрели длительный и устойчивый характер в большинстве регионов России. В этой связи чрезвычайно большую актуальность приобретает комплексное исследование всех видов смертности, в том числе самоубийств.

В данной статье предпринята попытка проанализировать основные причины и факторы суицида как крайней формы девиантного поведения. Статья состоит из двух частей. В первой — на основе имеющихся публикаций и статистической информации проблема самоубийств рассматривается на национальном (общероссийском) уровне; во второй представлен региональный анализ проблем преодоления и профилактики суицида на примере Республики Башкортостан. Наряду с материалами официальной статистики использованы результаты социологического исследования, ставшего одним из немногих опытов применения социологических методов в изучении феномена самоубийств. Изучение проблемы суицида на примере отдельного субъекта Российской Федерации позволяет проследить некоторые закономерности и тенденции, характерные для России в целом.

Суицид является «крайней формой социальной патологии» и одной из форм девиантного поведения. Он определяется как осознанное преднамеренное действие, направленное на добровольное лишение себя жизни (хотя встречаются случаи вынужденного самоубийства)¹. Вместе с тем, по признанию специалистов, суи-

цид является «продуктом состояния общества», уровень и динамика самоубийств служат одним из важнейших индикаторов социальной, экономической, политической ситуации и ее изменений, барометром жизнедеятельности общества, его благополучия или неблагополучия².

Историческая ретроспектива. Изучение явления самоубийства неразрывно связано с именем Э. Дюркгейма. Рассматривая самоубийство как совокупный социальный факт в широком контексте трансформации общества, он изложил результаты эмпирического исследования в монографии «Самоубийство. Социологический этюд» (1897), являющейся, по сути, первым серьезным исследованием данной проблемы.

Исследования феномена самоубийств в России были заложены в начале XIX в. Одной из самых первых стала работа академика К. Германа, основанная на сравнении показателей самоубийств по разным регионам и губерниям России. Государство и статистические учреждения начали вести учет самоубийств со второй четверти XIX в. Обширный статистический материал был представлен в книге К.С. Веселовского «Опыты нравственной статистики в России» (1847). Автором анализировалась динамика самоубийств с 1803 по 1841 г. (см. табл. 1).

Уровень самоубийств в России на 100 тыс. жителей составлял в 1803 г. 1,7, 1829 г. — 2,6, 1838 г. — 2,9 случая, что было значительно ниже европейских показателей. К.С. Веселовский рассматривал и такой индикатор, как доля смертей в результате самоубийств в общем количестве умерших. В течение рассматриваемого периода она колебалась от 0,06% до 0,09%³. Для сравнения: во Франции в 1831 г. уровень самоубийств составлял 6,4, а доля смертей от самоубийств — 0,2% (в 1836 г., соответственно, 6,9 и 0,3%).

¹ См.: Смидович С.Г. Самоубийства в зеркале статистики // Социологические исследования. 1990. № 4. С. 74.

² См.: Гилинский Я.И., Румянцева Г. Основные тенденции динамики самоубийств в России // <http://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html>

³ См.: Социология в России / Под ред. В.А. Ядова. М.: ИС РАН. 1998. С. 589.

Таблица 1

КОЛИЧЕСТВО ЗАВЕРШЕННЫХ САМОУБИЙСТВ В РОССИИ, 1803–1841 ГГ.

Годы	Количество самоубийств	Годы	Количество самоубийств
1803	582	1833	1341
1819	856	1834	1441
1820	894	1835	1626
1825	1066	1836	1532
1826	966	1837	1498
1827	1176	1838	1559
1828	1248	1839	1326
1829	1283	1840	1718
1830	1141	1841	1322
1831	1104		

Источник: Гилинский Я.И., Румянцева Г. Указ. соч. // <http://www.narcom.ru/ideas/socio/28.html>

В работе также отмечается постепенный рост числа самоубийств в городах. Повышенный их уровень был зафиксирован в Санкт-Петербурге (1831 г. – 5,1) и Москве (1838 г. – 5,7). Самые высокие показатели самоубийств за 1830–1840-е гг. отмечались в Санкт-Петербурге, Минской, Волынской, Подольской губерниях и в Эстландии, самые низкие – в Вологодской, Саратовской, Оренбургской губерниях¹. Эти данные с тех пор вплоть до конца 1980-х гг. не публиковались в открытой печати.

К.С. Веселовским дан анализ гендерной принадлежности суицидентов: он отмечал относительно низкий уровень женских самоубийств, что объяснял «пластичностью» женщин и обращенностью их души внутрь себя, в отличие от мужчин, которые находятся в борьбе с миром и самими собой². Доля женских завершённых самоубийств, по неполным данным, составляла в 1821–1822 гг. – 21%, 1844–1846 гг. – 23, 1870–1874 гг. – 25, 1881–1890 гг. – 29, 1891–1899 гг. – 32%³. Ученым были выявлены сезонные колебания в численности самоубийств: весенне-летний максимум при осенне-зимнем минимуме, что позднее было отмечено и Э. Дюркгеймом⁴.

Характеризуя положение России по уровню самоубийств относительно других стран, специалисты отмечали, что в 1876 г. Россия занимала последнее место в списке европейских стран. Коэффициент самоубийств, рассчитанный на 100 тыс. населения, составлял в Саксонии 31,

Франции – 15, Пруссии – 13, Австрии – 13, Баварии – 9, Англии – 7, России – 3. Тот же показатель за 1926 г. был в России – 7,8, Германии – 26,2⁵.

Однако статистические данные с 1884 по 1908 год свидетельствуют об относительно высоком коэффициенте самоубийств в военных учебных заведениях России⁶. Коэффициент самоубийств в гражданских школах за рассматриваемый период был в три раза меньше, чем в военно-учебных заведениях⁷. В это время начинают создаваться специальные комиссии для их изучения, появляется ряд серьезных исследований. Учет начинается вестись не только на общегосударственном уровне, но и на институциональном.

В конце XIX – начале XX столетия в России складывается междисциплинарный подход в изучении этого феномена и впервые термин «суицидология» (предшественник современной «суицидологии») появился в работах российских врачей П.Г. Розанова (1891), Ф.К. Тереховко (1903), И.О. Зубова (1903)⁸.

Динамику самоубийств в начале XX в. можно проиллюстрировать лишь на примере столичных городов. В 1910–1913 гг. число завершённых самоубийств составило в Санкт-Петербурге 30,1 на 100 тыс. жителей, в Москве – 18,9⁹.

⁵ См.: Лихачев А.В. Самоубийство в Западной Европе и европейской России. Опыт сравнительно-статистического исследования. СПб, 1882. С. 40.

⁶ См.: Шереги Ф.Э. Социология девиации: прикладные исследования. М.: Центр социального прогнозирования, 2004. С. 256.

⁷ См.: Бернадский В.А. Самоубийства среди воспитанников военно-учебных заведений. СПб., 1991. С. 19.

⁸ См.: Социология в России. С. 588.

⁹ См.: Гилинский Я.И., Румянцева Г. Самоубийства в России // Население и общество. 1998. № 25. С. 1.

¹ См.: Гилинский Я.И., Румянцева Г. Указ. соч.

² См.: Веселовский К.С. Опыт нравственной статистики в России. СПб., 1847. С. 39.

³ См.: Самоубийства в СССР: 1922–1925. М., 1927. С.14–16.

⁴ См.: Социология в России. С. 589.

В годы Первой мировой войны в воюющих странах и, с некоторым временным запозданием, в нейтральных государствах было зафиксировано снижение количества и уровня самоубийств. В Петербурге в 1915–1917 гг. было зарегистрировано 10,7, в Москве – 10,6 завершённых самоубийств на 100 тыс. жителей. Снижение уровня самоубийств среди мужчин проходило интенсивнее, чем среди женщин, относительно увеличилась доля самоубийц старших возрастных групп (от 60 лет и старше).

В послевоенное время число и уровень самоубийств в России постепенно увеличивалось, то же самое происходило во всем мире, и Россия продолжала оставаться в числе стран с невысоким уровнем суицидального поведения¹. Среди суицидентов послевоенного времени возросла доля душевнобольных².

Важнейшим шагом в исследовании самоубийств явилось создание в составе Центрального статистического управления СССР отдела моральной статистики (1918). Первый выпуск «Моральной статистики» вышел в 1922 г. и включал сведения о самоубийствах и социально-демографическом составе суицидентов.

В 1927 г. издана работа «Самоубийства в СССР в 1922–1925 гг.». В том же 1927 г. вышли работы Н.П. Бруханского и М.Н. Гернета, посвященные социально-психологическому и социологическому исследованию проблем самоубийства.

В 1929 г. был выпущен сборник «Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг.». На этом публикации работ по проблемам самоубийства в стране на несколько десятилетий прекратились.

Большая заслуга в возрождении отечественной суицидологии принадлежит А.Г. Амбрумовой, организовавшей первую за несколько десятилетий встречу специалистов – семинар по суицидологии (1975). Она создала и возглавила Всесоюзный суицидологический центр и суицидологическую службу Москвы, организовала выпуск сборников по проблемам суицидологии.

Современное состояние. С середины 60-х гг. прошлого столетия количество и уровень самоубийств в России постепенно росли и к 80-м гг. XX в. Россия начинает занимать одно из лидирующих мест в мире по уровню самоубийств. В 1980 г. показатель составлял 34,7 случая на 100 тыс. населения, в 1984 г. – 37,9. Далее наблюдалось резкое снижение, и к 1986 г. уровень самоубийств составил 23,1. Многие исследова-

тели связывали это падение с введением «анти-алкогольной кампании», представлявшей собой комплекс жестких административных мер, направленных на принудительное ограничение доступа населения к алкоголю. Воздействие этого масштабного эксперимента на смертность населения превзошло все ожидания. Но удержать достигнутые успехи России не удалось. По мере адаптации населения к искусственно созданным ограничениям и истощения государственных ресурсов для поддержания режима ограниченного потребления алкоголя в конце 80-х гг. XX в. **снижение числа самоубийств уступило место его медленному росту, который затем, в 1992–1994 гг., сменился резким взлетом**³. В 1994–1995 гг. был достигнут «абсолютный рекорд» – 42,1 самоубийства на 100 тыс. населения⁴. Таким образом, в 1994 г. Россия занимала по самоубийствам второе место в мире после Литвы (45,8), на третьем месте была Эстония (40,9), на четвертом – Латвия (40,6)⁵.

При сравнении российских показателей самоубийств с данными других стран, положение России оказывается еще более неблагоприятным (см. табл. 2).

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) делит все страны по показателю суицида на три группы: с высоким уровнем (свыше 20 суицидов в год на 100 тыс. населения), со средним (10–20 самоубийств в год на 100 тыс. населения), с низким (до 10 самоубийств в год на 100 тыс. населения)⁶.

По данным Росстата, в 2008 г. уровень самоубийств в России составил 27,1 случая на 100 тыс. населения. Несмотря на некоторое снижение показателей, Российская Федерация продолжает находиться в группе стран с высоким уровнем самоубийств (см. табл. 3).

Сравнительный анализ уровня самоубийств в семи федеральных округах Российской Федерации показал, что наибольшее число суицидов приходится на Сибирский федеральный округ, коэффициент (к) – 41,5 на 100 тыс. населения в 2008 г. В состав округа входят 12 субъектов РФ (4 республики, 3 края, 5 областей): Республики Алтай, Бурятия, Тыва, Хакасия; Алтайский, Красноярский и Забайкальский края; Иркутская, Кемеровская, Новосибирская, Омская

³ См.: Политика по контролю кризисной смертности России в переходный период. М.: Институт международных исследований семьи, 2000. С. 15.

⁴ См.: Богоявленский Д.Д. Российские самоубийства и российские реформы // Социологические исследования. 2002. № 5. С. 76–77.

⁵ См.: Самоубийства в России // Население и общество. 1998. № 25.

⁶ См.: Статистика самоубийств // <http://lossofsoul.com/DEATH/suicide/statistic.html>

¹ См.: Гилинский Я.И., Румянцева Г. Самоубийства в России. С. 1.

² См.: Социология в России. С. 594.

Таблица 2
ИНТЕНСИВНОСТЬ САМОУБИЙСТВ В РАЗЛИЧНЫХ СТРАНАХ (на 100 тыс. населения)

Страны	Годы			
	1983	1992	2005	2007
Австралия	11	11,9	10,8 ⁷	11,5
Австрия	25,7	20,6	16,9	17
Англия	9,5	–	6,7	7
Бельгия	19,1	17,9	21,1 ³	21
Болгария		6,6	13,8	13
Венгрия	–	37	26	28,5
Голландия	10,1	10,2 ²	–	–
Дания	31,6	20,4	13,6 ⁵	14
Ирландия	4,9	–	9,7	10
Италия	6,4	6,8	7,1 ⁷	7
Канада	14,8	12,9 ²	11,3 ⁸	12
Новая Зеландия	9,7	–	11,9 ⁴	12
Норвегия	12,4	15,5 ²	11,5	12
Польша		15,6	15,8	16
Россия		46	32,2	36 ¹
Румыния		12	12,5 ⁸	13
США	12,5	12,3 ¹	11	11
Финляндия	25,2	27,8	18,9	20,5
Франция	17,2	18,9 ²	17,6	18
Германия	20,9	15,5 ²	13,8	13
Швейцария	25,7	–	17,5	17,5
Швеция	19,4	15,9 ¹	13,2 ⁶	13
Япония	17,6	15,5	24,2	24

¹ 1990 г.

⁵ 2001 г.

² 1991 г.

⁶ 2002 г.

³ 1997 г.

⁷ 2003 г.

⁴ 2000 г.

⁸ 2004 г.

Источник: World Health Statistics. Geneva // http://www.who.int/mental_health/prevention/suicide/countryreports/en/index.html

Таблица 3
ИНТЕНСИВНОСТЬ САМОУБИЙСТВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ОТДЕЛЬНЫМ ФЕДЕРАЛЬНЫМ ОКРУГАМ В 2005–2008 гг. (на 100 тыс. населения)

Российская Федерация, федеральные округа	Число умерших от самоубийств			
	2005	2006	2007	2008
Российская Федерация	32,2	30,1	29,1	27,1
Сибирский	46,0	44,4	43,9	41,5
Дальневосточный	42,7	40,2	40,4	38,2
Приволжский	41,3	38,8	37,9	35,4
Уральский	41,1	36,5	34,8	32,1
Северо-западный	30,9	27,9	27,0	24,6
Центральный	21,9	20,6	19,0	17,7
Южный	17,9	16,6	15,9	14,4

Источник: Материалы Росстата.

и Томская области. Критическая отметка, определенная ВОЗ как «высокий уровень суицида», превышена здесь более чем в 2 раза, при этом в республиках Алтай, Бурятия и Тыва в 3–3,5 раза (см. Приложение 1).

Намного выше данного критерия ВОЗ показатели суицида в Дальневосточном федеральном округе ($k=38,2$). «Лидируют» здесь Чукотский автономный округ ($k=82,2$), Еврейская автономная область ($k=56,6$), Амурская область ($k=56,2$) и Республика Саха (Якутия) ($k=48,5$), имеющие значительные превышения от критической отметки.

Наименьшее число суицидов зафиксировано в Южном федеральном округе ($k=14,4$). В состав округа входят 13 субъектов РФ (8 республик, 2 края и 3 области): республики Адыгея, Дагестан, Ингушетия, Кабардино-Балкарская Республика, Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Северная Осетия-Алания, Чеченская Республика; Краснодарский, Ставропольский края; Астраханская, Волгоградская, Ростовская области. Минимальные показатели (единичные случаи суицида) зафиксированы в Чеченской республике ($k=0,4$), Северной Осетии-Алании ($k=2,1$) и Дагестане ($k=3,3$), а в Республике Ингушетия в 2008 г. не было ни одного случая суицида. Низкий уровень или отсутствие самоубийств в этих республиках объясняется высоким уровнем самосохранительного поведения населения, национальными и религиозными традициями, осуждающими это явление.

Центральный федеральный округ, по критериям ВОЗ, имеет средние, но близкие к высоким, показатели уровня самоубийств ($k=17,7$). В Ивановской ($k=33,0$), Тверской ($k=30,3$), Владимирской ($k=28,6$), Костромской ($k=28,5$) областях количество суицида выше средних значений не только по округу, но и по России.

Близки к среднероссийским показателям данные по Северо-Западному федеральному округу, в котором коэффициент умерших от самоубийств 2008 г. составил 24,6 на 100 тыс. человек. Вместе с тем в этом же округе находится регион с самым большим количеством самоубийств в РФ – Ненецкий автономный округ ($k=102,3$).

Уральский и Приволжский федеральные округа, занимающие промежуточное положение по числу самоубийств в России, имеют коэффициенты, значительно превышающие вышеназванные критерии ВОЗ (32,1 и 35,4 соответственно). К таким регионам в Уральском федеральном округе относятся Курганская

($k=50,5$), Челябинская ($k=36,6$), Свердловская ($k=29,9$) и Тюменская ($k=23,3$) области. В абсолютном большинстве регионов, входящих в Приволжский федеральный округ, уровень суицида выше не только критериев ВОЗ, но и средних российских показателей (см. табл. 4). В их числе Удмуртская Республика, Кировская область, Республика Башкортостан, Марий Эл, Пермский край, Чувашская Республика, Оренбургская область и Республика Татарстан. Отмечая остроту проблемы суицида в Республике Татарстан, информационное агентство «Татар-информ» обращает внимание на то, что с 2004 г. самоубийства занимают здесь первое место в структуре смертности от внешних причин. В составе суицидентов преобладают подростки; самый высокий уровень смертности отмечен в возрасте 15–17 лет, почти все они проживали в сельской местности. Социальные работники отмечают, что это связано с проблемой проведения досуга молодежи, отсутствием возможности для полноценного отдыха¹.

Таблица 4
УРОВЕНЬ САМОУБИЙСТВ В ПРИВОЛЖСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ, 2005–2008 гг. (на 100 тыс. населения)

Регионы Приволжского федерального округа	Число умерших от самоубийств			
	2005	2006	2007	2008
Приволжский федеральный округ	41,3	38,8	37,9	35,4
Удмуртская Республика	63,7	62,2	61,4	56,6
Кировская область	57,0	52,1	51,2	52,2
Республика Башкортостан	57,7	54,5	50,0	48,9
Республика Марий Эл	64,8	52,5	59,7	46,3
Пермский край	52,1	46,9	48,7	45,1
Чувашская Республика	47,2	50,7	51,9	44,2
Оренбургская область	45,9	42,3	41,9	42,2
Республика Татарстан	36,8	32,3	32,3	31,2
Пензенская область	36,0	34,2	32,7	27,3
Саратовская область	26,7	32,6	31,1	27,2
Республика Мордовия	31,2	28,6	27,0	27,1
Нижегородская область	32,5	29,0	28,7	24,8
Ульяновская область	18,8	18,7	17,8	14,0
Самарская область	23,2	20,6	18,6	13,7

Источник: Материалы Росстата.

Только две области – Самарская ($k=13,7$) и Ульяновская ($k=14,0$) – имеют средний уровень суицида, согласно классификации ВОЗ, здесь нет ни одного субъекта РФ с низким уровнем

суицида (менее 10 случаев самоубийства в год на 100 тыс. населения).

Ситуация, сложившаяся в регионах Приволжского федерального округа, во многом является характерной для большинства субъектов Российской Федерации. Несмотря на общую тенденцию снижения уровня самоубийств за последние годы, в 59 регионах России показатели смертности от суицида остаются на уровне критических отметок ВОЗ; в 44 регионах они выше средних российских данных. Не является исключением и Республика Башкортостан, в которой в 2008 г. было зафиксировано 48,9 случая суицида на 100 тыс. человек (по предварительным данным, за 2009 г. этот показатель в РБ снизился до 47,8).

Анализ статистики самоубийств в Республике Башкортостан. Республика Башкортостан является одним из крупнейших субъектов Российской Федерации и входит в состав Приволжского федерального округа (ПФО). По численности населения Башкортостан находится на первом месте в ПФО и на седьмом – в Российской Федерации. На 1 января 2010 г. в республике проживало 4065,8 тыс. чел. По сравнению с другими субъектами РФ, здесь относительно высока доля сельского населения (40,2%). Городов в республике 21, из них 4 больших (свыше 100 тыс. чел.), 7 средних (от 50 до 100 тыс. чел.), 9 малых (до 50 тыс. чел.)². Столица Республики Башкортостан, г. Уфа, является крупнейшим городом России, в нем проживают более 1 млн. чел., что составляет одну четвертую часть населения республики.

На территории Башкортостана специалисты выделяют семь социально-экономических подрайонов (центральный, южный, западный, северо-западный, северный, северо-восточный и уральский), каждый из которых отличается по уровню социально-экономического развития, степени урбанизированности, характеру протекающих социально-демографических процессов. Наиболее развитыми в социально-экономическом отношении и с относительно благоприятной демографической ситуацией являются центральный, южный, западный и северо-западный подрайоны. В них сконцентрировано более 90% промышленного потенциала, находятся 16 городов республики. Другие подрайоны Башкортостана имеют относительно низкий уровень экономического развития.

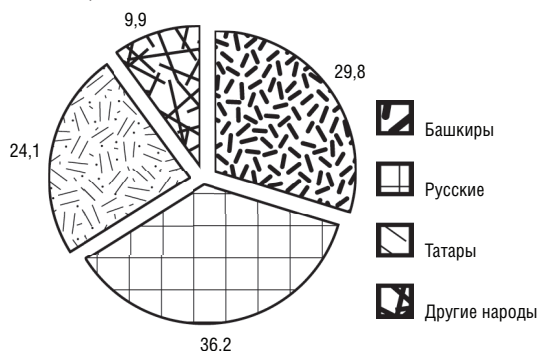
² Большие города – Нефтекамск, Октябрьский, Салават, Стерлитамак; средние города – Белебей, Белорецк, Ишимбай, Кумертау, Мелеуз, Сибай, Туймазы; малые города – Агидель, Баймак, Бирск, Благовещенск, Давлеканово, Дюртюли, Межгорье, Учалы, Янаул.

¹ См.: Татар-информ. Казань. 2008. 27 мая.

Северный и северо-восточные подрайоны являются практически неурбанизированными, там нет ни одного городского поселения.

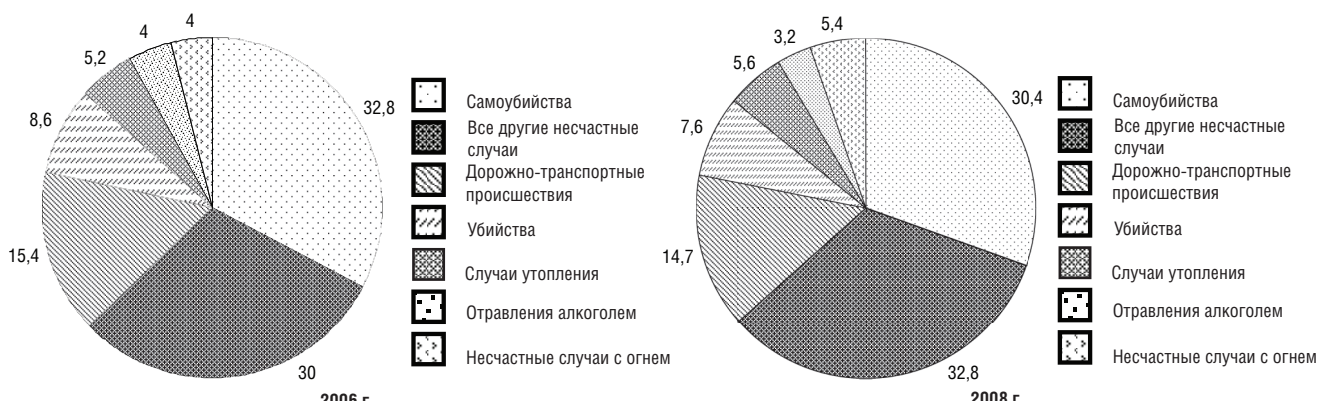
Республика Башкортостан является одним из многонациональных субъектов РФ, в нем проживают представители более 130 народов. В национальном составе преобладают русские, башкиры и татары. По данным Всероссийской переписи населения 2002 г., численность башкир в республике составляет 1221,3 тыс. чел. (29,8% от общей численности населения республики); русских – 1490,7 тыс. чел. (36,2%); татар – 990,7 чел. (24,1%). Проживают также другие народы, в том числе чувашаи, марийцы, мордва, удмурты, украинцы, белорусы, немцы и другие (9,9%).

Рисунок 1
ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН, ПО ДАННЫМ ВПН 2002 г. (в % от числа опрошенных)

Преобладающими религиями в республике являются ислам и христианство. Русское население по вероисповеданию в основном православное, башкиры и татары придерживаются мусульманской религии.

Рисунок 2
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ УМЕРШИХ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН ПО ВИДАМ СМЕРТИ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ, ОТРАВЛЕНИЙ И ТРАВМ, В 2006, 2008 гг. (в % от числа опрошенных)

Источник: Смертность населения Республики Башкортостан от несчастных случаев, отравлений и травм: Стат. бюллетень. Уфа, 2007. С. 8.; Смертность населения Республики Башкортостан: Стат. сб. Уфа, 2008. С. 76.

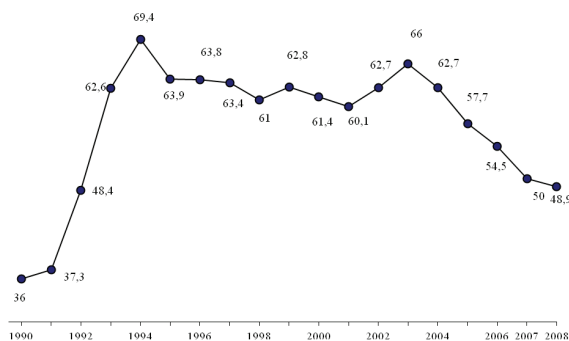
По сравнению со среднероссийскими показателями, демографическая ситуация в Республике Башкортостан относительно благополучная. Здесь более молодое и сбалансированное по половозрастному составу население, выше рождаемость, ниже смертность и естественная убыль населения. В то же время, несмотря на относительно невысокие показатели смертности по другим причинам, Башкортостан входит в группу субъектов Российской Федерации с высоким уровнем суицида (см. рис. 2).

В РБ уровень самоубийств, рассчитанный на 100 тыс. жителей, в 1990 г. составлял 36 случаев. Анализируя динамику суицида в республике, необходимо отметить, что коэффициент смертности от самоубийств на протяжении более 10 лет (1993–2004 гг.) находился на критической отметке, при этом его максимальные значения приходятся на 1994 и 2003 гг. (см. рис. 3). Лишь с 2004 г. в республике наметилась относительно устойчивая тенденция к уменьшению количества самоубийств. По данным за 2008 г., снижение уровня суицида суммарно составило 8,3%: в городской местности – более чем на 17%, в сельской – только на 2%. Несмотря на это, уровень смертности от самоубийств в Республике Башкортостан остается высоким и значительно превышает средние российские показатели.

На основе статистических данных нами была предпринята попытка выделить группы по пять городов и сельских районов РБ с наиболее высоким и наименьшим уровнем самоубийств за последние пять лет, с 2004 г. по 2008 г. (см. Приложения 2 и 3).

Среди городских поселений на протяжении всех пяти лет наибольший коэффициент суицида

Рисунок 3
УРОВЕНЬ САМОУБИЙСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН, 1990-2008 гг. (на 100 тыс. населения)

Источник: Смартность населения Республики Башкортостан от несчастных случаев, отравлений и травм: Стат. бюллетень. С. 12.; Смартность населения Республики Башкортостан: Стат. сб. Уфа, 2009. С. 74.

цида имеет г. Белорецк¹. Уровень самоубийств здесь достиг своего максимума в 2007 г., составив 109 случаев на 100 тыс. чел.; в 2008 г. он снизился до 74. В перечень городов с высоким уровнем суицида в разные годы входили еще 14 городских поселений, общим для которых является их принадлежность к малым и средним городам республики.

К городам с низким уровнем суицида стабильно относятся столица республики г. Уфа, а также такие большие города, как Стерлитамак и Салават. Город Октябрьский, имевший наименьшие показатели суицида в 2004–2006 гг., выбыл из этой группы в последующие 2007–2008 гг.

Анализируя уровень самоубийств в малых и средних городах, надо отметить, что их показатели еще более нестабильны. Так, один и тот же город может демонстрировать как самые низкие значения, так и самые высокие. Например, г. Баймак, который в 2004 г. занимал второе место по уровню самоубийств, в 2008 г. вошел в число городов с наименьшим числом суицида. Город Давлеканово, напротив, в 2004 г. входил в пятерку городов с наименьшим числом самоубийств, а в 2005 г. — уже в пятерку с наибольшим.

Анализ показателей смертности в сельской местности показывает, что уровень самоубийств минимален в тех районах, которые находятся в наиболее развитых подрайонах республики — центральном, северо-западном и западном. Са-

мый высокий уровень суицида зафиксирован в сельских районах северо-восточного, северного и уральского социально-экономических подрайонов. Примечательно, что в последнем из них находятся также вышеупомянутые города Белорецк и Баймак.

Таким образом, анализ данных официальной статистики на уровне отдельных муниципальных образований (городов и сельских районов) показывает определенную зависимость показателей самоубийств от уровня социально-экономического развития подрайонов. Но эти закономерности и зависимости не устойчивы, наблюдается скачкообразная динамика коэффициентов суицида в некоторых муниципальных образованиях РБ. Возможно, для выявления более устойчивых тенденций необходимо рассматривать динамику уровня суицида в подрайонах республики в более широком временном диапазоне. Очевидно, для более полного анализа реальной ситуации нужно использовать не только материалы официальной статистики, но и другие знания, в том числе данные социологических обследований.

Методика исследования. Необходимость обращения к социологическим методам сбора и анализа информации по проблеме суицида вызвана и тем, что органы статистики регистрируют только завершенные случаи самоубийств. Данные статистики достаточно хорошо иллюстрируют структуру и тенденции смертности населения от самоубийств, позволяют понять некоторые другие принципиально важные моменты. Однако число попыток суицида значительно превышает число летальных исходов. Очень важной становится информация, раскрывающая не только социально-экономические, но и социально-психологические предпосылки, факторы и причины суицидального поведения населения.

В 2008 г. Центром социальных и политических исследований АН РБ было проведено исследование, ставшее первым в республике опытом сбора и обобщения социологической информации по проблеме самоубийств. Оно осуществлялось в рамках проекта «Проблемы профилактики и преодоления суицида в Республике Башкортостан» с целью выявления латентного потенциала суицидальных намерений и суицидального поведения населения. В ходе реализации проекта был разработан методический инструментальный исследования, сформирована уникальная эмпирическая база социологических данных, систематизирован и обработан обширный статистический материал, проведен

¹ По итогам ВПН 2002 г., численность населения составляет 69,1 тыс. человек. Национальный состав: русские (71,3%), башкиры (16,7%), татары (9,1%). В возрастной структуре населения высока доля лиц пожилого возраста (на 1000 человек населения приходится 213 человек старше трудоспособного возраста).

контент-анализ материалов республиканской и российской периодики, ресурсов сети Интернет.

Авторами проекта изучен и учтен опыт исследования причин и факторов смертности населения в Удмуртской Республике и г. Москве, проведенного Институтом международных исследований семьи в 1999 г. Эмпирической базой этого исследования послужили данные официальной статистики, а также результаты ретроспективного опроса родственников умерших (мужчин в возрасте от 20 до 55 лет)¹. Опрос проводился методом «случай-контроль». После того как были опрошены родственники и близкие умерших людей, аналогичные вопросы задавались контрольной группе респондентов – мужчинам того же возраста, проживающим в тех же микрорайонах, что и умершие. В Удмуртии анализировались и другие дополнительные источники: деперсонифицированные индивидуальные сведения об умерших (акты и врачебные свидетельства о смерти), заключения судебно-медицинской экспертизы о концентрации алкоголя в крови, информация правоохранительных органов об убийствах, о конкретных случаях самоубийств и т. д. Использование такого широкого круга источников позволило авторам достаточно подробно рассмотреть проблему кризисной смертности в целом. Однако феномен суицида, рассматриваемый здесь наряду с другими видами смертности, не являлся в данном исследовании предметом специального изучения.

Еще на первоначальном этапе нашего исследования возник вопрос выбора метода сбора данных с учетом деликатности изучаемой проблемы, так как получение максимально достоверной и полной информации о данном явлении было одним из важнейших условий работы над научно-исследовательским проектом. Однако получить искренние ответы респондентов на вопросы, касающиеся суицидального поведения, очень сложно. По мнению ряда авторов, традиционные формы проведения опроса провоцируют высокий уровень отказов от участия в исследовании. Согласно оценкам Н.М. Фолмеевой и ее коллег, в традиционных социологических опросах, посвященных изучению девиантного поведения, до 60% респондентов сообщают интервьюерам заведомо недостоверные сведения².

В силу данных обстоятельств был выбран метод «запечатанного буклета» (the sealed booklet). Метод создан и экспериментально валидизирован австралийскими социологами Т. Маккаем и Я. Макаллистером в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Предназначается для сбора сведений по особо острым и деликатным темам (употребление и распространение наркотиков) в режиме персонального интервью. Специальная техника его реализации, предложенная авторами, позволяет обеспечить респондентам объективную и субъективную анонимность и тем самым получить значительно более достоверные ответы, чем при традиционных процедурах личного интервьюирования.

Данная методика была использована в России А.Ю. Мягковым и его коллегами в экспериментальном социологическом исследовании, проводимом в 2000 г. в Ивановской области³. Опыт ее применения показал, что она действительно гарантирует респондентам анонимность, не вызывает у них отторжения, обеспечивает более высокий уровень искренности ответов на чувствительные вопросы. Несомненным плюсом является простота и удобство методики, что позволяет задавать большое количество острых вопросов в ходе одного интервью. И наконец, метод «запечатанного буклета» допускает возможность реинтервьюирования респондентов и проведения исследований в панельном режиме⁴.

На основе данной методики в семи социально-экономических подрайонах Республики Башкортостан опрошено 1200 респондентов городского и сельского населения республики. Выборка формировалась методом квотного отбора и репрезентировала различные социально-демографические группы населения в возрасте от 16 до 69 лет. Квотируемые признаки распределились также по полу, национальности, месту жительства.

Разработанный для исследования вопросник содержит 86 вопросов, сгруппированных в отдельные тематические блоки. Первый блок представлен вопросами, раскрывающими отношение респондентов к жизни в целом; второй касается здоровья населения; третий – употребления алкогольных и наркотических веществ. Следующий блок посвящен непосредственно

¹ См.: Политика по контролю кризисной смертности России. С. 83.

² См.: Там же. С. 57.

³ См.: Мягков А.Ю. «Запечатанный буклет»: Альтернативный метод сбора данных в опросах по чувствительной проблематике // Социологический журнал. 2001. № 4.

⁴ См.: Там же.

проблеме суицида и содержит весьма деликатные вопросы, требующие от респондентов наибольшей откровенности и искренности. Оценки и суждения респондентов касались не только их самих, но и ближайшего окружения (родственники, друзья). Социально-демографический блок вопросов включал информацию о поле, возрасте, образовании, национальности, вероисповедании, семейном положении, роде занятий и месте жительства опрошиваемых.

В обязанности интервьюера входило ознакомление респондента с целью и методикой исследования. В дальнейшем респонденту предлагался запечатанный конверт, из которого он самостоятельно извлекал анкету. Прочитав вопрос и выбрав подходящий ответ, респондент сообщал интервьюеру лишь его номер. Для еще большей конфиденциальности в анкете они давались в случайном порядке; названные респондентом номера ответов фиксировались интервьюером только в кодировочном бланке.

Лица, совершившие самоубийство, и лица, покушающиеся на самоубийство, по сути различны. Поскольку проблема суицида имеет сложный и неоднозначный характер, нам было важно сопоставить и сравнить данные, полученные разными путями. Для полноты анализа исследуемой проблемы информация, полученная в ходе опроса, сопоставлялась с данными официальной статистики, которая фиксирует завершённые самоубийства. Данные социологического опроса чаще служили предметом анализа покушений на самоубийства, т. е. мыслей, намерений и попыток совершения суицида, не закончившегося летальным исходом. Данные статистики в частных случаях расходились с результатами исследования, но чаще всего совпадали.

Социально-демографические характеристики выборки. Итоги исследования позволяют утверждать, что представительство квотных групп в выборке вполне репрезентативно и отражает их распределение в генеральной совокупности.

Рисунок 4
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ ПО ПОЛУ (в % от числа опрошенных)

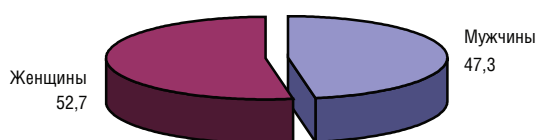

Рисунок 5
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ ПО НАЦИОНАЛЬНОСТИ (в % от числа опрошенных)

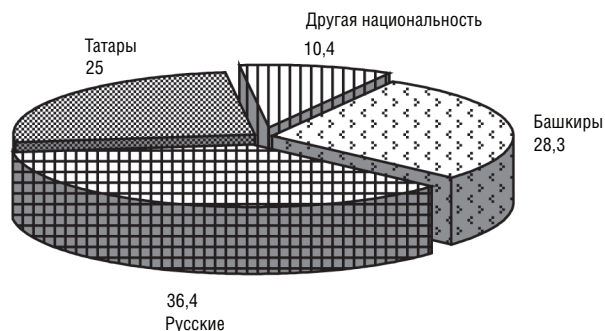

Рисунок 6
СЕМЕЙНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ (в % от числа опрошенных)

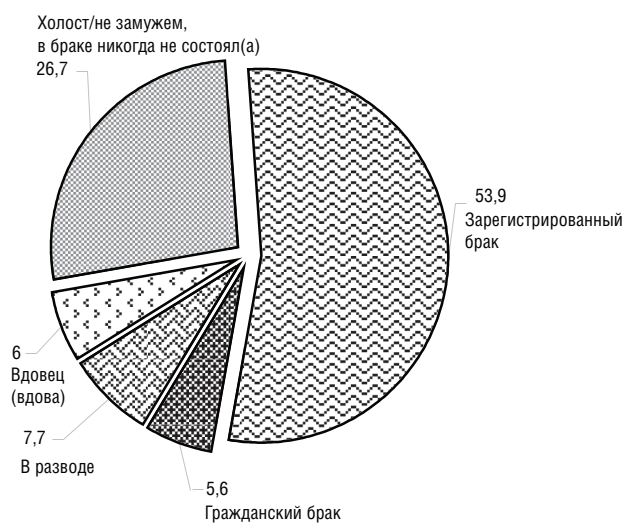
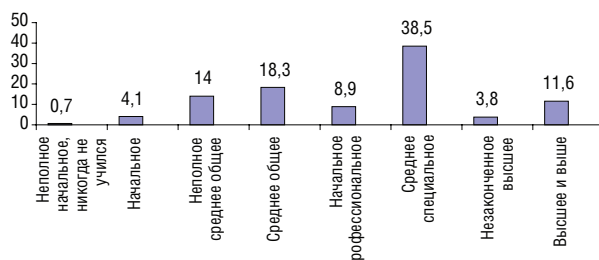

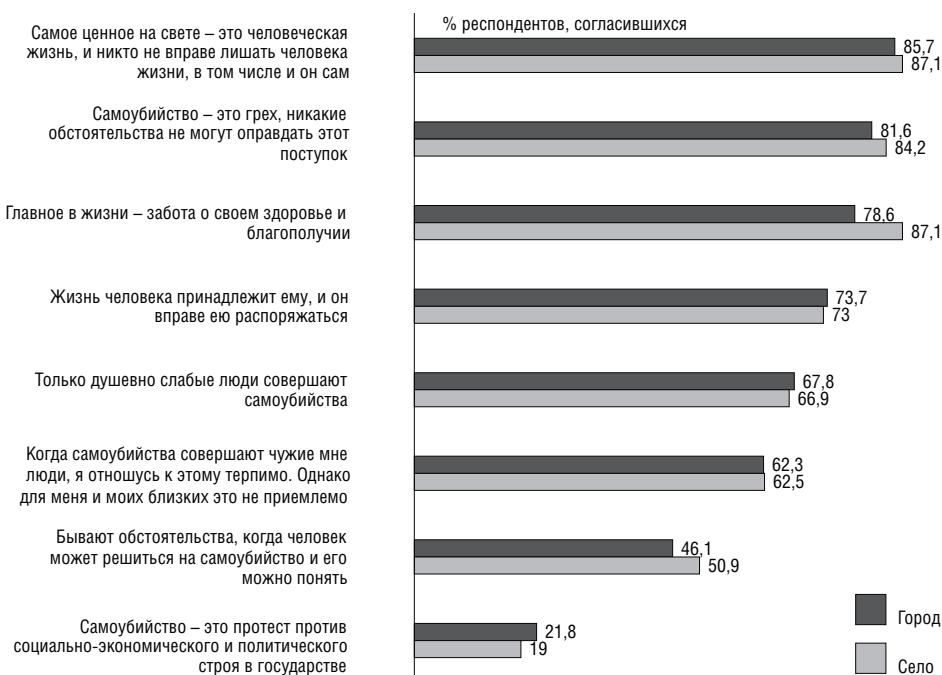
Рисунок 7
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ ПО УРОВНЮ ОБРАЗОВАНИЯ (в % от числа опрошенных)

Отношение жителей республики к проблеме самоубийств. В ходе исследования нами выяснилось отношение жителей республики к проблеме суицида. С этой целью были сформулированы утверждения, отражающие различные точки зрения по данной проблеме (см. рис. 8).

Рисунок 8

ОТНОШЕНИЕ РЕСПОНДЕНТОВ К ПРОБЛЕМЕ САМОУБИЙСТВ (в % от числа опрошенных)

В целом респонденты выбирали утверждения позитивного характера. Однако, учитывая высокий уровень самоубийств в республике, можно предположить, что выбор того или иного суждения не всегда был тождественен поведению в повседневной жизни.

Так как уровень суицида наиболее высок именно в сельской местности, для нас было важно проследить, насколько отличаются мнения и суждения сельских жителей от городских. С утверждением «Самое ценное на свете – это человеческая жизнь, и никто не вправе лишать ее человека, в том числе он сам» согласилось подавляющее большинство опрошенных (86,3%). Оценки городского и сельского населения распределились примерно одинаково: 85,7% горожан, 87,1% селян.

То, что «Главное в жизни – забота о своем здоровье и благополучии» подтвердили 82% респондентов. Обращает на себя внимание то, что доля селян, согласившихся с высказыванием на 10% выше, чем горожан (78,6 против 87,1%). Сельское население в большей степени обеспокоено своим материальным положением и чаще, чем городское, сталкивается с различными проблемами и трудностями.

«Самоубийство – это грех, и никакие обстоятельства не могут оправдать этот поступок» считают 81,6% городских жителей и 84,2% сельских.

Доля городских респондентов, склоняющихся к тому, что «только духовно слабые люди совершают самоубийства», составила 67,8%, сельских – 66,9%.

Высказывание «Когда самоубийства совершают чужие мне люди, я отношусь к этому терпимо, но для меня и моих близких это не приемлемо» близко 62,4% опрошенных. Сравнение оценок, даваемых представителями городского и сельского поселений, также свидетельствует о незначительном расхождении в ответах.

С мнением «В результате некоторых обстоятельств, решение человека о самоубийстве можно понять» в большей степени согласилось сельское население (50,9%), нежели городское (46,1%). Это показывает более лояльное отношение селян к данному явлению и объясняется тем, что самоубийство на селе стало «бытовым явлением» и люди привыкли к нему.

Суждение «Самоубийство – это протест против социально-экономического и политического строя в государстве» приемлемо для 21,8% городских жителей и 19,0% сельских.

Кроме этого, респондентам был задан вопрос «В результате каких обстоятельств самоубийство может быть оправдано?» (см. табл. 5). По мнению большинства опрошенных, в тех ситуациях, когда человек осознанно жертвует своей жизнью ради спасения другого человека или людей, когда он не случайно

погибает, а сознательно идет на смерть (22,6%). Далее идет ответ «Тяжелая болезнь, инвалидность» (19,2%). Вариант «Пьянство и алкоголизм» выбрали 4,4% ответивших, причем доля респондентов-горожан составила 2,7%, а селян гораздо больше — 7%. Наибольшую долю среди городских и сельских жителей составили те, кто считает, что самоубийства никак не могут быть оправданы. При этом горожане выбирали этот ответ намного чаще, чем селяне (47 и 35,6% соответственно).

Таблица 5
«В РЕЗУЛЬТАТЕ КАКИХ СОБЫТИЙ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, РЕШЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА УЙТИ ИЗ ЖИЗНИ МОЖЕТ БЫТЬ ОПРАВДАНО» (в % от числа опрошенных)

Вариант ответа	Населенный пункт		Всего
	Город	Село	
Ситуация, когда человек осознанно жертвует своей жизнью ради спасения жизни другого человека	21,0	24,8	22,6
Тяжелая болезнь, инвалидность	18,9	19,4	19,2
Пьянство, алкоголизм	2,6	7,0	4,4
Разочарование в жизни, «утомленность жизнью»	4,0	6,2	5,0
Горе, обиды	1,6	1,0	1,3
Экономические трудности	1,4	3,6	2,3
Разочарования в любви	1,9	1,8	1,8
Предательство близкого человека	1,9	2,0	1,9
Ничем не может быть оправдано	47,0	35,6	42,1
Стыд и страх наказания	0,6	0,8	0,7
Душевные болезни	6,1	6,6	6,3
Другое	7,5	11,2	9,0

Как показало исследование, отношение населения к проблеме суицида является неоднозначным и определяется многими факторами: нравственно-этическими нормами, обычаями, традициями, религиозными представлениями.

Ответы респондентов на вопрос о том, нужно ли освещать проблему самоубийств в СМИ, распределились следующим образом: 36,0% считают нужным освещать, примерно столько же что не нужно (30,6%), — и 31,0% затруднились с ответом. Дифференциация ответов в городах и селах незначительная, хотя следует отметить, что на селе больше приверженных тому, что освещать данную проблему в СМИ все-таки стоит (разница составляет 6%).

Социально-демографические характеристики респондентов, совершивших попытку самоубийства. 1. Гендерные особенности.

Существует достаточно сильная зависимость между интенсивностью завершенных самоубийств и половой принадлежностью индивида. Одним из первых, кто обратил внимание на мужскую сверхсуицидальность, был Э. Дюркгейм, отметивший, что на одну лишшающую себя жизни женщину приходится в среднем четверо мужчин. А.Г. Амбрумова и Л.И. Постовалова также утверждали, что «из каждых четырех самоубийц трое — мужчины. Исследователи ссылаются, прежде всего, на “конститутивную слабость” мужского пола и высокий уровень стрессов, присущий выполнению мужской роли»¹. Мужчины острее реагируют на ухудшение условий жизни по причине невысокого порога биосоциальной адаптации.

Более низкий уровень самоубийств у женщин объясняется тем, что они в силу исторических условий более привязаны к семье, менее индивидуализированы, и их жизнь более устойчива, чем жизнь мужчин.

Для проверки гипотезы о сверхсуицидальности мужчин исследователи обратились к данным ВОЗ. Было обнаружено, что из 52 стран, предоставивших статистику за 1985–1987 гг., только в двух (Кувейт и Мальта) женщины кончали жизнь самоубийством чаще, чем мужчины. Таким образом, высказывание Э. Дюркгейма о самоубийстве как чисто мужском явлении, сделанное им при анализе самоубийств в Австрии, Пруссии, Италии, Саксонии, Франции и Дании за период с 1831 по 1877 гг., остается справедливым для большинства стран и сегодня.

В России мужчины также избирают добровольный уход из жизни намного чаще, чем женщины. Согласно данным статистики, темпы роста мужских самоубийств в несколько раз превышают женские. За весь почти полувековой период (1956–1999) на одно женское самоубийство приходилось в среднем около четырех мужских. Если же использовать более точные стандартизованные показатели, то положение мужчин еще хуже: за период с 1965 по 1999 г. они совершали самоубийства в среднем в пять раз чаще, чем женщины, а максимальное превышение достигало 6 раз.

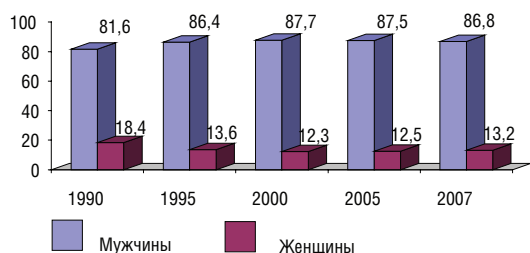
В Республике Башкортостан доля мужских самоубийств из общего числа самоубийств составляет в среднем 87% (см. рис. 9). По данным Башкортостанстата, абсолютное число мужских самоубийств за 2007 г. достигло 1 758,

¹ См.: Давыдов А.А. Самоубийства, пол и золотое сечение // Социологические исследования. 1991. № 5. С. 99.

тогда как среди женщин зафиксировано 268 случаев. В 2006 г. доля мужчин составила 87,4%, женщин – 12,6%. Можно предположить, что по мере того, как растет эмансипация женщин, постепенно растет и число самоубийств среди них.

Рисунок 9

ГЕНДЕРНАЯ СТРУКТУРА ЗАВЕРШЕННЫХ САМОУБИЙСТВ
(в % от числа опрошенных)

Источник: Материалы Башкортостанстата.

Результаты исследования, проведенного ЦСПИ АН РБ, показали, что суицидальному риску подвержены как мужчины, так и женщины. Среди респондентов, совершивших попытку самоубийства, не закончившуюся летальным исходом, представители обоих полов представлены примерно одинаково (см. рис. 10).

Рисунок 10

ГЕНДЕРНАЯ СТРУКТУРА ПОПЫТОК САМОУБИЙСТВА
(в % от числа опрошенных)

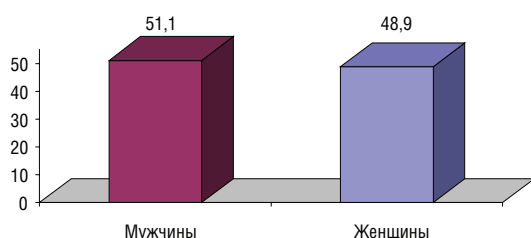

Таблица 7

ВОЗРАСТНЫЕ КОЭФФИЦИЕНТЫ СМЕРТНОСТИ ОТ САМОУБИЙСТВ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН, В 2000–2008 гг.
(на 100 тыс. чел. соответствующего возраста)

Годы	Возраст										
	0–14 лет	15–19 лет	20–24 года	25–29 лет	30–34 года	35–39 лет	40–44 года	45–49 лет	50–54 года	55–59 лет	60 лет и старше
2000	2,5	40,2	86	92,3	94,5	86,4	84,4	92,5	82,1	71,9	65,1
2005	1,3	41,6	66,1	73,6	82,1	94,6	79,8	86	72,4	62,4	56,4
2006	2,4	34,5	72,2	92,6	78,9	71,2	75,2	73,8	63,2	51,7	52,8
2007	2,1	35,1	64,2	75,4	67,0	68,5	71,2	61,0	63,6	47,0	52,8
2008	2,1	36,9	56,4	76,4	74,8	61,4	68,6	66,3	66,8	42,6	45,9

Источник: Смертность населения Республики Башкортостан от несчастных случаев, отравлений и травм: Стат. бюллетень. Уфа, 2007; Смертность населения Республики Башкортостан: Стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2009. С. 86–88.

Однако органы официальной статистики, регистрирующие только завершённые акты самоубийства, свидетельствуют о значительном преобладании мужского суицида над женским.

2. *Возрастные особенности.* При изучении проблемы самоубийств важен анализ возрастных характеристик лиц, покушавшихся на свою жизнь.

Если в западных странах число самоубийств постепенно увеличивается с возрастом, то в России так же, как в Республике Башкортостан, высок уровень самоубийств среди трудоспособного населения. По данным республиканской статистики, 80% покончивших жизнь самоубийством приходится на людей активного трудоспособного возраста. Это также подтверждается результатами проведенного исследования (см. табл. 6).

Таблица 6

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ОТ САМОУБИЙСТВ В 1990–2006 гг.

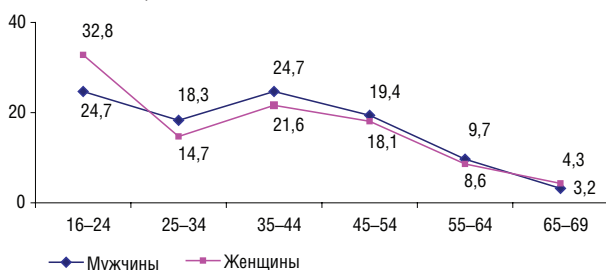
Годы	Умерших от всех причин, всего	Умерших от самоубийств, все возраста	Из них трудоспособного населения, тыс. чел.
1990	38157	1431	1120
2000	53550	2530	2007
2003	58237	2704	2175
2004	57726	2561	2069
2005	57787	2347	1930
2006	55319	2211	1820

Источник: Демографические процессы в Республике Башкортостан: Стат. сб. Уфа, 2005; Смертность населения Республики Башкортостан от несчастных случаев, отравлений и травм: Стат. бюллетень. Уфа, 2007.

За последние десять лет значительно повысился уровень самоубийств в молодежной среде. Если в 2000 г. пик интенсивности суицидов приходился на возраст 45–49 лет, то в 2008 г. – на 25–29 лет (см. табл. 7).

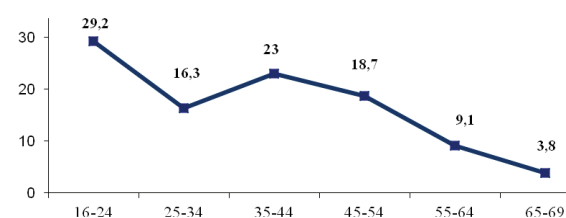
По данным социологического исследования, максимальная суицидальная активность как мужчин, так и женщин проявляется в возрасте 16–24 лет. В группу риска также входят мужчины 25–44 лет, составляющие 43% числа мужчин, пытавшихся покончить жизнь самоубийством. Наименьшая суицидальная активность свойственна представителям более старших возрастов (см. рис. 11).

Рисунок 11
ВОЗРАСТНАЯ СТРУКТУРА МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ ПОПЫТКУ САМОУБИЙСТВА (в % от числа опрошенных)

Растет число самоубийств среди детей и подростков. По данным Шведского центра суицидальных исследований, в 2007 г. Россия по абсолютному количеству подростковых самоубийств (15–19 лет) находилась на первом месте (2500 смертей в год). Аналогичная ситуация складывается в Республике Башкортостан.

Рисунок 12
ВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ РЕСПОНДЕНТОВ, СОВЕРШИВШИХ ПОКУШЕНИЕ НА САМОУБИЙСТВО (в % от числа опрошенных)

Конечно, нельзя не учитывать того, что во многих случаях суицидальное поведение подростка — это привлечение к себе внимания и крик о помощи, не всегда воспринятый взрослыми правильно. Полученные в ходе опроса данные также это подтверждают (см. рис. 12).

Чаще всего взрослые недооценивают те проблемы, с которыми сталкиваются подростки, воспринимая подростковый период как «самое беззаботное» время. Среди подростков существует определенная «группа риска», которая, будучи не в состоянии контролировать свои эмоции и переживания, избирает добро-

вольный уход из жизни как способ решения всех проблем. Корни склонности к суициду изначально следует искать в семье. Огромное значение имеют такие факторы, как психологический климат и атмосфера в доме, взаимоотношения родителей. Немаловажное значение для подростка имеют отношения со сверстниками, его позиционирование в группе.

Большую роль играет формирование «образа кумира» в системе ценностей молодого человека. «Более половины опрошенных россиян (53%) признались, что в юношеском возрасте (14–18 лет) у них были кумиры — люди, которые вызвали восхищение и воспринимались ими как образец поведения»¹. Желание подражать кумиру может перерасти в навязчивую идею и подтолкнуть подростка к крайней черте, а смерть кумира — повлечь за собой необратимые последствия.

Огромное влияние на формирование подростка имеет состояние нравственности в обществе, в котором важную роль играют СМИ. Большую тревогу вызывает факт наличия в сети Интернет-сайтов, пропагандирующих самоубийство как способ избавления от проблем, где подробнейшим образом описываются способы совершения суицида («100 способов покончить жизнь самоубийством»). Родители по причине своей неосведомленности зачастую не обращают внимание на те сетевые ресурсы, которые посещает их ребенок. Подросток, ознакомившись с такими произведениями (зачастую просто ради интереса), отождествляет себя с их авторами и начинает задумываться о том, что, возможно, ему тоже стоит уйти из жизни. Более того, на подобных сайтах существуют также и чаты, где подросток может познакомиться со своими единомышленниками, и, размышляя с ними на тему суицида, укрепить свое желание. Таким образом, развивается тенденция группового подросткового самоубийства.

Российское законодательство предусматривает ответственность за доведение человека до самоубийства. Но влияние сети Интернет на динамику самоубийств до сих пор остается безнаказанным. Это является большим недостатком отечественного законодательства. Следует ориентироваться на опыт зарубежных стран, в которых за размещение подобной информации в Интернете предусмотрена юридическая ответственность.

По данным Генпрокуратуры РФ, 10% выпускников госучреждений для детей-сирот кончают жизнь самоубийством, не будучи в состоя-

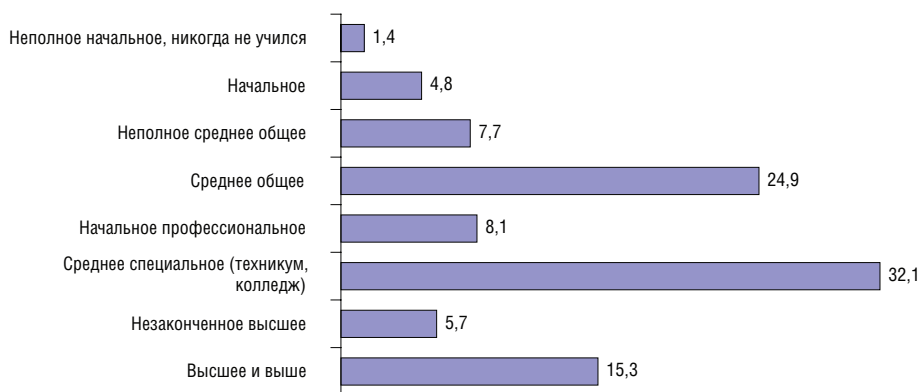
¹ Опрос населения «Кумиры молодежи». Отчет от 28.08.2008 // <http://bd.fom.ru/report/map/d083424>

нии приспособиться к жизненным условиям. Очень высока интенсивность самоубийств в армии, в 1996 г. добровольно расстались с жизнью 526 человек¹. До 70% самоубийств приходится на первый год службы.

3. *Образование.* Результаты проведенного исследования не позволяют утверждать о наличии прямой зависимости между уровнем образования и склонностью к суициду. Однако те респонденты, которые совершали хотя бы одну попытку самоубийства, чаще всего имели среднее специальное и среднее общее образование (см. рис. 13).

Рисунок 13

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПОПЫТКУ САМОУБИЙСТВА (в % от числа опрошенных)

В то же время высокий суицидальный риск наблюдается у женщин с высшим образованием (17,5%), возможно, женщинам сложнее, чем мужчинам, самоутвердиться в профессиональной сфере (см. табл. 8).

Таблица 8

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, СОВЕРШИВШИХ ПОПЫТКУ САМОУБИЙСТВА (в % от числа опрошенных)

Уровень образования	Мужчины	Женщины
Неполное начальное никогда не учился	3,3	-
Начальное	5,6	4,4
Неполное среднее общее	10	6,1
Среднее общее	22,2	26,3
Начальное профессиональное	7,8	7,9
Среднее специальное (техникум, колледж)	36,7	30,7
Незаконченное высшее	3,3	7
Высшее и выше	11,1	17,5

¹ См.: Ручкин Б.А. Молодежь и становление новой России // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 92.

4. *Социальный статус.* Как показали результаты исследования, наименьшую суицидальную активность проявляли респонденты, принадлежащие к двум противоположным статусным группам: «неработающим» и «работающим на постоянной основе» (см. табл. 9).

Среди неработающих респондентов, доля которых составила 31% во всей выборочной совокупности, каждый третий находился на пенсии по старости или выслуге лет (32%); 4,7% опрошенных – на пенсии по инвалидности, 9,5% – в отпуске по уходу за ребенком, 4,7% вели домашнее хозяйство. Безработным являл-

ся каждый седьмой участник опроса (13,4%), при этом некоторых из них данное положение вполне устраивало (2,5%). Среди неработающих респондентов частота совершения попыток самоубийства составила 4,7%.

У респондентов, работающих на постоянной основе, уровень суицидальной активности (частота попыток суицида) составил 4,8%.

К группам повышенного суицидального риска относятся работающие временно либо подрабатывающие, а также частные (индивидуальные) предприниматели. Несмотря на невысокий удельный вес данных статусных групп, частота попыток суицида в них составила 11,4 и 5,9% соответственно. Очевидно, нестабильность социального положения и риск, характерный для предпринимательской деятельности, являются значимыми факторами, обуславливающими повышенный процент самоубийств в данных группах.

Как показал опрос, суицидальному риску в большей степени подвержена та часть населения, чья профессиональная деятельность не приносит желаемого результата, социальной определенности, устроенности, психологиче-

Таблица 9

СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС РЕСПОНДЕНТОВ, СОВЕРШИВШИХ ПОКУШЕНИЕ НА САМОУБИЙСТВО (в % от числа опрошенных)

Ответы на вопрос: «Была ли в Вашей жизни попытка самоубийства?»	Социальный статус				Пол		Тип поселения	
	Работающие на постоянной основе	Работающие вре- менно или под- рабатывающие	Работающие на себя (частный, индивид. пред- приниматель)	Нерабо- тающие	Мужчины	Женщины	Город	Село
Нет, не было	95,2	88,6	94,1	95,3	94,5	94,6	94,8	94,3
Да, была одна по- пытка	3,7	9,5	3,0	3,6	4,4	4,1	4,0	4,5
Да, была более одного раза	1,1	1,9	2,9	1,1	1,1	1,3	1,2	1,2
Всего	100	100	100	100	100	100	100	100

ской удовлетворенности. Доля респондентов, отметивших, что работа приносит им удовлетворение и радость, составила 42,7%. Равнодушны к работе (относятся как к необходимости) 21,5%. То, что работа тяготит, отметили 3,1% респондентов. Наиболее высокие показатели суицидальной активности наблюдались у лиц с низким социальным статусом (рабочие), а также у студентов, суицидальный риск которых связан с повышенной эмоциональностью, незащищенностью в учебной, трудовой, личностной сферах.

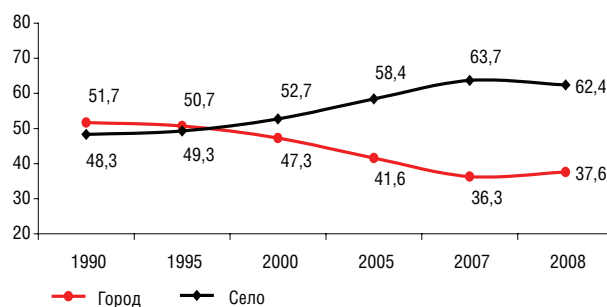
Таким образом, вопросы, касающиеся профессионального статуса, служили неким индикатором социального самочувствия респондентов, наводили их на мысли о достигнутом положении и дальнейших перспективах.

5. *Социально-территориальные особенности.* Согласно мировой практике, суицид рассматривается как явление, характерное для больших городов. В России наблюдается обратная тенденция. Уровень суицидальной активности сельского населения в несколько раз выше, чем городского. В Республике Башкортостан на протяжении нескольких десятилетий наблюдается аналогичная ситуация: в 2008 г. на 100 тыс. горожан всех возрастов приходилось 30,7 самоубийств, а на 100 тыс. селян больше чем в два раза – 75,9. В наиболее «опасном» возрастном промежутке 25–29 лет наблюдалось превышение более чем в 3 раза. Поселенческая асимметрия интенсивности самоубийств просматривается и в показателях по городским округам и муниципальным районам (см. Приложения 2 и 3).

Необходимо отметить, что раньше на селе самоубийства встречались реже, чем в городах. Однако в постперестроечный период положение резко изменилось (см. рис. 14). На рост суицида в сельской местности оказывает влия-

ние безработица и не совсем благоприятная социально-экономическая ситуация на селе. Возможно, это является также следствием урбанизационных процессов, которые приводят к массовому оттоку населения в города и стагнации сельской жизни.

Рисунок 14
ДОЛЯ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ОБЩЕМ ЧИСЛЕ САМОУБИЙСТВ ПО РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН (в % от числа опрошенных)

Источник: Материалы Башкортостанстата.

Помолодел средний возраст суицидентов. В 1991 г. он составлял у мужчин, проживающих в городах, – 47 лет, у мужчин, проживающих в сельской местности, – 42,5 года. В 2007 г. показатели составляли 42 года и 39,5 лет, соответственно¹.

6. *Семейное положение.* Уровень самоубийств тесно связан с семейным положением индивида. Наличие семьи в целом является антисуицидальным фактором². Уровень самоубийств среди несемейных, одиноких обычно выше. Наиболее высок риск самоубийства у лиц никогда не состоявших в браке, затем следуют овдовевшие, разведенные, состоящие в браке,

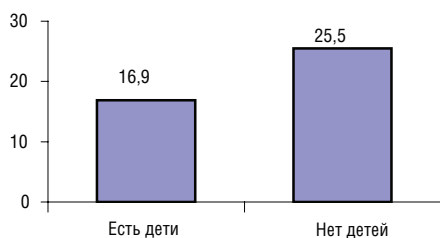
¹ См.: Экспресс-информация Башкортостанстата. 2008. № 12-06.

² См.: Гилинский Я.И., Румянцева Г. Основные тенденции динамики самоубийств в России.

но бездетные. Наименьшее число самоубийств отмечается у состоящих в браке и имеющих детей. Отмечено, что те респонденты, у кого есть дети, в особенности женщины, реже совершают самоубийства (см. рис. 15). Выполняемые женщиной социальные роли матери, жены, хозяйки дома даже при социальных катаклизмах сглаживают негативное влияние стрессовых ситуаций и во многих случаях сдерживают от совершения самоубийства.

С другой стороны, семейные конфликты могут сами стать поводом для совершения суицида. Эта двойственная роль семьи проявляется в мотивации суицидальных актов. По данным А. Амбрумовой, Я. Гилинского, Л. Смолинского, выявлен высокий процент самоубийств по мотивам, связанным с одиночеством или же семейным конфликтом; преобладание мотивов, зависящих от конфликтов в семье; более значимый для мужчин мотив конфликтности в семье при более значимом для женщин мотиве одиночества¹.

Рисунок 15
ЗАВИСИМОСТЬ СУИЦИДАЛЬНОГО РИСКА ОТ НАЛИЧИЯ ДЕТЕЙ В СЕМЬЕ (в % от числа опрошенных)

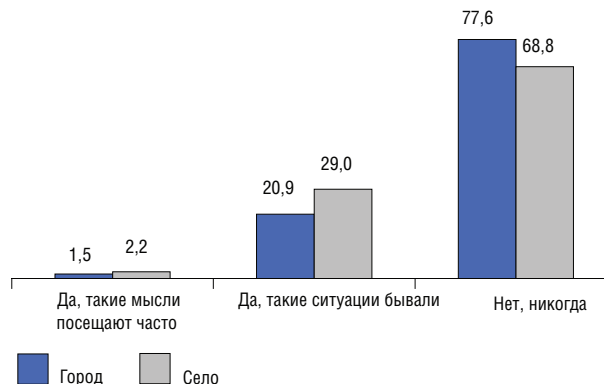
Суицидальные намерения респондентов. Потенциал суицидальных намерений выявлялся вопросами, которые раскрывали наличие у респондента мыслей о суициде (см. рис. 16). Около трети всех опрошенных отметили, что хотя бы раз в жизни задумывались о самоубийстве.

Таблица 10
ОТВЕТЫ НА ВОПРОС: «БЫВАЛИ ЛИ У ВАС ТАКИЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ, КОГДА У ВАС ВОЗНИКАЛИ МЫСЛИ О САМОУБИЙСТВЕ?» (в % от числа опрошенных)

Ответы	Возрастные группы						Всего
	16–24 года	25–34 года	35–44 года	45–54 года	55–64 года	65–69 лет	
Нет, никогда	67,0	72,7	72,2	76,5	83,8	81,0	74,0
Да, такие ситуации бывали	31,0	26,4	26,1	20,0	15,4	19,0	24,2
Да, такие мысли посещают часто	1,9	0,9	1,7	3,5	0,8		1,8
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

¹ См.: Там же.

Рисунок 16
ОТВЕТЫ НА ВОПРОС: «БЫВАЛИ ЛИ У ВАС ТАКИЕ ЖИЗНЕННЫЕ СИТУАЦИИ, КОГДА ВОЗНИКАЛИ МЫСЛИ О САМОУБИЙСТВЕ?» (в % от числа опрошенных)

Сравнение ответов представителей разных возрастных групп, свидетельствует, что чаще всего суицидальные мысли возникают у представителей молодого поколения. Так, каждый третий респондент 16–24 лет отметил, что у него случались такие жизненные ситуации, когда возникали суицидальные мысли (33,0%). Респонденты 25–44 лет это отмечали несколько реже (25,5%). Респонденты более старших возрастных групп наименее подвержены суицидальным настроениям (см. табл. 10).

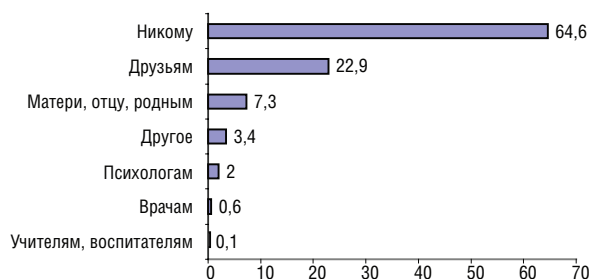
Результаты проведенного опроса подтверждаются общероссийскими исследованиями. По данным независимых психиатров России, в настоящее время 30% молодых людей в возрасте от 14 до 24 лет имеют суицидальные мысли.

Исследование показало, что большинство опрошенного населения, находится в разветвленной системе родственно-дружеских отношений, живет с ощущением удовлетворенности возможностями общения, уверенностью в потенциальной поддержке близких в случае необходимости. И только 3,8% отметили, что мало с кем общаются, почти не имеют друзей, и 0,4% заявляли, что одиноки и ни с кем не общаются.

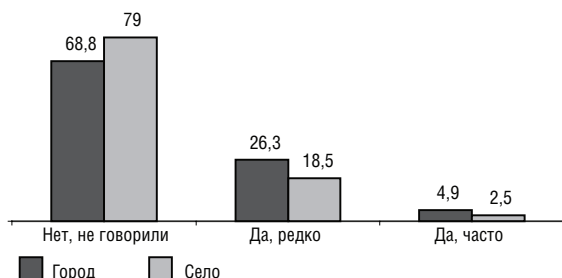
Подавляющее большинство респондентов, у которых были мысли о самоубийстве, предпочитали не рассказывать об этом окружающим (64,6%). Треть респондентов, ответивших утвердительно (35,4%), чаще всего говорили о своих настроениях и намерениях друзьям (22,9%), с родными и семьей делятся 7,3% ответивших. Обращения к психологам, врачам и учителям упоминались крайне редко (см. рис. 17). Необходимо отметить, что респонденты, проживающие на селе, обладали большим порогом доверия и чаще городских респондентов рассказывали о своих суицидальных мыслях как членам своей семьи, так и друзьям (54,7 и 45,2% соответственно).

Рисунок 17
«КОМУ ВЫ ГОВОРИЛИ О СВОИХ МЫСЛЯХ О САМОУБИЙСТВЕ?» (в % от числа опрошенных)

На вопрос «Кто-либо из ваших друзей когда-либо говорил о намерениях совершить самоубийство?» 25% респондентов ответили утвердительно. Сравнительный анализ ответов городского и сельского населения показал, что чаще говорят о своих суицидальных намерениях жители сельской местности (31,2%), чем городской (21%) (см. рис. 18).

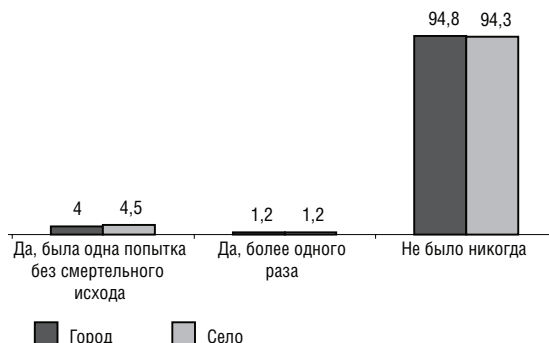
Рисунок 18
«КТО-ЛИБО ИЗ ВАШИХ ДРУЗЕЙ ГОВОРИЛ О НАМЕРЕНИЯХ СОВЕРШИТЬ САМОУБИЙСТВО?» (в % от числа опрошенных)

Характер покушений на самоубийство. Исследование показало, что 5,4% опрошенных совершали попытку самоубийства, из них 4,2% — один раз; 1,2% — более одного раза (см. рис. 19).

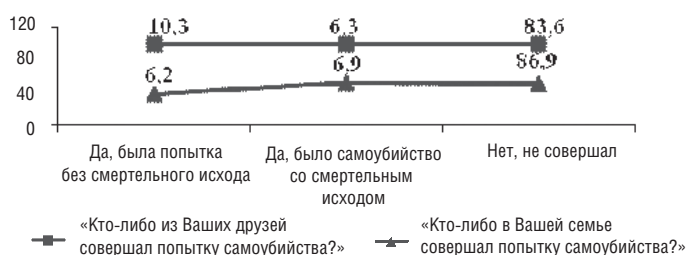
Соотношение мужчин и женщин в данном случае одинаково: 5,5 и 5,4% соответственно. Не отмечено значимой разницы и в подгруппах, выделенных по типу поселения.

Рисунок 19
«БЫЛА ЛИ В ВАШЕЙ ЖИЗНИ ПОПЫТКА САМОУБИЙСТВА?» (в % от числа опрошенных)

Чаще респондентами отмечались суицидальные попытки членов семьи — 13,1%. Попытки, совершенные в кругу друзей, отмечаются еще чаще — 16,6% (см. рис. 20). При этом смертельным исходом суициды заканчиваются в основном в семье, и суициденты, как правило, мужчины. Также выше процент попыток суицида на селе, что неоднократно подтверждалось в исследовании.

Рисунок 20
ПОПЫТКИ САМОУБИЙСТВА В СЕМЬЕ И В КРУГУ ДРУЗЕЙ (в % от числа опрошенных)

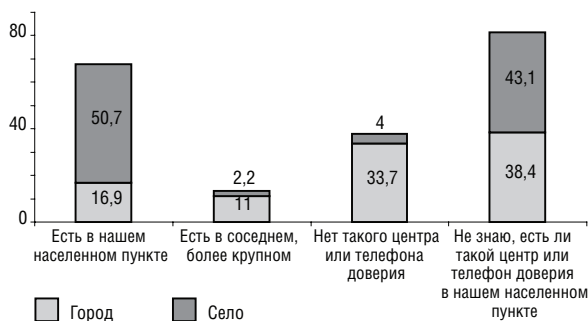
Из числа тех респондентов, которые совершали попытку самоубийства, только 2,1% обращались к кому-либо за помощью, 14% ни к кому не обращались. Городские респонденты в первую очередь обращаются за помощью к друзьям (2,8%), сельские — к родным, матери или отцу (2,5%), среди горожан этот вариант является вторым по частоте выбора ответом. К психологам и психотерапевтам обращаются крайне редко как городские (0,8%), так и сельские жители (0,5%), к врачам еще меньше — 0,5%. К сожалению, в нашей стране сохраняется стигматизация психиатрии. Многие нуждающиеся в помощи люди относятся к специалистам данного профиля с некоторым предубеждением.

А мужчины вовсе считают это проявлением слабости.

Респонденты указывали на то, что человеку, стоящему на грани самоубийства, прежде всего могут оказать помощь родные люди, мать или отец. Так считают 47,3% опрошенных, причем на селе убежденных в данном утверждении намного больше. Далее респонденты отдают предпочтение психологам, но следует отметить, что горожане по вполне объяснимым причинам выбирали данный вариант ответа намного чаще (23,1%), чем сельчане (16,9%). На третьем месте – друзья, на четвертом у городских и на пятом у сельских жителей – специалисты Центров социальной и психологической помощи. Это может быть связано, во-первых, с низкой информированностью граждан о существовании таких Центров, во-вторых, с дороговизной предоставляемых в них услуг, в-третьих, с низкой степенью доверия населения специалистам данных организаций. В трудной жизненной ситуации приходилось обращаться в центры социальной и психологической помощи лишь 3,6% горожан, на селе данный показатель еще ниже – 2,6%. Далее респонденты называют врачей, учителей и наставников.

Проблемы наличия центров социальной и психологической помощи, информированности об их деятельности особенно остро стоят в сельской местности, так как в городах их число значительно больше, чем на селе (см. рис. 21). Не знают о существовании центров в своих населенных пунктах 43,1% горожан и 38,4% сельчан.

Рисунок 21
ОСВЕДОМЛЕННОСТЬ РЕСПОНДЕНТОВ О НАЛИЧИИ ЦЕНТРОВ СОЦИАЛЬНОЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ ИЛИ ТЕЛЕФОНОВ ДОВЕРИЯ (в % от числа опрошенных)

Причины самоубийств. Одной из задач исследования было выявление причин, приводящих человека к самоубийству. Сложность поставленной задачи заключалась в том, что чаще всего к самоубийству приводит не одна, а множество различных причин, нередко отягощенных не-

благоприятными обстоятельствами. Выделение из них одной, основной причины, является сложной, порой невыполнимой задачей. Сам человек, идущий на самоубийство, не всегда может осознавать истинную его причину.

По мнению ученых, суицидальное поведение может быть вызвано группой причин.

Психические. Ряд ученых полагают, что психические заболевания являются одним из главных факторов, способствующих совершению самоубийства.

Генетические. Бытует мнение, что самоубийца имеет полученную по наследству предрасположенность¹.

Биологические. Согласно данной точке зрения, существует зависимость между изменениями климата и температуры в течение года и уровнем самоубийств. Впервые временные вариации в совершении самоубийств были зафиксированы в работе Х. Морселли. Проанализировав огромный массив статистических данных конца XIX в. по 28 европейским странам, он пришел к выводу, что сезонные колебания в ежегодном распределении суицидов просматриваются настолько отчетливо, что их невозможно объяснить лишь случайностями, связанными исключительно с человеческой волей. Он утверждал также, что страны с теплым климатом в наибольшей степени благоприятствуют самоубийствам, верхний пик которых приходится на летние месяцы, а нижний – на зимний период. Из этих наблюдений Х. Морселли заключил, что температура оказывает прямое влияние на склонность к самоубийствам: жара с ее механическим воздействием на церебральные функции делает людей более подверженными суицидам².

Социальные. По мнению Э. Дюркгейма, важнейшая социальная причина суицидальной ситуации – дезинтеграция связей личности с референтными группами или лицами, т. е. социальное отчуждение³.

Некоторые ученые полагают, что одним из главных факторов в совершении самоубийств является *алкоголизм*. О несомненной связи самоубийств с потреблением спиртного говорит сокращение уровня самоубийств в период «антиалкогольной кампании» (1985–1987 гг.). В последние годы участились случаи суицида и под влиянием наркотиков.

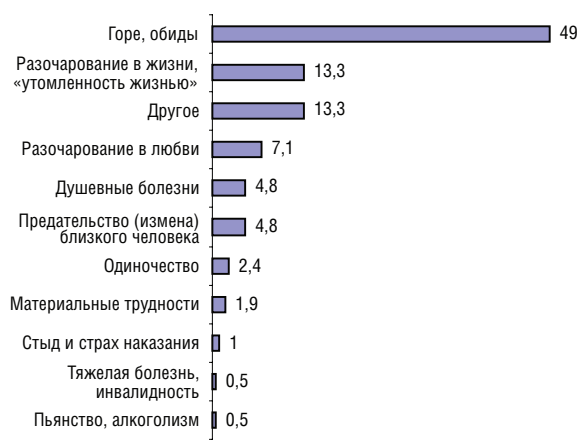
¹ См.: Сорокин П.А. Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 108.

² См.: Мягков А.Ю. Темпоральные характеристики самоубийств // Социологические исследования. 2004. № 3. С. 84.

³ См.: Дюркгейм Э. Самоубийство. С. 158.

На вопрос: «Какова была главная причина Вашей попытки самоубийства?» каждый второй опрошенный, имеющий такой опыт, выбирал из числа предложенных вариантов «Горе, обиды» (см. рис. 22). Каждый седьмой указывал на «Разочарование, “утомленность жизнью”» (13,6%). Примечательно, что причины экономического характера указывались редко как сельскими, так и городскими жителями.

Рисунок 22
«КАКОВА БЫЛА ГЛАВНАЯ ПРИЧИНА ВАШЕЙ ПОПЫТКИ САМОУБИЙСТВА?» (в % от числа опрошенных)

Трудность анализа причин суицида состояла в том, что многие участники опроса отмечали не конкретную причину, а вариант «Другое», который также был обозначен в анкете. Его выбирал каждый четвертый респондент.

На вопрос «Какова была основная причина самоубийства или попытки самоубийства члена Вашей семьи?» респонденты также чаще всего отмечали вариант «Другое» (см. рис. 23), при этом количественный перевес обеспечивался

Рисунок 23
«КАКОВА БЫЛА ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ПОПЫТКИ САМОУБИЙСТВА ЧЛЕНА ВАШЕЙ СЕМЬИ?» (в % от числа опрошенных)

за счет ответов скорее сельских жителей, нежели городских (63,2% и 36,8% соответственно). Каждый шестой респондент давал ответ «Пьянство, алкоголизм». Тем не менее алкоголизм является скорее поводом для совершения суицида, нежели его причиной. Лишившись работы или попав в стрессовую ситуацию, люди часто находят утешение в алкоголе, приобретая сильную алкогольную зависимость, что является «благоприятной почвой» для совершения суицида. Самоубийство в данном случае воспринимается как избавление от отчаяния, безнадежности, неудовлетворенности собой, безнадежного будущего.

Показательным является и то, что процент сельских жителей, отметивших причину «Пьянство, алкоголизм» несколько выше, чем городских (см. рис. 24). Также селяне намного чаще горожан выбирали такие причины, как «Одиночество» и «Разочарование в любви». Респонденты, опрошенные в городах, чаще называли причиной суицида «Разочарование, “утомленность жизнью”», «Душевные болезни», «Тяжелую болезнь, инвалидность».

Рисунок 24
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ВОПРОС: «КАКОВА БЫЛА ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ПОПЫТКИ САМОУБИЙСТВА ЧЛЕНА ВАШЕЙ СЕМЬИ?» (в % от числа опрошенных)

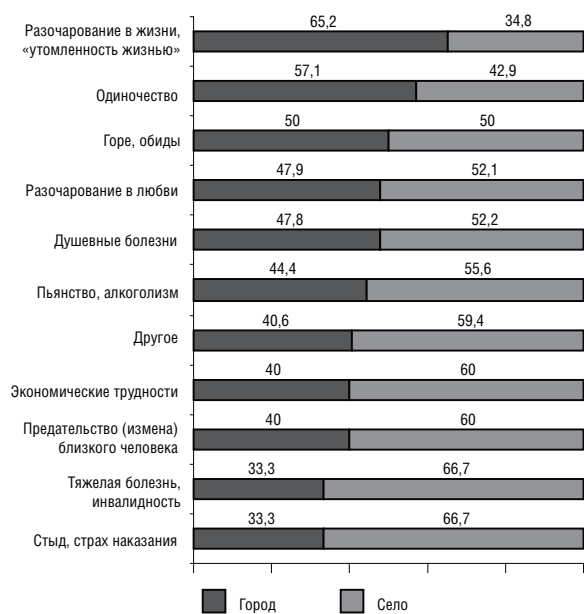
Отвечая на вопрос «Какова была основная причина самоубийства или попытки самоубийства Вашего друга?», 13,2% респондентов отметили «Разочарование в любви». Из числа указавших на данную причину 23% находились в возрастном промежутке 16–24 лет; 12,5% — 25–34 года. Однако далеко не все подростковые самоубийства происходят из-за несчастной

любви. Чаще всего подростковая влюбленность не что иное, как потребность быть кому-нибудь нужным. И когда взаимности не возникает, нередко приходит ощущение «ненужности», отчужденности. Большинство самоубийц хотели, как правило, не умереть, а достучаться до кого-то, обратить внимание на свои проблемы, позвать на помощь.

Рисунок 25
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ МУЖСКОГО И ЖЕНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ВОПРОС: «КАКОВА БЫЛА ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА ПОПЫТКИ САМОУБИЙСТВА ЧЛЕНА ВАШЕЙ СЕМЬИ?» (в % от числа опрошенных)

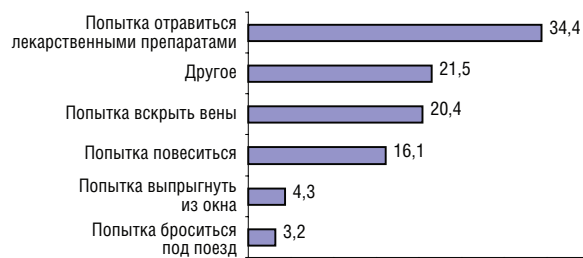
Рисунок 26
РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ ГОРОДСКОГО И СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ НА ВОПРОС О ПРИЧИНАХ САМОУБИЙСТВ СРЕДИ ДРУЗЕЙ (в % от числа опрошенных)

Данные проведенного социологического исследования показали, что существуют гендерные, возрастные и поселенческие различия причин самоубийства. Также причины самоубийств значительно различаются в разных возрастных группах. Так, суициды из-за неразделенной любви у подростков до 16 лет составляют практически половину общего числа самоубийств, а после 25 лет по этой причине кончают с собой гораздо реже.

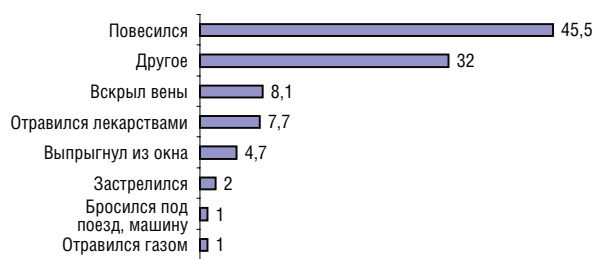
Способы совершения самоубийства. Наиболее часто встречающийся вид суицида – попытка отравиться лекарственными препаратами. Среди тех респондентов, у кого была попытка самоубийства, к этому способу прибегли 34,4% опрошенных. Иные попытки указали 21,5% респондентов. Уход из жизни через повешение избирали 16,1% респондентов. Пытались вскрыть вены 20,4%, выпрыгнуть из окна 4,3%, броситься под поезд 3,2% (см. рис. 27). Считается, что большая доля фатальных ДТП с единственной жертвой – фактически суициды.

Рисунок 27
«КАКИМ СПОСОБОМ ВЫ СОВЕРШИЛИ ПОПЫТКУ САМОУБИЙСТВА?» (в % от числа опрошенных)

Ответы респондентов относительно способа самоубийства кого-либо из членов семьи распределились следующим образом: на первом месте – самоповешение, на втором – вскрытие вен, на третьем – отравление (с несколько более высокими показателями у женщин), далее – падение с высоты, применение огнестрельного оружия (у мужчин), утопление (у женщин) (см. рис. 28).

Рисунок 28
«КАКИМ СПОСОБОМ ЧЛЕН ВАШЕЙ СЕМЬИ СОВЕРШИЛ САМОУБИЙСТВО ИЛИ ПОПЫТКУ САМОУБИЙСТВА?» (в % от числа опрошенных)

На вопрос «Кем приходился человек, совершивший самоубийство?», респонденты чаще всего отвечали: «Другие родственники». Второй по частоте ответ был «Отец», третий – «Супруг», четвертый – «Сын». Намного реже самоубийства совершались членами семьи женского пола (см. рис. 29).

Как показало исследование, сельские респонденты чаще городских выбирали ответы «Супруг» и «Сын» и намного реже – «Мать», «Дочь», «Супруга». Это еще раз подтверждает факт высокой суицидальной активности мужчин, особенно в сельской местности.

Выводы. Несмотря на постепенное снижение уровня самоубийств, проблема суицида в Республике Башкортостан остается острой.

Уровень самоубийств дифференцирован в зависимости от пола, возраста, семейного положения, социального статуса и места проживания индивида. Кроме этого, на распространение суицида влияют как социально-экономические факторы (занятость, уровень и качество жизни населения), так и социокультурные (национально-культурные ценности, религиозные традиции и т. д.).

Исследование показало низкий уровень информированности населения о деятельности служб социальной и психологической помощи, очень редкое обращение туда лиц, оказавшихся в сложной жизненной ситуации.

Жители республики считают, что помощь человеку, стоящему на грани самоубийства, могут оказать в первую очередь его родители, близкие родственники (47%), а потом уже специалисты – медики и психологи (20,5%). За помощью в специализированные службы соци-

альной и психологической помощи обратились 3,6% респондентов.

Таким образом, суициду подвержены лица разных социальных и демографических групп. К «группам риска» в первую очередь относятся:

1) молодежь и подростки (как правило, из-за конфликтов в семье, учебе, на работе, взаимоотношений с противоположным полом; среди суицидентов есть и представители неформальных молодежных объединений, культивирующих идею смерти и суицида – готы, эмо и др.);

2) лица пожилого возраста, страдающие от чувства одиночества, беспомощности, материальных проблем;

3) жители села (как правило, мужчины трудоспособного возраста);

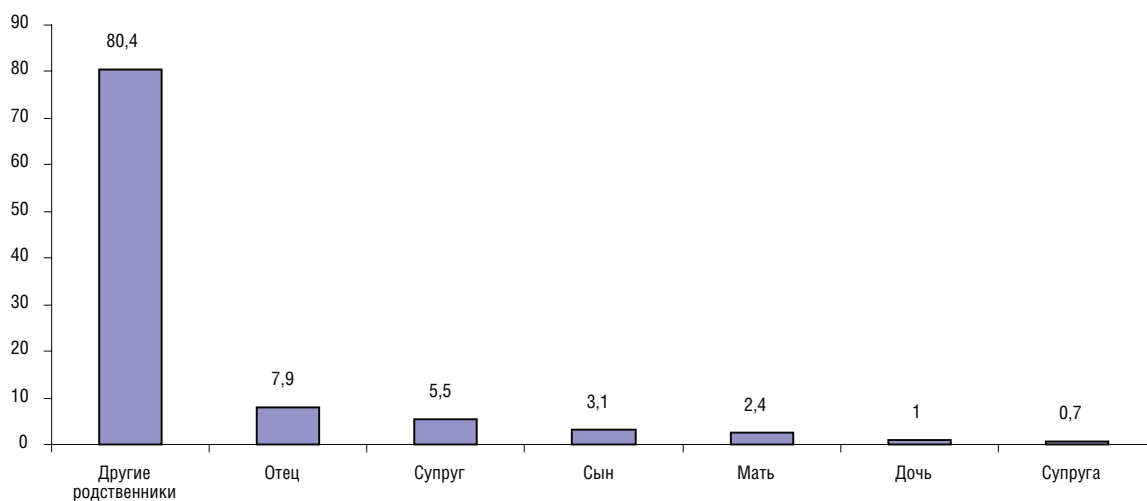
4) безработные (чаще всего мужчины), не имеющие возможности содержать семью, столкнувшиеся с неразрешимыми, на их взгляд, материальными проблемами. Учитывая сложившуюся социально-экономическую ситуацию в стране – усиление финансового кризиса – можно прогнозировать увеличение числа суицидов, причиной которых выступят материальные проблемы: невозможность содержать семью, выплатить кредиты и т. д.;

5) психически нездоровые люди, а также страдающие алкоголизмом, наркоманией и т. д.

Каждая из вышеперечисленных групп под влиянием разных причин и мотивов идет на совершение суицида. Предстоит большая работа по более глубокому изучению этих причин и мотивов, выработке адекватных мер по профилактике и преодолению суицида в каждой из социально-демографических групп населения.

Рисунок 29

«КЕМ ПРИХОДИЛСЯ ЧЕЛОВЕК, СОВЕРШИВШИЙ ПОПЫТКУ САМОУБИЙСТВА ИЛИ САМОУБИЙСТВО?» (в % от числа опрошенных)

СМЕРТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ОТ САМОУБИЙСТВ В 2005–2008 гг. (на 100 тыс. чел. населения)

Российская Федерация и ее субъекты	Число умерших от самоубийств			
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ	32,2	30,1	29,1	27,1
Центральный федеральный округ	21,9	20,6	19,0	17,7
Белгородская область	23,4	21,4	20,9	21,0
Брянская область	31,3	27,8	24,8	21,5
Владимирская область	37,2	32,3	32,0	28,6
Воронежская область	22,2	22,2	20,9	18,3
Ивановская область	37,0	35,3	35,4	33,0
Калужская область	26,8	24,7	22,3	21,9
Костромская область	38,8	32,6	33,9	28,5
Курская область	24,4	25,7	18,3	18,2
Липецкая область	25,1	25,0	23,9	19,9
Московская область	23,5	21,7	21,2	20,7
Орловская область	19,2	19,3	18,4	14,6
Рязанская область	12,5	13,0	9,1	11,4
Смоленская область	38,1	35,8	27,5	25,9
Тамбовская область	17,8	16,9	18,6	14,2
Тверская область	36,9	37,5	30,8	30,3
Тульская область	29,6	26,9	24,9	20,7
Ярославская область	31,0	27,1	26,2	23,5
г. Москва	9,3	8,8	8,1	8,0
Северо-западный федеральный округ	30,9	27,9	27,0	24,6
Республика Карелия	40,6	37,8	35,1	34,0
Республика Коми	44,6	44,8	45,7	41,8
Архангельская область	51,9	46,7	50,5	44,8
Ненецкий автономный округ	61,9	100,1	119,1	102,3
Вологодская область	39,2	40,9	35,2	26,5
Калининградская область	33,4	27,1	29,0	24,0
Ленинградская область	32,5	31,1	27,3	26,1
Мурманская область	28,2	16,7	14,3	12,3
Новгородская область	38,8	37,8	35,6	39,1
Псковская область	40,0	32,4	30,3	32,5
г. Санкт-Петербург	15,2	13,0	13,2	12,0
Южный федеральный округ	17,9	16,6	15,9	14,4
Республика Адыгея	26,8	23,1	17,9	18,8
Республика Дагестан	4,7	3,5	3,8	3,3
Республика Ингушетия	–	0,4	0,4	0,0
Кабардино-Балкарская республика	13,5	12,8	12,2	13,2
Республика Калмыкия	47,0	44,8	39,1	39,7
Карачаево-Черкесская республика	11,1	11,6	8,6	5,9
Республика Северная Осетия-Алания	5,5	4,4	2,6	2,1
Чеченская республика	1,4	1,6	0,3	0,4
Краснодарский край	27,7	25,7	25,7	23,6
Ставропольский край	19,3	15,6	14,4	15,8
Астраханская область	36,2	36,1	35,9	32,1
Волгоградская область	26,1	25,5	25,1	21,0
Ростовская область	11,2	10,9	10,5	8,1

Российская Федерация и ее субъекты	Число умерших от самоубийств			
	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.
Приволжский федеральный округ	41,3	38,8	37,9	35,4
Республика Башкортостан	57,7	54,5	50,0	48,9
Республика Марий Эл	64,8	52,5	59,7	46,3
Республика Мордовия	31,2	28,6	27,0	27,1
Республика Татарстан	36,8	32,3	32,3	31,2
Удмуртская Республика	63,7	62,2	61,4	56,6
Чувашская Республика	47,2	50,7	51,9	44,2
Пермский край	52,1	46,9	48,7	45,1
Кировская область	57,0	52,1	51,2	52,2
Нижегородская область	32,5	29,0	28,7	24,8
Оренбургская область	45,9	42,3	41,9	42,2
Пензенская область	36,0	34,2	32,7	27,3
Самарская область	23,2	20,6	18,6	19,3
Саратовская область	26,7	32,6	31,1	27,2
Ульяновская область	18,8	18,7	17,8	14,0
Уральский федеральный округ	41,1	36,5	34,8	32,1
Курганская область	53,4	51,7	49,2	50,5
Свердловская область	40,3	36,7	33,4	29,9
Тюменская область	34,3	28,4	27,6	25,3
Ханты-Мансийский авт. округ - Югра	26,6	22,5	20,4	16,4
Ямало-Ненецкий авт. округ	30,2	21,9	16,5	14,5
Челябинская область	45,0	39,6	39,4	36,6
Сибирский федеральный округ	46,0	44,4	43,9	41,5
Республика Алтай	87,2	89,8	71,8	73,0
Республика Бурятия	77,4	77,2	70,4	73,3
Республика Тыва	51,6	62,5	52,8	59,5
Республика Хакасия	50,4	41,5	41,3	38,5
Алтайский край	43,8	45,6	42,5	41,8
Красноярский край	36,6	32,9	31,7	29,9
Таймырский (Долгано- Ненецкий) авт. округ	68,9	59,5	-	-
Эвенкийский автономный округ	121,0	99,2	-	-
Иркутская область	55,2	50,0	50,7	46,9
Усть-Ордынский Бурятский авт. округ	81,4	77,7	75,3	-
Кемеровская область	46,2	44,0	45,7	40,8
Новосибирская область	35,4	35,2	35,2	34,7
Омская область	33,1	33,2	35,4	32,1
Томская область	36,2	35,3	28,1	26,2
Читинская область	72,2	70,6	80,0	-
Агинский Бурятский авт. округ	100,2	89,7	83,2	87,2
Дальневосточный федеральный округ	42,7	40,2	40,4	38,2
Республика Саха (Якутия)	48,3	46,6	48,3	48,5
Приморский край	36,0	29,7	33,0	28,8
Хабаровский край	47,3	45,9	42,2	40,9
Амурская область	59,5	62,0	60,3	56,2
Камчатская область	25,9	35,6	29,4	35,7
Корякский авт. округ	85,1	91,8	-	-
Магаданская область	23,1	18,2	18,5	17,6
Сахалинская область	24,4	18,1	17,9	15,5
Еврейская авт. область	63,4	58,6	63,0	56,6
Чукотский авт. округ	86,9	71,3	89,3	82,2

Источник: Материалы Росстата.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ГОРОДА РБ С НАИБОЛЬШИМ ЧИСЛОМ СУИЦИДОВ, 2004–2008 гг. (на 100 тыс. чел. населения)

2004 г.		2005 г.		2006 г.		2007 г.		2008 г.	
Белорецк	98	Белорецк	91	Белорецк	92	Белорецк	109	Белорецк	74
Баймак	87	Благовещенск	81	Янаул	63	Мелеуз	73	Агидель, Бирск	52
Сибай	75	Агидель, Учалы	69	Мелеуз	60	Сибай	68	Янаул	51
Мелеуз	70	Давлеканово, Янаул	63	Баймак	59	Учалы	62	Дюртюли, Салават	44
Учалы	64	Белебей	61	Сибай	58	Благовещенск	60	Кумертау, Сибай, Учалы	43

ГОРОДА РБ С НАИМЕНЬШИМ ЧИСЛОМ СУИЦИДОВ, 2004–2008 гг. (на 100 тыс. чел. населения)

2004 г.		2005 г.		2006 г.		2007 г.		2008 г.	
Октябрьский	27	Уфа	28	Октябрьский	25	Уфа	12	Уфа	15
Уфа, Дюртюли	30	Октябрьский	32	Уфа, Агидель	27	Дюртюли	25	Мелеуз	23
Давлеканово, Стерлитамак	38	Мелеуз	35	Салават, Учалы	31	Салават, Межгорье	30	Межгорье	24
Салават	40	Дюртюли, Салават	39	Нефтекамск	37	Стерлитамак	32	Туймазы, Баймак	35
Агидель, Нефтекамск	43	Стерлитамак	42	Стерлитамак	39	Ишимбай	34	Стерлита-мак	37

Рассчитано по: Смертность населения Республики Башкортостан от несчастных случаев, отравлений и травм: Стат. бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2007. С. 32–39; Смертность населения Республики Башкортостан: Стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2008. С. 87–98; Смертность населения Республики Башкортостан: Стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2009. С. 51–62.

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

СЕЛЬСКИЕ РАЙОНЫ РБ С НАИБОЛЬШИМ ЧИСЛОМ СУИЦИДОВ, 2004–2008 гг. (на 100 тыс. чел. населения)

2004 г.		2005 г.		2006 г.		2007 г.		2008 г.	
Кигинский	181	Татышлинский	128	Гафурийский	134	Миякинский	150	Татышлинский	132
Абзелиловский	140	Кугарчинский	125	Мелеузовский	123	Татышлинский	133	Зилаирский	131
Дюртюлинский	131	Салаватский	121	Ишимбайский	122	Кигинский	115	Баймакский	120
Баймакский	128	Альшеевский, Кигинский, Белорецкий	120	Кигинский	120	Учалинский	109	Учалинский	118
Миякинский	126	Белокатайский, Учалинский	113	Баймакский	117	Баймакский	108	Аургазинский	117

СЕЛЬСКИЕ РАЙОНЫ РБ С НАИМЕНЬШИМ ЧИСЛОМ СУИЦИДОВ, 2004–2008 гг. (на 100 тыс. чел. населения)

2004 г.		2005 г.		2006 г.		2007 г.		2008 г.	
Чишминский	54	Кушнаренковский	39	Бакалинский	31	Иглинский	15	Нуримановский	14
Кушнаренковский	56	Чишминский	44	Уфимский	41	Уфимский	19	Иглинский	17
Краснокамский	58	Уфимский	50	Бuzдякский	49	Нуримановский	33	Кушнаренковский	24
Стерлитамакский	60	Нуримановский	51	Туймазинский	52	Зилаирский	35	Уфимский	28
Уфимский	65	Бирский	56	Калтасинский	53	Ермекеевский	42	Ермекеевский	36

Рассчитано по: Смертность населения Республики Башкортостан от несчастных случаев, отравлений и травм: Стат. бюллетень. Уфа: Башкортостанстат, 2007. С. 32–39; Смертность населения Республики Башкортостан: Стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2008. С. 87–98; Смертность населения Республики Башкортостан: Стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2009. С. 51–62.

ДИНАМИКА СМЕРТНОСТИ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН ОТ НЕЕСТЕСТВЕННЫХ ПРИЧИН¹

Годы	Всего умерло от неестественных причин, человек	Из них умерло в результате самоубийств	Число умерших на 100 тыс. чел. населения ²	
			От всех неестественных причин	От самоубийств
1990	4830	1431	122,2	36,3
1991	5292	1490	133,1	37,5
1992	6514	1950	162,6	48,7
1993	8589	2535	213,1	62,9
1994	9208	2824	227,4	69,7
1995	8987	2613	220,6	64,1
1996	8319	2618	203,3	64,0
1997	7563	2603	184,3	63,4
1998	7715	2508	187,6	61,0
1999	7309	2584	177,5	62,7
2000	7611	2530	184,8	61,4
2001	7746	2468	188,4	60,0
2002	8253	2566	201,0	62,5
2003	8099	2704	197,7	66,0
2004	7842	2561	191,9	62,7
2005	7299	2347	179,3	57,7
2006	6743	2211	166,2	54,5
2007	6656	2026	164,3	50,0
2008	6537	1983	161,2	48,9

Источник: Смертность населения Республики Башкортостан: Стат. сб. Уфа: Башкортостанстат, 2009. С. 75.

¹ В число неестественных причин смерти входят: транспортные несчастные случаи, случайные утопления, самоубийства, убийства.

² Данные за 1990–2002 гг. с учетом ретроспективных пересчетов от итогов ВПН-2002.

Любовь БОРУСЯК

«Старое доброе кино» и постсоветский телеопыт

— Тут многие пишут, что когда выходишь замуж за иностранца, с ним очень трудно, не понимаешь друг друга. Что имеется в виду?
— Ну, ему говоришь: «Птичку жалко», — а он не реагирует, не понимает.

Из Интернет-форума

В юбилейном, сотом номере «Вестника общественного мнения» опубликована очень интересная статья Марии Правдиной «Советское кино как объект современной культурной рецепции и зрительской привязанности». Некоторые положения этой работы мне показались спорными, захотелось высказать свои соображения по их поводу. Откликнуться на эту публикацию я сочла нужным по двум причинам. Во-первых, потому что тема весьма важная. Феномен высокой ценности (или, как стали говорить, культовости) советского кино для массового сознания признается всеми специалистами, он очевиден, но изучен и отрефлексирован научной средой достаточно слабо. Известные специалисты по этому вопросу Наталья Самутина и Борис Степанов эту дилемму описывают очень четко: «Место советского кино в окружающей нас культурной реальности можно одновременно назвать одним из самых очевидных, заметных — но в то же время одним из самых мало осмысленных»¹. Проработанность феномена советского кино исследователями существенно ниже. Вторая причина заключается в том, что вокруг социального и социально-политического аспектов современного восприятия советского кино складывается некая мифология, отчасти отраженная и в статье Марии Правдиной, и с ней тоже хотелось бы разобраться.

В своей работе я опираюсь на данные телеизмерений² и результаты собственных, небольших по размеру опросов³. Кроме того, в данном

случае мне представляется полезной и инсайдерская информация, основанная на опыте работы на телевидении с 1992 по 2008 г.: сначала в дирекции планирования эфира телеканала «Россия», потом в аналитическом отделе канала ТВ Центр. В течение всего этого времени я наблюдала за изменениями государственной политики и политики телеканалов по отношению к советскому кино — регулярностью показа таких фильмов, отбором контента для показа на разных тайм-слотах, в праздничные дни, и, соответственно, ежедневными рейтингами фильмов, социально-демографическим составом зрительской аудитории.

Предварительные замечания. 1. *Что такое советское кино?* Казалось бы, это очевидно — фильмы, снятые на советских киностудиях в советское время⁴. Оба эти критерия действительно необходимы, но их недостаточно. Это понимают зрители на интуитивном уровне и, говоря о советском кино, включают в него не все фильмы. Это ясно и для исследователей, которые начинают вводить некоторые ограничения. Для получения обоснованных, несмещенных выводов исследователь должен понимать эти интуитивные зрительские ограничители, иначе может возникнуть ситуация, когда для исследователя этого феномена он не таков, как для носителей массового сознания. В частности Мария Правдина из всего континуума фильмов, произведенных в советское время, исключает «немое советское кино и советский авторский интеллектуальный кинематограф»⁵, поскольку они не релевантны для массовых зрительских

¹ Самутина Н., Степанов Б. «А Вас, Штирлиц, я снова попрошу остаться... К проблеме рецепции советского кино» // Неприкосновенный запас. 2009, № 3. С. 116

² Телемониторинг, который осуществляет компания TNK «Gallup Media».

³ Начиная с 2002 г. я дважды в год провожу мини-опросы студентов московских вузов об их отношении к советскому кино и об их любимых фильмах (всего за эти годы опрошено более 500 человек). Кроме того, в 1995 и 1996 гг. я провела микроопросы школьников 3-го и 5-го классов (8–11 лет) на ту же тему — 58 человек.

⁴ Впрочем, в постсоветское время немалое число фильмов (прежде всего, это мелодрамы с их «вечными ценностями») по своей стилистике, а нередко и составу занятых в них актеров настолько близки к массовому советскому кино, что их зрительский успех, как и социальное функционирование, во многом и основаны на этом сходстве.

⁵ Правдина М. Советское кино как объект современной культурной рецепции и зрительской привязанности // Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии. 2009. № 2. С. 116.

представлений о советском кино. Для относительно локальной группы зрителей «ищущих», не ограничивающихся тем контентом, который предлагает телевидение, и такие ограничения не ставятся.

Мне кажется, что есть еще одно немаловажное ограничение: под «советским кино» аудитория, по крайней мере массовая, понимает почти исключительно «русские» фильмы, т. е. снятые на московских киностудиях, «Ленфильме» и пр., а также на других киностудиях (например, Одесской), но «русскими» режиссерами с участием «русских» актеров. Редкое исключение представляет собой интеллектуальное кино, снятое на других студиях (например, фильмы Параджанова). Но это фильмы, которые не вызвали массового интереса ни в момент выпуска, ни сегодня, когда можно их найти на дисках или иногда посмотреть в кинотеатрах, специализирующихся на показе артхаусного кино. Другое дело, что сама малочисленная зрительская аудитория таких фильмов, как справедливо отмечает М. Правдина, затрудняется отнести эти фильмы именно к советскому кино, поскольку в этом словосочетании считывается отношение данного фильма именно к мейнстриму. Необходимо иметь в виду: понятие «советское кино» в большинстве случаев для массового, а отчасти и для более продвинутого зрителя не включает того, что когда-то называлось «национальным кинематографом», — фильмы киностудий союзных республик.

Мне представляется принципиальным то обстоятельство, что под советским кино в России понимается «русское советское кино». Даже в советское время для массового зрителя фильмы республиканских киностудий в большинстве представляли собой все-таки некоторую экзотику, отклонение от мейнстрима, а с возникновением России как самостоятельного государства произошло очень четкое разделение советского кино на «свое» и «чужое», причем «родные и любимые» фильмы — это практически всегда фильмы русские. Пожалуй, здесь можно выделить только одно исключение: комедию Г. Данелия «Мимино». Если судить по телевизионным рейтингам, этот фильм не относится к группе главных лидеров зрительской популярности, но у него есть весьма значительная и устойчивая аудитория¹. И все же фильм не является «чисто грузинским»: он снят на киностудии «Мосфильм», основная часть его дей-

ствия происходит в Москве. Так что он, с одной стороны, экзотичен (во многом именно «странные» грузинские нравы создают комический эффект), но все-таки не до такой степени, чтобы восприниматься как фильм «не свой», иностранный. И это, пожалуй, единственный «нерусский» фильм, который стал частью массовой культуры. Так что, повторю, «советское кино» в массовом сознании — это кино русское.

2. *Советское кино — искусство для дома.* Понятно, что массовый зритель давно уже смотрит советские фильмы дома, а не в кинотеатрах². В этом одна из важных особенностей его социокультурного функционирования. Традиционно искусство требовало от зрителя специальных усилий и затрат для достижения взаимодействия: в театр, кинотеатр или музей нужно пойти да еще празднично одетым, заплатить за посещение и т. д. При этом коммуникация шла с чем-то новым, незнакомым. В некоторой степени такой тип взаимодействия сохраняется сейчас для новых фильмов, как отечественных, так и иностранных³. Но коммуникация со старым советским кино практически полностью сосредоточивается в домашних условиях, за исключением сеансов старых фильмов в кинотеатрах, специализирующихся в основном на авторском, артхаусном кино. В таких кинотеатрах демонстрируются старые отечественные фильмы, которые позиционируются как «шедевры», аудитория таких просмотров исключительно узкая.

Массовый зрительский интерес к советскому кино в постсоветское время идет неклассическим способом — в домашних условиях, причем коммуникация чаще инициируется не зрителем, а телеканалом. Более того, советские фильмы не смотрят, а многократно пересматривают, т. е. ищут в них не нового, а традиционного, привычного. Взаимодействие с таким образцом происходит в трех формах: 1) телепросмотр; 2) покупка видеокассет и дисков для домашнего просмотра; 3) скачивание из Интернета для дальнейшего просмотра. Не вызывает сомнений, что между всеми этими формами существует корреляция (для семейной коллекции приобретаются любимые фильмы, «проверенные временем»

¹ Подтверждает эту популярность и большое количество цитат из фильма, вошедших в массовое сознание. В частности знаменитая фраза: «Ларису Иванову хочу».

² По данным Левада-Центра (2009), 76% опрошенных взрослых россиян вообще никогда не бывают в кино (в 1990 г. эта группа составляла 27%), тогда как посещают кинотеатры хотя бы раз в месяц менее 6% (в 1990-м — 32%).

³ Несколько позже и они будут показаны по телевидению, но у них есть первый, недомашний, преимущественно молодой (до 30 лет) зритель.

и многочисленными телепросмотрами), хотя есть и существенные различия. Они связаны не только с тем, что телевизоры имеются во всех домохозяйствах, а видеомэгафоны и CD-проигрыватели, Интернет только в некоторых¹. В среднем аудитория телезрителей старше по возрасту тех, кто приобретает фильмы для дальнейшего домашнего просмотра, — очень часто диски и видеокассеты с советской киноклассикой покупают для детей, чтобы они не пропустили что-то ценное, с точки зрения родителей. Да и вкусы массовой телеаудитории и покупателей советского кино не всегда совпадают. В частности покупают (или скачивают из Интернета) не только «золотой фонд» советского массового («культового») кино, но и относительно редко появляющиеся на экранах фильмы, не привлекающие значительной телеаудитории, в том числе авторское кино. Если же говорить именно о массовом интересе к тому или иному киноконенту, то наиболее четко отражают его просмотровые показатели телесмотра (доля и рейтинг аудитории).

Устойчивый интерес или взлеты и падения.

В ходе многочисленных исследований их организаторы сталкиваются с удивительным по устойчивости явлением: постоянными lamentациями людей разного возраста и разного уровня образования на то, что советского кино не хватает, что его надо показывать по телевидению чаще и пр. И это при том, что старые отечественные фильмы демонстрируются на всех телеканалах, причем в весьма значительных количествах². Тем не менее людям кажется, что этих фильмов мало, что надо показывать их чаще, это требование давно стало стереотипом. Такие высказывания носят преимущественно экспрессивный характер³, поскольку, говоря о нехватке советских фильмов на телеэкране, люди оперируют их символическими смыслами, демонстрируя недостаток этих смыслов. Каждый из фильмов в отдельности — более или менее удачный образец киноискусства, они пользуются у зрителей разной популярностью, но как единое целое выступают исключительно в ретроспективно-оценочном смысле: именно как высоко ценимый объект. Советское кино в массовом сознании — олицетворение социаль-

ного позитива, чем и вызвано ощущение его нехватки, которая квазиудовлетворяется многочисленными просмотрами старых фильмов. Однако полного удовлетворения такая визуальная, пассивная деятельность, как просмотр кино, принести не может, поскольку коммуникация со старыми формами презентации реальности не позволяет решать актуальных задач, а апелляция к старым ценностям как образцовым усиливает напряжения, связанные с их утратой.

У многих исследователей создается впечатление, что мы имеем дело с явлением относительно новым, что сверхзапрос на советское кино — явление последнего десятилетия, а ценность советского кино в постсоветскую эпоху «пульсировала»: то росла, то снижалась. Это спорное, на мой взгляд, представление отражено и в статье Марии Правдиной, которая начинается следующей фразой: «Всего за два десятилетия отношение к советскому кино в среде российских зрителей несколько раз менялось»⁴. Здесь для меня принципиально важны оба утверждения: и то, что эти изменения происходили, и то, что они были неоднократными. Если первая идея в определенной степени справедлива, то вторая — о наличии нескольких волн роста и спада интереса к советскому кино, — на мой взгляд, не соответствует реальному положению дел.

Какие же этапы отношения к старому кино в новой России выделяет исследователь? «Первая половина 90-х стала для него (*советского кино — Л.Б.*) временем забвения, когда смотреть советские фильмы оказалось совсем “немодно”. Напротив, принятым, особенно в начале 90-х, стало порицать все советское, включая кино, олицетворявшее критикуемое и реформируемое прошлое»⁵. А вот «во второй половине 2000-х советское кино как будто переживает второе рождение, привлекая к себе внимание разных сторон. Заинтересованность обнаруживается на политическом, государственном уровне и проявляется во внимании, которое основные федеральные каналы уделяют советскому кино, особенно в дни общенациональных праздников»⁶. Из этих соображений логически вытекает вопрос, который и ставится: «Чем объясняется и что означает с новой силой проявившийся и растущий интерес современных зрителей к советскому кино?»⁷

¹ По данным Левада-Центра, 72% опрошенных россиян не пользуются компьютером. См.: Общественное мнение — 2009. М., 2009. С. 137.

² В основном, конечно, те, которые привлекают значительное число телезрителей.

³ Как и положено lamentациям. Само слово произошло от латинского *lamentatio* — «плач, рыдание».

⁴ Правдина М. Указ. соч. С. 114

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Мне кажется, мы тут сталкиваемся с безупречным логическим построением, основанным на несколько упрощенных посылах: когда «все советское» не в моде, то и кино «немодного» времени не может иметь массовых позитивных коннотаций. Когда политическая ситуация меняется, идет частичный возврат к старым ценностям, то и кинообразцы эпохи «переживают второе рождение», зрительская аудитория «колеблется вместе с линией партии». Я попытаюсь показать, что интерес ко многим образцам «старого доброго советского кино» сохранялся в постсоветское время, не было периодов отказа и забвения, как не было и многократных периодов взлетов и падений интереса. Для этого анализ придется вести в хронологическом порядке, начав с того, было ли «немодным» советское кино в 1990-е гг. и насколько «поричание всего советского сказилось» на массовом отношении к советскому кино.

Телебытование советского кино в начале 1990-х: «немодные» и «вечные» фильмы и сериалы. Политические процессы начала 1990-х гг. привели к разрушению такого мощного, целостного образования, как Центральное телевидение¹. 13 мая 1991 г. в эфир начал выходить новый государственный телеканал «Россия» — оппозиционный тогдашнему руководству СССР, а потому и оппозиционный Центральному телевидению как выразителю старых политических идей. В 1993 г. стартовали частные телеканалы — ТВ-6, который просуществовал до 2002 г., и НТВ, смена руководства, направленности и контента которого произошла в 2001 г. С появлением новых игроков на прежде строго государственном, идеологическом и неконкурентном поле произошло существенное изменение всего телевизионного континуума: «Россия» и НТВ заявили о себе как о каналах информационно-политических, ТВ-6 — как о молодежно-развлекательном, и на всех этих каналах в первой половине 1990-х гг. было представлено относительно небольшое, хотя из года в год растущее количество советских фильмов. Это было связано с целым рядом причин как политического, так и финансово-юридического свойства. Киностудии в это время становятся самостоятельными субъектами, и требуется время, чтобы установился новый тип взаимоот-

ношений между ними, владельцами прав на все снятые там фильмы и уже не относящимися к единому ЦТ телеканалами. Не в один день эти проблемы были урегулированы, оформился рынок, были установлены цены на фильмы, лицензии на показ и пр. В течение этого периода телеканалы сталкивались с немалыми трудностями при приобретении фильмов для показа². К тому же возникла проблема с авторскими правами на большое количество фильмов и сериалов (часто очень популярных), снятых в советское время на ЦТ.

Но это были проблемы организационно-финансовые, напрямую не связанные ни с политической ситуацией, ни со зрительскими предпочтениями. Новая политическая ситуация действительно сказалась как на выборе фильмов для показа на телевидении, так и на зрительском к ним отношении, хотя сказалась на предпочтениях далеко не всего населения и по отношению далеко не ко всем фильмам. Отметим еще одно существенное обстоятельство: в первые постсоветские годы начинается работа над созданием нового кино. Во многом это были попытки делать кино, отталкиваясь от старых советских стереотипов, старых представлений, но массовый зритель это новое кино преимущественно не принял. Кино перестройки, раннее постсоветское политизированное кино редко попадает на телеэкраны, поскольку его (за единичными исключениями) категорически не принимает массовый зритель.

В период перестройки шло активное обсуждение и переоценка советского кино. Этого не могло не произойти, поскольку именно кино было наиболее массовым и наиболее влиятельным из искусств. Такого активного, как в СССР, посещения кинотеатров не было к началу 1980-х гг. ни в одной европейской стране, включая и всю Восточную Европу. Советские книги и советские кинофильмы стали важной частью общественного дискурса. По-видимому, именно в ранний постсоветский период возникла устойчивая идиома «советское кино», нагруженная разного рода мощными коннотациями, как позитивными, так и негативными. Пройдет еще немного времени, и в середине 1990-х гг. эта идиома расширится до «старого доброго советского кино» или просто «доброго советского кино». Сейчас, через 20 лет, люди,

¹ Интересно, что в последние годы это словосочетание вновь приобрело популярность, хотя формально никакого ЦТ не существует. Тем не менее говорят о центральных, а не федеральных каналах, о ЦТ, точно так же, как телеведущих снова стало принято называть дикторами. Понятно, что это не случайные, а вполне закономерные перемены.

² В то время гораздо проще, а нередко и дешевле было приобретать иностранные фильмы, поскольку там рыночные механизмы были давно отрегулированы. К тому же западные партнеры были заинтересованы как можно быстрее выйти на вновь открывшийся, прежде закрытый для них российский телевизионный рынок.

и не только молодые, стали часто называть Советский Союз Россией¹, но старое отечественное кино респонденты всех возрастов, включая самых молодых, называют только советским. И это стало одним из наиболее позитивно окрашенных понятий.

Переоценивая старое кино, перестроечный и раннепостсоветский общественный дискурс сконцентрировался вокруг нескольких наиболее выразительных образцов, которые в тот период стали олицетворять идеологизованность и лживость кино советской эпохи. Прежде всего, это относится фильмам сталинской эпохи, и особенно к комедии Ивана Пырьева «Кубанские казаки»². Показ зажиточной, веселой и счастливой жизни послевоенной, нищей деревни объявлялся эталоном обмана и сервильности советского кино той эпохи³, свидетельством преступности времени и политического режима. Именно этому фильму чаще всего противопоставлялись «полочные» фильмы, фильмы запрещенные и полузапрещенные, но честные и достойные⁴. На показ «Кубанских казаков» было наложено негласное вето, которое воспринималось аудиторией, принявшей новую политическую ситуацию, вполне заслуженным.

Конечно, такой запрет касался не только «Кубанских казаков», но и всех остальных идеологизованных фильмов, апологизирующих советскую, прежде всего, сталинскую эпоху. С этим была полностью согласна часть

общества, но все же решение о таких запретах шло сверху, а не снизу. В какой-то степени права М. Правдина, когда пишет, что старое кино вышло из моды. Только не все советское кино, а **открыто** идеологизованное, и касалось это отнюдь не всего населения. Можно предположить, что значительная часть людей не сочувствовала тогда запрету на показ «вредных» фильмов.

Одновременно с «чисткой» эфира шел процесс переоценки фильмов и кинематографических фигур, пострадавших от советского режима. Их фильмы пришли на экран, о сломанных судьбах делались телевизионные передачи – это была попытка восстановления социальной справедливости. Так, вышел целый ряд телепрограмм, посвященных судьбе Геннадия Шпаликова. В частности в них рассказывалось о событиях, которые в свое время разворачивались вокруг фильма «Застава Ильича», об очень известных людях, кинорежиссерах, которые недостойно вели себя в ходе этих событий, их имена прямо назывались в прессе и с экрана. Но все это вызвало отклик только в узких кругах интеллигенции и очень быстро забылось. Во всяком случае, массового интереса ни к такого рода историям, ни к моральной составляющей действий их участников так и не возникло⁵. Попытка ввести в культурный обиход фильмы, прежде «репрессированные», не удалась. Тем более, что период реабилитации был очень коротким, а само кино стилистически и содержательно воспринималось уже как архаическое. Даже очень хороший, имеющий шанс на массовое зрительское признание фильм не устареет только в том случае, если его очень часто смотрят, и потому зритель узнает давно знакомые детали, а не рефлексировать над незнакомыми.

Если обобщать, то конец перестройки – начало постсоветского времени – это очень короткий период переоценки, который не привел к каким-то значимым социально-политическим результатам. Тогда же выяснилось чрезвычайно важное обстоятельство: существует значительное количество советских фильмов, которые обобщенно опознаются именно как «советские», а не как авторские, артхаусные, и воспринимаются как не подлежащие переоценке.

Вечно ценное советское кино. Для общества ценность этих фильмов несомненна, и с этим

¹ Молодежь, студенты сегодня испытывает большие затруднения с написанием слова СССР, не говоря уже о расшифровке этой аббревиатуры. А расшифровать РСФСР не может практически никто из них. Многие студенты, когда они пишут оды «старому доброму кино», не знают, что не только Советский, но и Союз надо писать с прописной буквы.

² Между прочим, еще в период оттепели Н.С. Хрущев обвинил тех же «Кубанских казаков» в лакировке действительности. Фильм был перемонтирован, «десталинизирован» и практически запрещен к показу. Этот запрет длился достаточно долго, и только в 1970-е гг. «Кубанские казаки» вернулись к советским телезрителям, чтобы поздней, после примерно пяти лет отсутствия на экранах в ранний постсоветский период, вернуться туда снова. Я думаю, что двукратный выбор именно этого пырьевского фильма в качестве главного политического жупела был связан с тем, что фильм был веселым, а эпоха позиционировалась как трагическая. В принципе таким же объектом политических дискуссий могло бы стать, но не стало, много других фильмов «большого стиля», снятых в более пафосных жанрах.

³ Отметим, что прием выделения одного объекта в качестве символа всего множества вообще типичен для нашей социокультурной ситуации. Так, в роли символа современного «безнравственного» телевидения в последние годы выступает «Дом-2», запрет на показ которого пыталась установить Госдума.

⁴ Надо сказать, что ни один из бывших «полочных» фильмов так и не завоевал массового зрителя.

⁵ Недавно на одном из Интернет-форумов проходила дискуссия по поводу фильма Г. Шпаликова «Я родом из детства», и молодые образованные участники дискуссии вынесли вердикт: «Этот фильм снят из идеологических соображений, по заказу партии и правительства».

были согласны как тогдашние элиты, включая политические, так и практически все население вне зависимости от места жительства, пола, возраста, образования и пр. Эти фильмы функционируют вне моды, а потому в нее не входят и из нее не выходят, в каждую эпоху они выполняют очень важную социальную роль, причем эта роль частично неизменна, а частично зависит от социальной ситуации.

Тогда же стало ясно, что группа фильмов¹, наиболее популярных в советское время, остались столь же популярными и в постсоветскую эпоху. Все политические и социальные сдвиги никак не сказались на отношении к ним со стороны населения — они по-прежнему трактовались как образцы высокого искусства, классика отечественного кино. Это фильмы разных жанров, в том числе экранизации классических произведений, но, прежде всего, это кинокомедии (в основном 1960–1970-х гг. выпуска, хотя есть и более ранние) и фильмы о войне. Причем если литературные экранизации считались образцовыми произведениями высокого вкуса, выражением базовых ценностей русской культуры и пр., но собирали (и собирают) у экранов среднюю по размеру аудиторию, то комедии (разумеется, не все комедии) и фильмы о войне (тоже далеко не все) пользовались в советское, постсоветское время, да пользуются и сейчас, много лет спустя, колоссальной популярностью. Фильмы других жанров, если и попадают в списки этих суперлидеров, то в минимальных количествах.

Набор популярнейших комедий (часто с мелодраматическими элементами) общеизвестен, их названия из года в год повторяются в ходе разнообразных опросов²: «Операция “Б” и другие приключения Шурика», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию» Л. Гайдая, «Ирония судьбы», «Служебный роман» (иногда также «Карнавальная ночь» и «Берегись автомобиля») Э. Рязанова, «Джентльмены удачи», «Любовь и голуби», «Москва слезам не верит», «Девчата», у более молодых — «Карнавал» и «Вам и не снилось» и пр. Устойчивость этого списка поразительна, он не меняется десятилетиями, причем все эти фильмы полюбили с самого начала, они были лидерами кинопроката в момент выхода. Ни один из фильмов, снятых в постсоветское время, этот список культовых фильмов не пополнил, хотя некоторые из них вызывали

большой и очень большой интерес при первом показе по телевидению. Спустя несколько лет, а иногда уже при втором показе, зрительская аудитория такого кино заметно сокращалась³.

Старые комедии не теряют своей массовой привлекательности в течение 30, 40, 50-ти и более лет, причем как на риторическом уровне (в ответе на вопрос о любимых фильмах), так и на уровне реальной коммуникации. Эти фильмы смотрят, пересматривают, у них стабильно высокие рейтинги при телепоказе⁴, поют песни из них, их растащили на цитаты⁵, которые не уходят из обихода десятилетиями. У людей идет постоянная коммуникация с этими фильмами и друг с другом по поводу этих фильмов. Крылатые выражения из этих лент, все детали съемок, ляпы и ошибки тщательно собраны на страницах Интернета. В эпиграф к статье я взяла цитату из переписки на Интернет-форуме, где причины нарушения коммуникации людей разных культур оказалось проще всего объяснить с помощью цитаты из «Кавказской пленницы», снятой в 1966 г. — почти полвека назад.

Возвращаясь к 1990-м гг., хочу обратиться к миниопросу 8–11-летних школьников, который я тогда провела. Мне хотелось выяснить, какие кинообразцы тогда являлись наиболее важными для формирования идентичности. Дети заполняли небольшую анкету, где их, в частности, просили назвать свой любимый фильм и своего любимого артиста (я специально не уточняла, отечественного или зарубежного). Среди любимых фильмов не фигурировал **ни один** иностранный, это были комедии из приведенного выше списка с вкраплениями детских телевизионных фильмов («Приключения

³ Наиболее выразительна здесь судьба фильма П. Лунгина «Остров». Этот фильм без острого сюжета и захватывающей интриги привлек в кинотеатры значительную аудиторию, он получил очень высокие показатели во время демонстрации по телевидению в день православного Рождества. Казалось, мы столкнулись с удивительным феноменом: несюжетное кино может собирать массовую аудиторию. Но уже второго показа на телевидении фильм не выдержал, его аудитория резко сократилась, и, что не менее важно, этот фильм полностью ушел из общественного обсуждения, цитирования и т. д.

⁴ В начале 2000-х гг. телеканал «Россия» провел такой эксперимент: они поставили в эфир «новогоднюю» «Иронию судьбы» жарким июльским вечером. Даже в таком, несколько странном контексте фильм по своим показателям стал лидером недели.

⁵ И в этом смысле культовые фильмы отличаются от рекламных слоганов. Большинство из тех, которыми говорила вся страна в 90-е гг., сегодня уже забыты: их воспроизводства не происходит хотя бы потому, что сама реклама ушла из телеэфира. Молодые люди просто не знают этих, когда-то популярнейших фраз, а более старшие без постоянной «подпитки» большинство из них забыли. Исключения есть, но их очень мало: «Я не халявщик, я партнер», «До первой звезды нельзя», — но, скорее всего, постепенно забудутся и они.

¹ А также некоторые телевизионные фильмы и телесериалы.

² Не стали исключением школьники, которых я опрашивала 15 лет назад, и студенты, которых опрашиваю ежегодно.

Электроника» и пр.). Среди артистов тогда с большим преимуществом победил Андрей Миронов. Этот мой опрос не претендовал на репрезентативность, но поразительно сходство его результатов с моими ежегодными опросами студентов, которые родились в те же годы, что и опрошенные тогда школьники. Студенты в 2000-е гг. называют любимыми все без исключения фильмы, названные их ровесниками десять лет назад, когда они были еще детьми. Более того, эти фильмы (о чем свидетельствовали данные проката и современные телевизионные измерения) были любимыми у их родителей и даже дедушек и бабушек.

Представление об «образцовом» советском кино, по-видимому, формируется в раннем детстве и потом не пересматривается. Это кино избежало проблематизации и переоценки в период перестройки и ранний постсоветский период. Более того, создается впечатление, что именно это кино является важным фактором формирования социальной идентичности и межпоколенческих связей. Скорее всего, именно фильмы, а не книги, играют здесь решающую роль.

В начале 90-х гг. у «старого доброго кино» появилась функция, которую иногда ошибочно считают спецификой следующего десятилетия: это предоставление образцов социального позитива. На телеэкране фильмы соседствовали с новостными выпусками, которые обычно начинались словами «В наше страшное время...» или «В наше тяжелое время...», и информация в них подавалась, как правило, соответствующим образом. Новостийщики нового телевидения таким образом «отстраивались» от советского ЦТ, на котором новостные выпуски бодро сообщали о движении от успехов к успехам. Нести правду, какой бы страшной она ни была, быть объективными, солидаризируясь (или псевдосолидаризируясь) с народом, а не с государством, как это было раньше, считалось важнейшим достоинством нового телевидения. При этом новая действительность представлялась трагической, тяжелой, жестокой к человеку, а потому этот подход подачи новостей не способствовал, а скорее препятствовал адаптации людей к новой эпохе. Особенно контрастно на этом фоне выглядели старые любимые комедии, просмотр которых, с одной стороны, становился формой эскапизма, а с другой стороны, зрители по-иному, с ностальгией начинали смотреть на эпоху, которую потеряли. И это тоже не способствовало запуску адаптационных механизмов, не говоря уже об активности людей.

Второй, кроме деидеологизированных комедий, тип советских фильмов, который избежал переоценки в начале 1990-х гг. — это фильмы о войне. Интересно, что в числе наиболее популярных военных фильмов мы вновь видим преимущественно комедии и трагикомедии с элементами мелодрамы: «На войне как на войне», «В бой идут одни «старики», «Женя, Женечка и «катюша» — с середины 1990-х, когда их вернули на телеэкраны, а также комедии, снятые в военное время: «Небесный тихоход» и пр. Пожалуй, единственное исключение из этой тенденции — трагический фильм С. Росточкина «А зори здесь тихие», который, как и культовые комедии, зрители полюбили с момента выхода: он был одним из лидеров в 1973 г. (его посмотрели 66 млн. человек¹) и до сих пор получает стабильно высокие показатели при демонстрации по телевидению². Надо сказать, что уже в начале 90-х гг. в праздничные дни³ телеканалы ставят в эфир большое количество фильмов о войне⁴. Иными словами, символические коннотации победы в войне не уходили из государственного и общественного дискурса при переходе от советской эпохи к постсоветской. Уже тогда было ясно, что ценность победы и Дня Победы — единственная несомненная ценность в расколотом обществе. Не утрачивали интерес к этому кино- и телезрители. Вскоре после выхода фильма Петра Тодоровского «Анкор, еще анкор», где критически осмыслены будни военного городка, его показали на телеканале «Россия» 23 февраля. Это должно было продемонстрировать, что новое телевидение отказывается от старых, мифологических, милитаристских трактовок истории. Показ этого фильма в «святой» день вызвал большой скандал, возмущенные письма, звонки и публикации. Опытным путем выяснилось, что перемены в нашем обществе не таковы, чтобы «клеветать» на армию, общество не готово к подобной трактовке ее образа.

Если говорить о культовых кинообразцах, то необходимо отметить, что ни государство,

¹ В том же году на экраны вышла комедия Леонида Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию», которую посмотрело такое же количество зрителей, что делает успех «Зорь» особенно поразительным.

² Специального анализа требует тот факт, что массовый зритель не принимает такие фильмы о войне, вошедшие в мировую киноклассику, как «Баллада о солдате» Григория Чухрая и особенно «Летят журавли» Михаила Калатозова.

³ Во второй половине 1990-х гг. этими фильмами начинают заполнять телеэфир в дни траура, заменяя ими развлекательные передачи.

⁴ И тут я опять должна поспорить с М. Правдиной, которая относит использование военного кино в праздничном контенте к значительно более позднему времени.

ни общество, ни население при переходе к постсоветской эпохе не пересматривали свое отношение к знаменитым телесериалам «Место встречи изменить нельзя» и «Семнадцать мгновений весны», которые в течение всех лет своего существования входили в число лидеров зрительского внимания. Они были в советское время и остались в постсоветское обязательным или почти обязательным элементом социализации. Об их героях рождались и рождаются песни¹, анекдоты, оба сериала разобраны на цитаты, которые не уходят из общественного дискурса².

Характерно, что хит группы «Любэ» о Глебе Жеглове и Володе Шарапове, которые «ловят банду и главаря», написан в 1990 г., т. е. в период перестройки, и в то время считался острым и очень актуальным:

Расцвела буйным цветом малина,
Разухабилась разная тварь.
Хлеба нет, а полно гуталина,
Да глумится горбатый главарь.

Уже в разгар перестройки мы видим отсылку к прошлому как «правильному» (в отличие от актуального, текущего времени), когда проблемы решались с помощью «сильной руки», причем популярность этого произведения была исключительно велика. Мне хочется обратить на это особое внимание, чтобы показать: изменение «моды» на идеи и на фильмы, носители той или иной идеологии, заведомо временно. Из глубин массового сознания не уходил запрос на «порядок», на сильную руку, на все то, что так хорошо персонифицировал Владимир Высоцкий в роли Глеба Жеглова. И эти идеи в период, когда сталинская тематика вышла на уровень общественного дискурса, но была (отчасти насильно, политическим решением) выдворена с телеэкранов, никуда не делись, они ждали своего часа.

Советское кино во второй половине 90-х: «Старые песни о главном». Уже к середине

¹ Например, песня группы «Любэ» под названием «Атас!»: «Глеб Жеглов и Володя Шарапов / За столом засиделись не зря. / Глеб Жеглов и Володя Шарапов / ловят банду и главаря!.. / Глеб Жеглов и Володя Шарапов / Заслужили в боях ордена! / После мирного дня трудового / Будь спокойна, родная страна!»

² Отметим еще, что в конце 2008 г., когда шел сбор подписей «за» и «против» освобождения Светланы Бахминой, представители обеих сторон апеллировали, как к авторитетной инстанции, к сериалу «Место встречи изменить нельзя». Одни многократно напоминали фразу, произнесенную Зиновием Гердтом, о том времени, когда наступит «эра милосердия», другие (практически в каждом комментарии) повторяли чеканную фразу Глеба Жеглова: «Вор должен сидеть в тюрьме», — иногда с продолжением: «Я сказал».

1990-х гг. переоценка советского прошлого канула в лету. Если можно говорить о моде на политические идеи, то критика прошлого завершилась очень быстро. Соответственно, анахронизмом для телеканалов было бы продолжать делать вид, что не существовало сталинского кино «большого стиля», идеологизированных образцов советского кино более позднего времени. Если в начале 90-х на такие образцы существовал запрет, то после событий октября 1993 г. ситуация начинает меняться. Руководители каналов утратили представление о том, что желательно и что нежелательно выдавать в эфир. Они понимали, что хиты советского кино беспроблемны для показа, они всегда соберут массовую аудиторию, а это начинало иметь существенное значение, поскольку СМИ коммерциализировались, на телевидение пришла реклама. А еще стало ясно, что не оправдались надежды времен перестройки на то, что в новое время у массовой аудитории удастся сформировать тонкие и изысканные вкусы, в том числе и в отношении кино. Массовый зритель отказывался смотреть авторское кино, ему не были интересны «полочные» фильмы.

В 1993–1995 гг. на телеканале «Россия» шел проект Кирилла Разлогова «Киномарафон» — это был показ шедевров киноискусства разных стран и разных лет с рассказом о этих фильмах. Проект привлек активнейшее внимание критики, его оценивали чрезвычайно высоко, как прорыв на медианоле. Только массовая аудитория на эти фильмы практически не приходила. Надежды просветительского толка, что проект постепенно будет становиться более популярным, не оправдывались. Конкурировать с латиноамериканскими сериалами или со старыми советскими комедиями шедевры мирового кино так и не смогли.

По зрительским реакциям стало видно еще одно, очень важное социальное обстоятельство: в стране идет быстрый распад прежде важной группы, интеллигенции. Советские фильмы 1970–1980-х гг., адресованные интеллигенции и ею активно воспринятые, категорически не пользовались успехом. Работы таких культовых для советской интеллигенции режиссеров, как Роман Балаян («Полеты во сне и наяву»), Владимир Абдрашитов («Остановился поезд», «Парад планет» и пр.), Ильи Авербаха и др. получали мизерные показатели, их аудитория постоянно сужалась. Даже «грустная комедия» Георгия Данелия «Осенний марафон» с участием популярнейшего Евгения Леонова не собирала и не собирает значительной аудитории, хотя его

показатели все же заметно выше. В течение семи лет я спрашивала своих студентов, видели ли они эти фильмы, и неизменно получала отрицательные ответы. Отсутствие интереса к такому интеллигентскому кино они объясняют тем, что им не интересны эти герои, реалии той жизни ушли, и сейчас их метания выглядят смешно. Традиционные представления интеллигенции: надо просвещать народ, воспитывать его вкус, — которые активно пытались воплотить в жизнь руководство нового российского телевидения на первом этапе своего существования, в очередной раз оказались только иллюзиями¹.

Уже к середине 1990-х гг стало ясно, какие фильмы (из тех, что были представлены на экране) привлекают массового зрителя, а какие зритель отвергает. Число телеканалов выросло, контент требовалось все больше, в том числе и фильмов. Репертуар нужно было расширять, но не было ясно, каковы на данном этапе идеологические ограничения и существуют ли они вообще. Не было очевидным также и то, существует ли зрительский запрос на показ старого советского идеологизированного кино. Дело в том, что самые старые фильмы, сталинское кино относятся к категории Public Domain — общественного достояния, и их можно демонстрировать по телевидению бесплатно, что для коммерческого телевидения немаловажно. И телеканалы начинают бросать пробные шары: сначала в праздничные дни (9 мая, 23 февраля) в утреннем эфире демонстрируют старые военные комедии. С первого же показа выясняется, что аудитория их принимает достаточно горячо, люди пишут на телевидение благодарности за показ фильмов, по которым они соскучились. Тогда эти фильмы начинают показывать в более благоприятное время: они переходят в дневной эфир, а иногда и в вечерний. Первоначально аудиторию этих фильмов составляют пожилые люди, выросшие на этом кино (и жившие в то время, когда оно снимались), потом аудитория становится все моложе. Кстати, аудитория старого, в том числе сталинского кино, с годами будет молодеть, а с интеллигентским кино будет идти противоположный процесс — постарения и так не слишком многочисленной аудитории.

¹ На одном из Интернет-порталов его участники (в основном женщины 30–35 лет с высшим образованием) как-то договорились посмотреть заявленный в программе одного из каналов фильм «Полеты во сне и наяву» и потом его обсудить. Обсуждение свелось в основном к тому, что герой фильма — типичный неудачник, нытик, непригодный для современной жизни: «Типичный убогий продукт советской интеллигенции».

Никаких санкций от государства за возвращение идеологически не вполне безупречных, хотя и не слишком еще идеологизированных фильмов каналы не получают, зрительский успех нарастает, а вместе с ним увеличивается количество и разнообразие советских фильмов на телеэкранах. И тогда 7 ноября 1995 г. на созданном в 1991 г. в качестве демократической альтернативы «прогнившему советскому Центральному телевидению» телеканале «Россия» решают показать фильм, еще совсем недавно в общественном дискурсе воплощавший в себе все самые негативные коннотации ушедшей эпохи — «Кубанские казаки». Конечно, его демонстрировали в утреннем эфире, «незаметно». Конечно, не случайно был выбран именно этот день, который годом позже будет объявлен Днем согласия и примирения. Показ «Кубанских казаков» и отсутствие на это негативной реакции со стороны государства и общества продемонстрировали, что согласие с прошлым в общем уже достигнуто. Фильм собрал значительную зрительскую аудиторию, никаких протестов не последовало, и стало ясно, что кино «большого стиля» не теряло своих поклонников, а образцы этого кино можно показывать без всяких ограничений — эпоха этому способствует.

По-видимому, ощущение новой, а скорее старой, политической ситуации стало очень заметным. Пройдет полтора месяца, и в новогоднюю ночь с 31 декабря 1995 г. на 1 января 1996 г., когда размеры телеаудитории приближаются к общему числу жителей страны, на экраны канала ОРТ выйдет революционный по тем временам проект Константина Эрнста и Леонида Парфенова «Старые песни о главном», который окончательно легитимизирует наше советское прошлое, с одной стороны, и фильмы «большого стиля», с другой. Очень удачно и богато для интерпретаций название цикла, особенно то, что они о главном.

Что же «старого» и одновременно «главного» увидели телезрители? На экране был представлен мюзикл, основанный на песнях из фильмов 1940-х гг, его герои — председатель колхоза и его дочь, звеньевая полеводческой бригады, пастух, ударница труда и пр. Фактически это попури на тему только что реабилитированных «Кубанских казаков». Вполне закономерно совпадение: два главных канала практически одновременно, хотя и не договариваясь об этом специально, обратились к фильму Пырьева. Это была окончательная черта под представлениями эпохи перестойки.

Колоссальный зрительский успех этого новогоднего шоу приводит к тому, что во второй половине 90-х его продолжения станут обязательным атрибутом новогоднего застолья, а само название проекта превратится в крылатое выражение. По словам рафинированных авторов проекта, они не относились всерьез к этим поющим песни из старых фильмов бригадирам-ударницам-дояркам, не расценивали свой проект как реабилитацию советских ценностей и советского прошлого. Однако именно этим они и занимались, именно эти ценности, теперь уже легитимированные, возвращались зрителям.

Два описанных события 1995 г. позволяют достаточно точно датировать, когда окончательно ушли из общественного дискурса перестроечные идеи критики советского прошлого. И тогда же выйдет на социетальный уровень и широко внедрится в общественный дискурс образ «доброе», «позитивное» и «оптимистичное» советского кино. Теперь это не только идеологически безобидные культовые комедии вроде «Кавказской пленницы», но уже и советское кино вообще, включая фильмы сталинской эпохи, весьма сильно идеологически нагруженные. Очень важно при этом, что больше никаких пересмотров (что хорошо в советском кино и что плохо), никаких волн, спадов и подъемов зрительского интереса к советскому кино не наблюдалось, процесс оказался линейным. На множестве каналов начали бесконечно демонстрироваться советские фильмы, подчеркивая неразрывность нашей истории, и участники опросов самых разных возрастов постоянно заявляли и заявляют, что хотели бы видеть на экранах больше «доброе советское кино».

Под по-советски бодрые песни и пляски «Старых песен о главном» наступил 1996 г., когда продолжилась и еще больше усилилась наметившаяся тенденция создания позитивного образа советской эпохи с помощью СМИ. На канале ОРТ, наследнике и преемнике Центрального телевидения, который всегда воспринимался и воспринимается зрителями как «главный», официальный, государственный канал, носитель традиционных ценностей, шла демонстрация «Русского проекта» Дениса Евстигнеева — это был блистательный компонент предвыборной кампании Б.Н. Ельцина. В роликах «Русского проекта» снимались в том числе знаменитые актеры советского кино — Олег Ефремов, Нонна Мордюкова, Римма Маркова, Зиновий Гердт и др., в некоторых были прямые отсылки к старым фильмам. Обращает на себя

внимание, что этот явно просоветский проект назван «русским», что должно символически вписывать постсоветскую эпоху в советскую, а их совместно — в русскую историю.

При этом, как и в случае «Старых песен о главном», продюсер проекта К. Эрнст постоянно заявлял, что проект не носит политической окраски — это имиджевые ролики телеканала. Но, конечно, это была политическая реклама, причем идея, что российский президент может с помощью советской символики отобрать у коммунистов часть электората, оказалась очень точной. Ельцин был переизбран на новый срок, все советские ценности окончательно реабилитированы, а советское кино выплеснулось на экран огромным потоком, который регулируется только рейтингами: есть зритель — есть кино в прайм-тайме, нет — уходит с экрана или демонстрируется поздней ночью. В этом смысле возврат к советским идеям, включая идею социального позитива, приоритета государственности, уверенности в завтрашнем дне, даруемой сверху, — все это произошло не в 2000-е гг., а в середине 1990-х, причем во многом благодаря именно советскому кино на телеэкране. Именно к старым советским фильмам апеллировали в обоих исключительно успешных телепроектах.

Для части молодежи это кино (даже во вполне архаичных по форме образцах) становится нравственным эталоном, во многом потерянным. Вот фрагмент из интервью с 20-летней студенткой о фильме «Медовый месяц»: *«Людочка Хлынина жила в Ленинграде, заканчивала мединститут. Сначала она не хотела ехать с мужем на стройку, стремилась отсидеться в Ленинграде, а потом начала понимать, что нельзя личное ставить выше общественного, это хороший образец. Потому что сегодня люди думают только о себе, им наплевать на страну, а тогда все было иначе»*. Или другое интервью (студентка, 3 курс, 19 лет): *«Вы знаете, врачи ведь теперь не будут так бороться за больного, как это делала Элина Быстрицкая¹ в “Неоконченной повести”, а настоящий врач должен быть именно таким»*. И Нонна Мордюкова в «Простой истории» правильно понимала, что мужчина должен быть «орлом» и пр. В отсутствие официальной идеологии советское кино, повторю, даже в своих архаичных, с художественной точки зрения, образцах, восполняло и восполняет эти мировоззренческие лакуны.

¹ В фильме Фридриха Эрмлера «Неоконченная повесть» (1955 г.).

Советское кино: новый век. В 2000-е гг. в отношении к советскому кино не происходило особых изменений: те же фильмы на телеэкране, что 10, 15, 50 лет назад, остаются «культовыми», те же популярными или непопулярными. Разница только в том, что значительно расширилось число телеканалов, причем многие из них специализируются на показе советского кино либо регулярно показывают его наряду с другим киноконментом: «Культура», «Звезда», «Домашний» и пр. На телеканале ТВ Центр, например, выстраивается ежедневная линейка «Родное кино», где с успехом демонстрируются старые советские фильмы. Советских фильмов на экране становится все больше, спрос на них остается стабильно высоким, набор популярных фильмов (достаточно ограниченный) не меняется. При этом продолжаются бесконечные сетования на то, что этого кино мало, его не хватает, его нужно больше — и это повторяется уже 15 лет. Никаких взлетов, падений и новых взлетов интереса к этим фильмам не происходит, ситуация остается достаточно стабильной.

Но ориентация на старое кино с его старыми же ценностями, вписанными в новый социально-политический контекст, привела к резко негативному результату, когда такое кино появилось на действительно инновационном телеканале, вступив в противоречие с его идеологией. На других каналах таких проблем не возникало и не возникает, потому что там старые фильмы выглядят вполне органично. А в начале 2000-х гг. это произошло с каналом НТВ. Этот канал в старом его составе, где был разработан слоган «Новости — наша профессия», был для России каналом инновационным, причем во всех своих компонентах, от контента и технологических процедур до единого оформления. Когда в 2001 г. на канале сменили руководство и в коллективе произошел раскол, многие журналисты перешли сначала на канал ТВ-6, который был затем преобразован в ТВС¹. Особенностью старого НТВ была особая связность его контента, которой не было у других каналов и которая давала каналу конкурентные преимущества: большое количество новостей, публицистики, политики, новейших телесериалов; минимум развлекательных, юмористических программ. В идеологию НТВ категорически не вписывались старые советские фильмы

¹ Отметим, что полностью четвертую частоту канал НТВ получил в результате активного участия в предвыборной президентской кампании 1996 г., в ходе которой было окончательно ценностно легитимировано советское прошлое, в том числе с помощью старого советского кино.

как продукт традиционалистский, т. е. идейно противоположный по своей направленности.

После разгона НТВ часть его коллектива, мигрировавшая на ТВ-6 — ТВС, столкнулась с серьезной проблемой заполнения эфирного времени, т. е. с проблемой контента. Если новости и политические передачи коллектив мог обеспечить и после перехода на другой канал, то права на сериалы остались за каналом НТВ, а их показ занимал значительную часть эфирного времени. И тогда руководству пришлось «поступиться принципами» и обратиться к прежде категорически нерелевантному, невозможному для него контенту. С одной стороны, это был инновационный для российского телевидения проект «За стеклом!» со слоганом «Подглядывать не стыдно!», который принес каналу феноменальные рейтинги на все полтора месяца показа. Но, с другой стороны, это был удар по репутации, разочарование адептов НТВ, его постоянной аудитории, которой стало трудно верить в искренность политических заявлений руководителей канала и его журналистов. А второй шаг, который на время привлек внимание к каналу со стороны новой, не свойственной ему прежде аудитории, — это вынужденный показ вместо новых сериалов большого числа старых советских фильмов (включая public domain), никак не по своей направленности не сочетавшихся с самим типом инновационного и оппозиционного канала. После такой вынужденной самодискредитации канал легко можно было закрыть, не опасаясь реакции со стороны общества, что и было сделано.

Старые советские фильмы, даже если их зрители говорят о том, что они ищут в них «вечные ценности», не обращая внимания на назойливую идеологию, о чем пишет М. Правдина², остаются носителями этой идеологии. И если зрители не готовы ее воспринимать вообще или в каком-то контексте (как НТВ), то она проявляется особенно ярко и выпукло.

Заключение. В своей работе мне хотелось показать, что старое советское кино не представляет собой единого континуума, и работать с ним как с неким единством представляется непродуктивным. Внутри этого «единства» можно выделить ряд практически не соприкасающихся между собой сегментов, функционирующих по разным законам, среди частично совпадающей, а частично различающейся

² См.: Правдина М. Указ. соч., С. 119.

аудитории. При этом социальные функции фильмов из разных сегментов, да и внутри каждого из них, неоднородны. Самой очевидной представляется консолидирующая по горизонтали и вертикали функция наиболее популярных фильмов-комедий с минимальным идеологическим компонентом. В течение значительной части советского и всего постсоветского времени эти фильмы в большей степени, чем, например, книги, создавали социальное единство — как людей сходных возрастов, уровня образования и пр., так и представителей разных поколений, профессий, разного образовательного ценза и пр. Если можно было говорить о том, что существует советский народ, то его во многом объединяла любовь к «Бриллиантовой руке» и фильмам о войне как свидетельству, подтверждению общей победы. В постсоветское время социальное функционирование этих фильмов практически не изменилось.

Утверждение о том, что в период перестройки и в 1990-е гг. советские фильмы вышли из моды, представляется чрезмерно сильным. К культовым фильмам и сериалам это не относится вообще, а к идеологизированному советскому кино только частично. Значительная часть интеллигенции к началу перестройки уже не воспринимала идейные послы такого кино, а часто и способы художественного воплощения. В этом смысле для них особой переоценки ценностей не произошло. Группы, более «советски» ориентированные, не то чтобы не хотели смотреть эти фильмы, они были лишены такой возможности: на эти фильмы государством, а потому и телеканалами было наложено табу. Как только это табу в середине 1990-х гг. было снято, проявился выраженный интерес к такому кино, часто существовавший латентно и раньше.

Тогда же (и чем дальше, тем больше) эти фильмы привлекли внимание молодежной аудитории, заинтересованной в поисках ценностей и каких-то нормативных представлений. Наделяя такое кино эпитетами «доброе», «честное», «умное», его зрители движутся вперед, глядя назад, что сильно замедляет движение. И это представляется мне огромной социаль-

ной проблемой, поскольку «старое доброе» противопоставляется «новому злу», от чего (т. е. от современности и будущего) хочется убежать в уютное, но уже непродуктивное прошлое.

Динамика зрительской активности по отношению к тому, что можно назвать «интеллигентским кино», такова: скачок в конце 1980-х — самом начале 1990-х и потом резкое падение, достаточно четко характеризующее уход со сцены самой интеллигенции. От этих фильмов аудиторию отталкивает, прежде всего, склонность их героев к рефлексии, неумение решать и действовать. С другой стороны, существует и воспроизводится узкая группа людей, в том числе и молодых, заинтересованных в просмотре «шедевров» мирового и советского кинематографа, причем они (как на это справедливо указывает Мария Правдина) сильно сомневаются, можно ли отнести эти фильмы к континууму советского кино или это шедевры мирового авторского кинематографа.

И последний вывод заключается в том, что нет оснований говорить об особом росте интереса к советскому кино в последние годы, эта тенденция началась значительно раньше. Что касается клубов любителей советского кино, то, во-первых, они достаточно малочисленны, во-вторых, нет оснований полагать, что людей, которые ищут старое советское кино, становится больше, в-третьих, стремление приобрести какой-то фильм может быть связано с таким количеством причин, что это может подрывать единство группы. Например, человек, ищущий фильм «Вертикаль», может интересоваться творчеством Высоцкого, а не советским кино как таковым. А желание приобрести фильмы Параджанова свидетельствует об интересе к интеллектуальному кинематографу, который (хотя и в узких границах) существует во всех странах и во все времена. Более того, любителям «Цвета граната» скорее свойственен интерес к творчеству Феллини, чем к советским фильмам мейнстрима. Поэтому я не думаю, что сейчас в обществе появился новый тренд, так как уверена, что не было нескольких волн интереса к советскому кино, хотя сам интерес несомненно есть и, как я старалась показать, весьма существенный.

ИЗ НЕДАВНЕГО ПРОШЛОГО ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Лариса ФЕДОТОВА

Разговор ученика с учителем*

Насчет учителя — это совсем не фигура речи: если не говорить о социологах, с трудами которых мое поколение знакомилось исключительно по литературе, Борис Андреевич Грушин и Юрий Александрович Левада были первыми и практически единственными моими, как и десятков других исследователей в области массовых коммуникаций и общественного мнения, учителями в области социологии. Это обучение шло параллельно: в 1966–1967 гг. Юрий Александрович Левада читал на факультете журналистики знаменитые лекции по социологии¹. В эти же годы он вел семинар по общественному мнению (!!!), где автор этих строк был в числе немногих (4–5 человек) участников — пятикурсников и аспирантов. Как сейчас помню, первые три-четыре занятия были посвящены разбору книги У. Липмана «Общественное мнение». Юрий Александрович просто принес свой экземпляр этой книги на английском языке, и мы передавали ее из рук в руки, конспектируя и обсуждая. Для молодежи скажу, что другим вариантом познакомиться с этим трудом американского теоретика общественного мнения для желающих был лишь спецхран Ленинской библиотеки. Но это другая история.

После широкого общественного резонанса этих лекций, когда партийные структуры обвинили Ю.А. Леваду в том, что отдельные положения лекций слишком расходились с определенными положениями советского обществоведения, и обсуждения их на Ученом Совете факультета журналистики МГУ, который организационно закрепил эти обвинения, Ю.А. Левада ушел с факультета. В это же время группа

аспирантов факультета журналистики практически вошла в реализуемый в то время проект Б.А. Грушина «Общественное мнение», став соавторами ряда процедур по тематике изучения прессы и общественного мнения. Многие из нас впоследствии защитили кандидатские диссертации на этой основе. Руководителем моей диссертации был Борис Андреевич Грушин.

Сейчас же речь пойдет ни много ни мало об определении общественного мнения, которое в четверокнижии Б.А. Грушина² звучит так (цитата довольно большая, но она вводит в предмет спора): «Общественное мнение представляет собой вовсе не механическую сумму высказываний, полученных в результате анкетирования (интервьюирования) *n*-ного количества респондентов, а органический продукт общественной жизни, некое коллективное суждение, возникающее в процессе и результате весьма сложной социальной коммуникации — публичной дискуссии. Известно и то, что этот продукт начисто отсутствует, если в обществе нет набора условий, необходимых для его возникновения, а именно самой сознающей себя в качестве субъекта социального поведения общественности, обильного потока свободной и доступной ей информации по предмету обсуждения, развитого интереса у масс к этой информации, их способности артикулировать свою позицию, широкой сети безотказно действующих каналов межперсональной и межгрупповой коммуникации и т. п.»³.

* Текст подготовлен к Грушинским чтениям на факультете журналистики МГУ (11 февраля 2010 г.)

¹ См.: Левада Ю. А. Лекции по социологии. Вып. I, II // Информационный бюллетень ИКСИ АН СССР. М., 1969. № 5–6.

² См.: Грушин Б.А. Четыре жизни россиян в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001; *Он же*. Четыре жизни россиян в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Брежнева. Ч. 1. М.: Прогресс-Традиция, 2003; *Он же*. Четыре жизни россиян в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Брежнева. Ч. 2. М.: Прогресс-Традиция, 2006. Последняя книга из этой серии ждет своего опубликования.

³ Грушин Б.А. Четыре жизни россиян в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Хрущева. М.: Прогресс-Традиция, 2001. С. 16–17.

Дискуссия на эту тему неоднократно возникала на научных семинарах еще в Центре изучения общественного мнения (1969–1971 гг., Институт социологии АН СССР). Кроме того, позже Борис Андреевич был рецензентом моей книги «Паблик рилейшнз и общественное мнение»¹, где моя точка зрения прописана достаточно подробно... Борис Андреевич потом пару раз в соответствующей ситуации, хитровато поглядывая в мою сторону, прибавлял: «А вот Лара придерживается другой точки зрения...».

Конечно, первая часть определения, а именно: «общественное мнение представляет собой вовсе не механическую сумму высказываний, полученных в результате анкетирования (интервьюирования) *n*-ного количества респондентов», полемически сужена Б. Грушиным, и мы к этому еще вернемся. Но, действительно, определение «общественное мнение представляет собой сумму высказываний, полученных в результате анкетирования (интервьюирования) *n*-ного количества респондентов», сразу добавлю, «полученных в результате профессиональной деятельности, а значит, с учетом всех факторов этой своеобразной коммуникации», соответствует моему мнению и, надеюсь, мнению профессионалов, которые во всем мире и в нашей стране занимаются производством для общества такой уникальной информации (повторяю, к специфическим условиям этого производства я вернусь чуть дальше).

Сейчас о второй части определения Б. Грушина, которое призвано развенчать исходное и уже второй раз процитированное, а именно: «органический продукт общественной жизни, некое коллективное суждение, возникающее в процессе и результате весьма сложной социальной коммуникации — публичной дискуссии».

Здесь хотелось бы остановиться на двух моментах: что такое публичная дискуссия и почему «высказывания, полученные в результате анкетирования (интервьюирования) *n*-ного количества респондентов», не могут, в свою очередь, рассматриваться как *результат этой самой дискуссии*. Эти моменты взаимосвязаны, хотя и требуют дополнительных пояснений. Сразу скажем, что Б. Грушин не подразумевает под публичной дискуссией только потребление населением продукции СМК, представленность там точек зрения населения, наличия там дискуссий между представителями разных точек зрения и т. п. Отнюдь.

¹ См.: Федотова Л.Н. Паблик рилейшнз и общественное мнение. М.: Питер, 2003 (Сер. «Учебник для вузов»). См. также: Она же. Общественное мнение как плацдарм для «связей с общественностью»: Учебное пособие. М.: Вест-Консалтинг, 2010..

Если бы и мы к этому все сводили, то что бы мы делали вот с такой информацией: на последней ежегодной конференции Левада-Центра, где сотрудники сообщали о результатах своей годичной деятельности весьма заинтересованной в этой информации и высокопрофессиональной аудитории, прозвучала реплика о том, что почти четверть трудоспособного населения нашей страны занята в так называемой «неформальной» экономике (частный малый бизнес, неорганизованная личная деятельность с эпизодическим выходом на рынок и т. п.). Сказано было практически *два* предложения: одно с упоминанием этой самой цифры, а второе — что эта часть населения (громкая, как видим) выключена из системы СМК, практически не потребляет содержащую там информацию. Означает ли это, что мы должны исключать из общественного мнения страны оценки, отношения, умозаключения этой группы? Нет, конечно. У этой группы существует на нынешний день разветвленная сеть форумов и блогов, включенность в которую характеризует на сегодня межличностную и профессиональную (я пользуюсь термином *специализированная*) коммуникацию. Как легко догадаться, большая часть такой коммуникации осуществляется с помощью Интернета.

Но и до эры Интернета у людей были весьма разнообразные способы участвовать в социальной коммуникации. В проекте «Общественное мнение» в ряде процедур Б. Грушин вместе с другими авторами частных исследований использовал в опросных документах весьма разветвленную сеть таких способов: «В соответствии с программой ПОМа, в исследовании 3 оценивались в общей сложности 28 источников, из которых респонденты в принципе могли черпать сведения о названных ими странах: советские СМИ, зарубежные СМИ, советская художественная литература, советский художественный кинематограф, советский документальный кинематограф, зарубежная художественная литература, зарубежный художественный кинематограф, зарубежный документальный кинематограф, гастроли зарубежных артистов²,

² Журналист В. Макаров (Известия. 2010, 25 янв.) трогательно пишет о том, как повлиял на его отношение к Франции визит Ива Монтана и его песни, там же он упоминает гастроли «Комеди франсез». Недавно в телепередаче приводились слова Станислава Жука, свидетелевавшего, каким глотком свежего воздуха были выезды фигуристов на мировые соревнования — это была новая музыка, новая одежда и пр. То же самое впечатление, уверяю, было и у телезрителей, которые все это видели по эту сторону «железного занавеса». «Когда бы вы знали, из какого сора» — при опросе студенчества после телемоста «СССР–США», в перерывах которого воспроизводилась американская реклама, респонденты говорили нам, что восприняли ту рекламу как реальную информацию о стране...

выставки зарубежных стран, советские научные тексты, зарубежные научные тексты, занятия в школах, техникумах, вузах, советские публичные лекции, система политического образования, межперсональное общение (рассказы побывавших в стране людей, переписка с гражданами этой страны, беседы с прибывшими из нее туристами, беседы в семье, с соседями, на работе), знакомство с изделиями страны (производственное оборудование, товары ширпотреба)¹.

¹ Грушин Б.А. Четыре жизни россиян в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Брежнева. Ч. 2. С. 824. Можно было бы расширить этот анализ за счет того, что внутри каждого из данных источников можно отметить тенденции, обогащающие общую картину зарождавшегося как раз в 60-е гг. – годы основных социологических опросов, осуществленных Грушиным и его командой, – многоголосья мнений, хотя и весьма ограниченного. Укажу лишь на «деревенскую» прозу, на «городскую» прозу Ю. Трифонова. Добавлю сюда весьма красочную картину, которую рисует в своих воспоминаниях Леонид Столович. Она, конечно, имеет частный характер, тем не менее по-своему множит число примеров: «В условиях советского тоталитарного общества происходило довольно четкое разделение духовной жизни на официальную, прошедшую заградительный заслон цензуры, как бы она ни называлась, и неофициальную, которая являлась непосредственным и спонтанным выражением общественного и индивидуального мнения. Последняя не имела возможности стать всеобщим достоянием через принадлежащие государству средства информации и коммуникации. Она первоначально, и то в период "оттепелей", прорывалась в стенгазеты, рукописные кружковые альманахи, актерские капустники, передавалась из уст в уста как "интеллигентский фольклор", по удачному определению Юрия Борева. В конце концов, появляется и "самиздат", дающий пищу и "тамиздату". Виды неофициальной духовной культуры были многообразны, но особую роль в ней играло то, что М.М. Бахтин называл "народной смеховой культурой", существовавшей в средневековье. И эта "народная смеховая культура" была отдушиной и в новом средневековье. Ведь, по определению Станислава Ежи Леца, "каждый век имеет свое средневековье".

В академической среде питательной средой смеховой культуры были полуофициальные мероприятия. Я имею в виду проведение семинаров, конференций, защит диссертаций. Даже в ходе самих заседаний и защит могли быть острые незапланированные выступления. Что же касается кулуаров, совместных трапез, самодеятельности, то тут была сфера относительной свободы, ограниченная, правда, самоцензурой выступающих, знающих, что и в академической среде были "наушные сотрудники"... Философское застолье в период конференций, семинаров т. п., продолжавшее традиции античных *симпозиумов*, т. е. пирушек, рождало немало остроумных речей, шуток, афоризмов, эпиграмм, которые потом разбредались по просторам нашей необъятной родины... /Так/, в конце 60-х годов социология как таковая, еще не расколота на противостоящие друг другу группы, боролась за свое существование против философов-догматиков, олицетворением которых стал образ *Митрофана Лукича Полупортянцева*. В стенной газете Института философии АН "Советский философ" в связи с академическими выборами 1966 г. появился стенд "Выставим кого надо". В академии был выставлен *Митрофан Лукич Полупортянцев* – обобщенный образ номенклатурного философа, созданный по образцу Козьмы Прутоква, но насыщенный новым социально-комедийным смыслом. Это был продукт коллективного творчества талантливых сотрудников института, в основном входивших в состав редколлегии стенгазеты: *Э. Ильенкова, Э. Соловьева, А. Зиновьева, А. Гульги* и некоторых других философов». См.: *Столович Л.* Социологи в Кяэрику. Настоящий

А.В. Жаворонков любезно предоставил мне информацию из своего исследования 1991 г. об источниках информации, которые население считает таковыми, когда речь заходит о событиях разного уровня локальности². Объемы упоминания межличностного общения весьма впечатляющи³:

ИСТОЧНИКИ ИНФОРМАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ О ПРЕДПРИЯТИИ, МИКРОРАЙОНЕ, РЕГИОНЕ, СТРАНЕ, МИРЕ (в % от общего числа источников, упомянутых всеми опрошенными)

I. О мире

Центральные и областные газеты	79,2
Городская, районные газеты	20,5
Передачи государственных радиостанций	55,2
Передачи телевидения	71,8
Разговоры с товарищами по работе	34,1
Разговоры в семье	32,0
Разговоры с соседями, знакомыми	25,6
Личный опыт, личные наблюдения	10,7
Передачи зарубежного радио	12,7
Зарубежные газеты и журналы	5,9

II. О стране

Центральные и областные газеты	78,6
Городская, районные газеты	30,9
Передачи государственных радиостанций	57,8
Передачи телевидения	71,9
Разговоры с товарищами по работе	37,1
Разговоры в семье	36,8
Разговоры с соседями, знакомыми	29,6
Личный опыт, личные наблюдения	15,2
Передачи зарубежного радио	8,7
Зарубежные газеты и журналы	2,7

текст был опубликован частично на эстонском языке в книге: *Stoloviš L.* Kohtumised elu radadel [Встречи на тропах жизни]. Tallinn: ILO, 2006. lk. 146–161, а также отчасти в книге: *Столович Л.* Стихи и жизнь. Опыт поэтической автобиографии. Таллинн. 2003. С. 213–227. См. также: «Международная биографическая инициатива» // <http://www.unlv.edu/centers/cdclv/archives/Interviews/stolovich.html>.

Автору этот текст прислан Б. Докторовым, за что я ему весьма признательна.

² См.: Всесоюзное исследование «"Правда" -90/91: Проблемы социальной жизни общества» (рук. исследования А.В. Жаворонков). Это был выборочный опрос населения, генеральная совокупность – взрослое (с 16 лет) население СССР.

³ Я еще не указала (ради экономии места) источники, которые набирали малое число процентов: многотиражные газеты предприятий, газеты неформальных объединений, издания народных фронтов, передачи заводского радио, стенные газеты, лекции, политинформации, занятия в системе политобразования, собрания, наглядная агитация, беседы с агитаторами, занятия в системе экономического образования, занятия в народных университетах, беседы с представителями администрации, заседания, производственные совещания беседы с руководителями общественных организаций, митинги, выступления ораторов, листовки.

III. О регионе	
Центральные и областные газеты	39,4
Городская, районные газеты	60,4
Передачи государственных радиостанций	50,3
Передачи телевидения	47,7
Разговоры с товарищами по работе	38,4
Разговоры в семье	37,1
Разговоры с соседями, знакомыми	32,3
Личный опыт, личные наблюдения	18,6
Передачи зарубежного радио	1,7
Зарубежные газеты и журналы	0,4
IV. О микрорайоне проживания	
Центральные и областные газеты	8,5
Городская, районные газеты	33,6
Передачи государственных радиостанций	18,1
Передачи телевидения	11,4
Разговоры с товарищами по работе	27,4
Разговоры в семье	44,0
Разговоры с соседями, знакомыми	49,3
Личный опыт, личные наблюдения	23,7
Передачи зарубежного радио	0,4
Зарубежные газеты и журналы	0,2
V. О предприятии	
Центральные и областные газеты	5,9
Городская, районные газеты	19,8
Многотиражная газета предприятий	19,2
Передачи государственных радиостанций	11,3
Передачи заводского радио	14,6
Передачи телевидения	7,6
Собрания	36,4
Беседы с представителями администрации	28,2
Заседания, производственные совещания	22,7
Беседы с руководителями общественных организаций	11,0
Разговоры с товарищами по работе	56,3
Разговоры в семье	19,5
Разговоры с соседями, знакомыми	15,3
Личный опыт, личные наблюдения	23,0
Передачи зарубежного радио	0,4
Зарубежные газеты и журналы	0,2

Согласимся, что все это, а не только СМИ, основание для мнениеродного творчества масс, что и показал Б.А. Грушин в своем анализе этого обстоятельства в цитируемых книгах.

Межперсональное, по терминологии Грушина, общение уже очень давно освоено теоретической мыслью. Здесь я хотела бы подчеркнуть (и Б. Грушин ни в коей мере этого не опровергает, просто это не было его задачей: приводить все подобные доводы) ценность для нашего разговора давней гипотезы о «лидерах мнений». Об этой гипотезе принято говорить, что, будучи наименее методически обеспечен-

ной и эмпирически проверенной (выявление *лидерства* каждого опрашиваемого происходило с помощью самоидентификации при ответах на два вопроса «Приходилось ли Вам в последнее время доказывать кому-либо свою точку зрения по... (определенному вопросу)?» и «Спрашивал ли кто-либо недавно у Вас совета в области...?»), она оказала максимально возможное влияние на теорию коммуникации и теорию общественного мнения. Первые исследователи, как видим, трактовали эту проблему в терминах *лидер мнения — его последователи*, т. е. предполагалось, что лидер влияет на мнение тех, кто к нему обращается¹.

Действительно, после формулировки гипотезы десятки исследователей верифицировали ее в своих исследованиях, получали свидетельства наличия в реальности разных форм взаимодействия индивида с СМК, как непосредственного, так и пропущенного через каналы межличностной сферы коммуникации. Были обнаружены случаи трех- и четырехступенчатой коммуникации, случаи непосредственного влияния на личность информации СМК, а также воздействия только «другого» мнения. Но эта область до сих пор открыта для научных поисков. Главное, что мы хотели бы подчеркнуть: эмпирические исследования подтвердили, что существует довольно большая группа людей, не испытывающих непосредственного воздействия СМК, но это не делает их исключенными из других видов социальной коммуникации, а значит — из сферы профессионального внимания исследователей общественного мнения. Более позднее исследование этой проблемы — а это было исследование Центра по политическим исследованиям Мичиганского университета, предпринятое по общенациональной выборке в ходе президентских выборов 1986 г., — показало, что существует еще одна характерная группа — группа людей, которые не испытывают влияния со стороны других и сами не влияют на чужое мнение. Эта группа просто не обсуждает данные проблемы².

Уже ближе к нашим дням эта гипотеза обогатилась довольно нетривиальным, эвристич-

¹ См.: Katz E. The Two-Step Flow of Communication: an Up-to-Date Report on an Hypothesis // Public Opinion Quarterly. 1957. Vol. 21. № 1. P. 63; American Voting Behavior. Glencoe: Free Press, 1959. P. 372–398. Известно также более углубленное зондирование этой проблемы, когда вывод был дихотомичным: опрашиваемые, исходя из их собственной идентификации, оказывались либо «лидерами», либо «последователями» (см.: Rogers E.M. The Diffusion of Innovations. N.Y.: Free Press, 1962. P. 39–40).

² См.: Robinsom J. Interpersonal Influence in Election Campaigns: Two-Step Flow Hypotheses // Public Opinion Quarterly. 1976. Vol. 40. № 3.

ным наполнением. Речь идет о «спирали умолчания» Э. Ноэль-Нойманн¹, хотя, и это следует специально здесь подчеркнуть, в определенных моментах идеи Э. Ноэль-Нойманн достаточно спорны.

Не углубляясь в суть этой гипотезы, нельзя понять, почему мы берем из нее аргументы в пользу того, что, формируя для себя определенную картину мироздания или оказываясь в ситуации, когда ему немедленно надо принять решение *поступить каким-либо образом* или в ходе опроса *сформулировать свое отношение, сказать о своей оценке чего-либо*, индивид делает это, опираясь на довольно большую работу по оценке распространенности того или иного отношения в своем ближайшем окружении (1); или даже, будучи об этом спрошен, прогнозирует степень распространенности того или иного мнения, модели поведения в этом окружении (2). Вывод, который Э. Ноэль-Нойманн делает из анализа этой ситуации, таков: чем более благоприятную картину для своего мнения рисует индивид, чем более жизнеспособными видятся ему перспективы такого мнения, тем более охотно он будет высказываться в более или менее публичных ситуациях. Если же индивид не видит поддержки своему мнению в ближайшем окружении, то велика вероятность, что он «будет молчать в тряпочку», не станет поддерживать публичного разговора о проблеме, боясь социальных санкций, в том числе боясь социальной изоляции. Вот, собственно, почему эта гипотеза и получила название «спирали умолчания» (а вовсе не «спирали молчания», как перевели у нас работу Э. Ноэль-Нойманн — все-таки в русском языке есть более точное слово для данного явления). В тех работах, которые дают нам результаты апробации этой гипотезы (см. сноску 8), исследователи создают для индивида гипотетическую ситуацию. Они просят представить, что индивид едет в поезде с незнакомыми людьми и имеет возможность о чем-либо говорить² или просто должен говорить «с

другими, незнакомыми ему людьми». У японцев исследователи воссоздавали мизансцену, подходя к опрашиваемому с микрофоном и видеокамерой. Главное, изменялась степень доверительности, интимности... Не всегда гипотеза находила эмпирическое подтверждение, в азиатских странах сильным оказывалось давление традиции и т. д. Но все исследователи соглашались, что в ней есть и большое рациональное зерно. Мы по недостатку времени и места не будем говорить специально о роли СМК в этом процессе оформления мнения и поведения индивида, упомянем ее лишь как мостик к следующему моменту в определении общественного мнения у Б.А. Грушина. Если говорить коротко, то эта роль значительна: она состоит в том, что само наличие в массовых информационных каналах непопулярных, единичных контрмнений придает индивиду своеобразную «социальную» храбрость, означает для него психологическую поддержку, он уже не боится социальной изоляции, он готов и на трансляцию своей точки зрения в достаточно «публичном» социальном пространстве.

Сама информационная зона СМК по наличию в ней разноплановых мнений — безусловный важнейший фактор продуцирования разных

¹ См.: Noelle-Neumann E. Turbulences in the Climate of Opinion: Methodological Applications of the in Spiral of Silence Theory // Public Opinion Quarterly. 1977. № 2. P.143–158; Eadem. Advances in Spiral of Silence Research // KEIO Communication Review. 1989. No.10; Tokinoya H. Testing the Spiral of Silence Theory in East Asia // KEIO Communication Review. 1989. № 10.

² Удивительные параллели подбрасывает жизнь. У Достоевского в его «Дневнике писателя» нашелся пример, что называется, к случаю. Не могу удержаться, чтобы не привести этот кусок почти целиком (я убрала все яти, с которыми компьютер отказывался работать): «Мне самому случилось выслушать недавно, сидя в вагоне, целый трактат о классических языках в продолжение двух часов дороги. Говорил один, а все слушали. Это был никому из пассажиров незнакомый господин... Теперь у нас в публике (в вагонах ли, в другом ли месте), разговоры

сильно изменились против прежних, старых лет; теперь жаждут слушать, жаждут учителей — на все общественные и социальные темы. Разговоры же более сдержанные и солидные и, так сказать, более высшие и уединенные, вертятся преимущественно на темах биржевых или правительственных, но с секретной, изнаночной точки зрения, с познанием высших тайн и причин, обыкновенной публике неизвестных. Обыкновенная публика слушает смиренно и почтительно, а говорюны выигрывают в своей осанке. Но, как я сказал уже, есть и общие, животрепещущие, насущные темы разговоров, в которые ввязывается уже вся публика, и это не затем одним, чтобы приятно время провести: повторяю, жаждут научиться, разьяснить себе современные затруднения, ищут, жаждут учителей... Замечательно то, что при всей этой чрезвычайно любопытной и далеко намекающей жажде общественных советников и руководителей, при всем этом благородном стремлении, — подготовлены и вооружены весьма слабо, — гораздо слабее, чем могла бы представить вам самая яркая ваша фантазия несколько лет тому назад, когда о нашем русском обществе труднее было сделать точное заключение, сравнительно с теперешним временем, когда уже имеется более фактов и сведений. Всякий говорун, с несколькими порядочными манерами, может одержать верх и уверить слушателей своих в чем угодно, получить благодарность и уйти глубоко уважая себя. Разумеется, при несомненном условии быть либеральным, — об этом уже нечего и упоминать». — Достоевский Ф.М. Нечто о вранье // Гражданин. 1873. № 35; цит. по: Полное собрание сочинений Ф.М. Достоевского. Т. IX. Ч. 1. Критическая статья. Дневник писателя за 1873 г. (Из журнала «Гражданин»). Политические статьи. С.-Петербург: Издание А.Ф. Маркса, 1895. С. 326–327. Должна сказать, что этот кусок не дает представления о критической подаче происходящего самим Достоевским. Для нас это не важно. В данном случае это документальное свидетельство того, как расширялась социальная коммуникация в российском обществе, тоже, прямо скажем, находящемся в состоянии социотраснения.

точек зрения, их экспертных оценок, адаптации населения к ним, или их интериоризации. Более того, теория СМК связывает наличие такой общественной площадки с основополагающими, структурными характеристиками западной цивилизации в ее демократическом варианте, а история такой цивилизации обозначается термином «новейшее время».

Почему Борис Андреевич настаивал на своем варианте определения феномена общественного мнения? Мне кажется, это были преимущественно политические мотивы. Действительно, когда Б. Грушин начинал свою эмпирическую деятельность по зондированию массового сознания страны¹, в советском общественном сознании господствовала точка зрения на предмет, которую Б. Грушин описывает следующими словами: «В предельно идеологизированном советском общественном сознании безраздельно господствовали представления, согласно которым “не всякое мнение определенной группы людей, коллективное мнение, есть мнение общественное”; или: “в стране со времени победы социализма по всем вопросам, затрагивающим интересы всех классов и социальных групп, формируется общее мнение”; или еще хлеще: “общественное мнение применительно к социалистическому обществу можно определить

как единодушное суждение народа”» (Грушин при этом цитирует А.К. Уледова)².

Кроме того, подобная постановка вопроса продолжала быть политической уже в наши дни, когда российская действительность подбрасывала примеры того, какой была — и является преимущественно — система массовой коммуникации в обществе. Теоретик и эмпирик Б. Грушин не мог пройти мимо того факта, что зона актуализации разнородных, дискутируемых проблем в наших СМК *сужается*. Подчеркнуть это, понятно, можно было и констатацией того, что это лишает общественное мнение его питательной (но не исключительной, скажем мы) базы...³

² См.: Грушин Б.А. Четыре жизни россиян в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Хрущева. С. 57–58.

³ В какой мере массовая пресса может рассматриваться как площадка для актуализации общественного мнения, это отдельная тема. Кратко укажу лишь некоторые факты. Сам механизм распространения газет, потребления радио- и телепрограмм может свидетельствовать об определенном соответствии их содержания и интересов, оценок, отношения к социальным фактам иногда довольно широких масс населения. Действительно, в тиражах газет и количественных параметров аудитории радио- и телепрограмм этот факт зафиксирован с большой очевидностью: одна газета потребляется узким, элитарным кругом, другая, более «тиражная», выходит на другие социально-демографические группы. То же самое и с радио- и телепрограммами. Понятно, что и в том, и в другом случае мы справедливо говорим лишь о сегментах общества, но само существование массовой прессы однозначно свидетельствует, что она рассчитана на весь спектр интересов общества и ее существование гарантируется этим фактом: ни один информационный орган не покрывает всего общества, но ни один информационный орган не остается без аудитории. К чисто статистической информации о тиражах надо прибавить более тонкую картину этого потребления, полученную уже социологическими способами (опросы, аудиметры и т. п.). И тогда эта информация о потреблении СМИ массами — тоже косвенная оценка степени соответствия содержания прессы потребностям масс.

Если обратиться к самим СМК, то они традиционно дают возможность аудитории быть представленной в контенте. Исторически письма читателей были важной составляющей газетной полосы. С появлением радио и телевидения у аудитории появилась возможность непосредственного выхода в эфир с репликами, вопросами, зачастую группы «приглашенной» аудитории составляют фон таких передач, аплодируют, участвуют в голосованиях и т. п. Подобные возможности увеличились с развитием Интернета, когда практика обратной связи с аудиторией стала почти повседневной. СМК с учетом этих тенденций все больше становились не только «трибуной для чего-то», но и «трибуной для кого-то».

В самом журналистском творчестве тоже есть большой простор для «цитирования» мнений масс: примеры такого рода составляют длинный список — от прямых ссылок на поименованные высказывания, изображения на ТВ публичных акций с участием больших групп населения до инициирования «прессовых» опросов с публикацией их результатов, когда последние становятся чуть ли не решающим аргументом в обсуждении проблемы. В целом реально функционирующая журналистика часто рассматривается как способ генерирования мнений масс, их аккумуляции. В таких случаях обсуждается проблема пропорциональной представительности в прессе разных групп (по полу, статусу, по месту в политическом спектре и т. д. Самой журналистике тут заведомо отдается роль фильтра, сепаратора, возникает возмож-

¹ См. у Грушина случаи, когда он ставит знак равенства между этими понятиями: «массовое сознание» и «общественное мнение» как вариант изученного, наблюдаемого исследователем первого: «...выбор в качестве непосредственного предмета рассмотрения ... исключительно характеристик существовавшего в социуме общественного мнения (массового сознания)» (Грушин Б.А. Четыре жизни россиян в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Брежнева. Ч. 2. С. 839); «... игравших едва ли не решающую роль в процессах формирования и функционирования в обществе сознания масс в целом и общественного мнения в частности...» (Там же. С. 840); «...выбор названного предмета рассмотрения, задача последовательного и многостороннего анализа массового сознания, проявлявшегося на протяжении нескольких десятилетий в общественном мнении» (Грушин Б.А. Четыре жизни россиян в зеркале опросов общественного мнения. Эпоха Хрущева. С. 31). Описывая годы деятельности ИОМа, Б. Грушин пишет: «Тонко чувствовавшие запах свободы в условиях тоталитарной системы западные комментаторы хорошо улавливали эту особенность деятельности ИОМ. В частности, после публикации материалов опросов о советской молодежи некоторые из них писали: “Молодежная газета России “Комсомольская правда” напечатала нечто рискованное для общества, контролируемого коммунистами, — опрос общественного мнения. Молодых русских и их подруг просят сказать, являются ли они счастливым или несчастным поколением” (Daily Telegraph. 1961. 9.01.) (там же. С. 49). В другом месте Б. Грушин пишет: «Институт просуществовал почти восемь лет (до конца 1967 г.), проведя в общей сложности 27 опросов общественного мнения» (Там же. С. 44); «...В рамках же собственно научной программы главная задача ИОМ “КП” сводилась к производству разнообразной по средствам и надежной по качеству информации об общественном мнении страны относительно различных актуальных проблем жизни общества» (Там же. С. 56).

Возвращаясь к методологическому обоснованию характера изучения общественного мнения, я хотела бы указать, что можно взять за основу такой социальный акт, который служил бы идеальным типом выражения общественно-го мнения. Таким примером, моделью является *плебисцит, всенародные выборы*. В идеале такие выборы обладают характеристиками, которые мы считаем органически присущими и общественному мнению: *всенародность*, право каждого члена общества на участие в них; *анонимность* участия в них и как результат выборов *весь набор* продемонстрированных народом мнений. Соответственно, носителями общественного мнения являются все члены общества. Каждый член общества при этом имеет равновероятную возможность выразить свое мнение, чтобы оно независимо от содержания и знака отношения к объекту мнения вошло как часть мнения всего общества, при этом оставаясь анонимным.

Но вот мы его изучили, что дальше? Борис Андреевич много об этом писал. Без преувеличения можно сказать, что эта проблема была для него одной из главных.

ность сравнения информационных каналов по признаку большей или меньшей «демократичности» процесса.

В последнее время наметилась следующая проблема: происходит «профессионализация» присутствия аудитории в контенте массовых информационных потоков. Речь идет о блогерах. Электронные дневники некоторых авторов по посещаемости превосходят многие сайты традиционных СМК. Интересно, что многие авторы подчеркивают: «Это зачастую поток никем не редактируемой отсебятины». Данное явление зачастую критикуют, хотя для наших выводов его можно рассматривать со знаком «плюс». Любопытно также, что в том числе и с учетом этой аргументации идет противопоставление практики блогеров и «идеальных» СМИ.

Особо следует сказать о формате предоставления мнения людей, который на сегодня является повсеместным. Это мотивация звонков аудитории в прямой эфир – организация своеобразного голосования, хотя сама форма презентации таких итогов не всегда корректна. Спору нет, это хорошая форма работы со зрителем и слушателем, форма поддержания интереса к передачам, воспроизведение формы диалога, заинтересованность радио-, телестанции в своей аудитории. Спору нет, это форма наращивания аудитории, и как таковая она, несомненно, имеет право на существование. Но иногда намеренно создается иллюзия, что это распределение мнений, характерных для общества в целом. Вот этого не стоит делать ни в коем случае. Более того, следует всякий раз оговаривать, что «нишевая» аудитория конкретной радиостанции или телеканала не отражает мнений всего общества; она своеобразна и по составу в плане социально-демографическом, и в плане состава групп сознания. И тем она может быть интересной как для самих коммуникаторов, так и для аудитории. – См.: Федотова Л. Н. Аудитория СМИ как производитель и потребитель контента и общественное мнение: Тезисы // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Журналистика 2008: Общественная повестка дня и коммуникативные практики СМИ» (Москва, 9–11 февраля 2009 г.). М.: МГУ, 2009. С. 184–185.

Сразу скажу, что он осознавал необходимость профессионализации этой сферы деятельности, необходимости методической скрупулезной работы в социологическом поле. И я думаю, что он бы болезненно, как все мы, воспринял беспрецедентную беспардонную критику, которой подвергается эта профессиональная сфера в последние года два-три. Иначе как «заказной», «покупной», «проплаченной» ее в массовой прессе теперь не называют. Но это отдельная тема.

Возвращаясь к политической составляющей вопроса – что делает общество с результатами изучения общественного мнения – сначала процитирую Бориса Андреевича: «Известно, что в западном мире понятие “общественное мнение” употребляется ... как политический институт (так называемая “пятая власть”), участвующий наряду с остальными четырьмя в управлении жизнью общества. В соответствии с этим любая деятельность, направленная на изучение общественного мнения, призвана реализовывать две главных функции: 1) помогать общественному мнению выразиться и 2) обеспечивать участие общественного мнения в жизни гражданского общества: формировать общественность, повышать уровень ее самосознания, налаживать ее связь с другими политическими институтами, в том числе институтами власти, принимающими решения»¹.

В целом соглашаясь с этими положениями, хотела бы добавить, что на сегодня в структуре функционирования разных форм волеизъявления масс, характерных для демократических образцов государственного устройства, преобладает прагматическое использование точек зрения, доминирующих в обществе (голосование на выборах обеспечивает представительство в структурах власти силам, набирающим большее количество голосов; актуализация мнений в СМК зависит от механизма отбора, во многом определяемого этим институтом). Профессиональное исследование общественного мнения соответствующими институтами, работающими по мировым стандартам, – на сегодня единственная картина мнений масс, как преобладающих, так минимально присутствующих, во всем наборе составляющих. Иногда последние гораздо больше характеризуют общество, чем первые. И этим картина самоценна.

---

¹ Грушин Б.А. Четыре жизни россиян в зеркале опросов общественно-го мнения. Эпоха Хрущева. С. 53.

Игорь ДОЛУЦКИЙ

Письмо в редакцию «Об одной статье»

В номере 3 (101) «Вестника общественного мнения» за июль–сентябрь 2009 г. в статье Е.М. Левинтовой и Дж. Баттерфилда «Как формируется история и отношение к ней: школьные учебники о новейшей отечественной истории», работе полезной и интересной, к сожалению, обнаружил я несколько досадных неточностей. Задавшись целью проанализировать плоды государственной стандартизации учебников истории, авторы просмотрели несколько десятков «пособий», в число которых попало и одно из моих. И вот тут мне открылось, что написал я совсем иную книгу, нежели та, что цитировали авторы. Совсем иную.

Посудите сами. Вот, замечают авторы статьи, «самая главная проблема госстроительства, обсуждаемая в учебниках», — «ситуация в Чечне» — характеризуется так: «поражение», «неумение Центра удержать власть»... «затянувшаяся война, стоившая огромного числа жизней»... как «позор России, ее президента, вооруженных сил», «наибольшая угроза территориальной целостности России» и т. п. «В некоторых случаях авторы... даже обвиняют федеральные власти в непоследовательности, плохом планировании, недооценке противника... в непродуманных политических решениях после Хасавюртских соглашений» (с. 107). В это соцветие попала и якобы цитата со с. 244 моей книги. Про «позор» у меня, действительно, есть (правда, позором «для России, ее президента, силовых структур, правительства» названа «развязанная Москвой война», ставшая результатом «имперских устремлений Центра», который «избрал самый грубый способ защиты своих интересов в регионе: создание чрезвычайных ситуаций и разрешение их вооруженной силой»), но и я «в некоторых случаях».

Обвиняю я федеральные власти в ином: «Российская армия “точечными ударами” уничтожала мирные аулы... против русских поднялся весь народ, защищая свою землю, понимая, что нависла реальная угроза нового геноцида, страшнее сталинского». Это — о «первой» войне. А вот — о «второй». «Осенью 1999 г. развернулось “победное наступление за Терек”. Системы залпового огня, фронтовая авиация уничтожали все живое. Популярность премьера Путина росла... Европа, пораженная нарушением прав человека в Чечне, чинимыми федеральными войсками, грозила России бойкотом. В самой Чечне ширилась партизанская война. Путин... уверял, что “на переговоры с террористами не пойдет”, и требовал “добить гадину”. А лагеря чеченских беженцев в Ингушетии, где в палатках зимой ютились многие десятки тысяч людей, были охвачены голодом и болезнями» (*Долуцкий И.И.* Отечественная история. XX век. Учебник для 10–11 классов. Ч. 2. М.: Мнемозина, 2002. С. 246, 252–253).

Я специально процитировал места, отмеченные в Министерстве помрачения в 2003 г. Именно они послужили одним из поводов для запрещения моего учебника. Для авторов статьи поясню: мой учебник был запрещен в феврале 2004 г. как не соответствующий не только государственным «стандартам» (хотя до того 10 лет вроде бы соответствовал), но и основному канализационному потоку, в который меня поместили авторы. Как видим, отнюдь не все авторы учебников «особенно положительно описывают проведение В.В. Путиным второй чеченской кампании» (с. 113).

Для сравнения — две цитаты не из периферийных членов федерального списка, а из самых что ни на есть лидеров государственного

предпочтения. Уже с самого начала, еще в 1993–1994 гг., «Россия столкнулась в Чечне с исламским фундаментализмом – силой, враждебной всякой демократии и имеющей питательную почву в странах, весьма далеких от уважения прав человека». «Европейские политики не скрывали своего сочувствия “борцам за свободу” Чечни. Долгое время отрицался тот факт, что их поддерживают организации международных террористов, в частности, У. бен Ладен» (*Загладин Н.В., Козленко С.И. и др.* История Отечества. XX – начало XXI века. Учебник для 11 кл. М.: Русское слово, 2005. С. 431, 451). «Лидеры сепаратистов... активизировали попытки привлечь на свою сторону мировое общественное мнение. С их подачи все громче звучали призывы международных организаций к соблюдению прав человека в Чечне. Казалось, мировое сообщество не понимает опасности террора, не видит связи между событиями в Чечне и деятельностью мировых террористических организаций...» (*Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю.* История России. XX – начало XXI века. Учебник для 9 кл. М.: Просвещение, 2006. С. 378).

Для Г.М. Левинтовой и Дж. Баттерфилда, видимо, однозначно решается вопрос о сути политического режима Б.Н. Ельцина. Для меня она неочевидна. Поэтому, приведя оценку Е.Т. Гайдара о крене «в сторону бюрократического коррумпированного капитализма», я предлагаю читателям для осмысления несколько рассуждений Л.Ф. Шевцовой, писавшей о наличии в режиме принципов демократизма, авторитаризма, популизма, олигархических начал и даже абсолютизма. При этом: «Параллельно на местах складывались региональные авторитарные режимы». «Заявив себя на роль реформатора и демократа, Ельцин... стал создателем коррумпированного режима и авторитарным правителем... Ельцин – преобразователь, а не разрушитель Системы». «Ты тоже так думаешь?» (*Долуцкий И.И.* С. 247, 255–256). В контексте же статьи «мои» местные авторитарные режимы присутствуют наряду с уменьшением значения «демократического Центра», именно эти местные «воеводы» «нередко ставили свои личные и корпоративные интересы выше государственных», мешали созданию «демократического государства», хотя именно оно, утверждают Левинтова и Баттерфилд, стало в российских учебниках «главным итогом внутриполитического развития России в 90-х гг.» (с. 106–107).

Как сказал бы Владимир Ильич, возможно, это – мелочь, но это такая мелочь, которая при-

обретает решающее значение при «формировании истории и отношения к ней». Не так ли?

Вот и еще пара «мелких деталей». Удостоившись чести попасть в число четырех учебников, в которых «в качестве еще одной отрицательной характеристики 1990-х гг... упоминают слабое здоровье президента Ельцина», моя книга тут же вошла в великолепную семерку бескомпромиссных борцов с системой «шантажа и контроля над государством со стороны олигархических средств массовой информации, действовавших в интересах отдельных групп людей», которую, судя по всему – и по моему мнению, надо полагать, – «необходимо было разрушить» (с. 108). Правда, на с. 227, где я это должен был отстаивать, ничего подобного нет. Про Е.Т. Гайдара и его реформы, про экономику, даже про Р.И. Хасбулатова есть. А про средства шантажа нет. Да и на других страницах тоже. «А президент все чаще болел... Очередной инфаркт чуть не убил президента. Но его воля к власти оказалась сильнее смерти». Это мои слова со с. 248–249. Но, будучи (в отличие от президента) в здравом уме и полной памяти, не в этом я видел «еще одну отрицательную характеристику» 90-х, а в том, что Борис Николаевич был самодур и самодержец, завещавший престол полковнику ФСБ В.В. Путину (см. *Долуцкий И.И.* С. 24–254). Так что «тщательнее надо, ребята».

Кстати, о Путине. Ничего личного, хотя именно при активном участии его администрации, по его личному распоряжению академики А.О. Чубарьян и А.Н. Сахаров со своими институтами, прочие добрые люди, большинство которых поименованы в подстрочных примечаниях авторов статьи, уничтожали мой учебник. Вот что пишет в своем учебнике, победителе конкурса и по заказу Министерства помрачения, выразив «глубокую благодарность... комитету “Победа” под председательством Президента Российской Федерации В.В. Путина», коллектив граждан под редакцией Н.В. Загладина. Во второй половине 90-х «Россия продолжала следовать по пути реформ и демократического развития». При Путине Россия двигалась «по пути реформ и стабилизации», развернулось «наступление на медиа-холдинги» и «магнатов», «ранее имевших огромное влияние на властные структуры», президент «освободил» руководителей «областей и автономных республик от излишних функций». Все это вызвало широкий резонанс, страна восприняла, и тут же все возросло, повысилось, укрепилось. Даже урожай собрали рекордный (см.: *Загладин Н.В., Козленко С.И. и др.* С. 5, 437, 441–442, 445).

Не у всех авторов пособий хватает собственных слов восторга. Поэтому они, под редакцией А.О. Чубарьяна (Отечественная история XX — начала XXI века. Учебник для 11 кл. М.: Просвещение, 2006. С. 320–324), просто цитируют, не переставая, Послания Президента. На четырех страницах — три послания, занявших две с половиной страницы.

Теперь придется вновь процитировать свою книгу. Перечислив первые экономические успехи правительства М.М. Касьянова, поставив вопрос для самостоятельного поиска «в области внешней политики», я предложил для обсуждения такой текст: «Аналитики-либералы, политические оппоненты Путина, ссылаясь на борьбу президента... против телеканала НТВ и “информационных империй” В.А. Гусинского и Б.А. Березовского, обвиняют новое руководство страны в наступлении на свободу слова. Реформирование Совета Федерации... право президента смещать губернаторов, новый закон о партиях дали повод публицисту Ю.Г. Буртину утверждать, что “в России произошел государственный переворот”, а следствием его “явится режим личной власти Путина, авторитарная диктатура”. Лидер “Яблока” Явлинский полагал, что уже в 2001 г. в России “оформилось полицейское государство”». А затем сформулирована проблема для читателя: «Верно ли утверждение: в России начался новый этап либеральных экономических реформ?» «Попытайся либо опровергнуть, либо подтвердить изложенные точки зрения...» (*Долуцкий И.И.* С. 254).

Авторы статьи не заметили этих строк. В Министерстве, администрации Путина, ветеранских организациях и прочих «органах» бдительность была выше.

Это я не к тому, что-де уже тогда мы... я же говорил... Нет! Просто предложенный подход к анализу текстов учебников заставляет усомниться в обоснованности выводов, сформулированных авторами статьи однозначно: «Среди рассмотренных учебников наблюдаются некоторые незначительные расхождения, в целом весь массив текстов» характеризуется значительной общностью подхода к описанию постсоветского периода российской истории. 90-е гг. «представлены в них в основном... как негативный период... особенно в сравнении с последовавшим за ним президентством В.В. Путина». Это при том, что порой авторы находят нужным подчеркивать, что «еще один учебник...», «в трех учебниках...» (с. 115, 113). Так вот: мой учебник был и остается единствен-

ным не только запрещенным официально, но предлагавшим иное прочтение нашей истории и иную методику исторического поиска и повествования. Он не «несколько отклонялся от нормы» (с. 105), а принципиально отличался от нее, создавал новую норму. За что и уничтожен. Аналогичным учебником с похожей судьбой была работа А.А. Кредера по новейшей истории зарубежных стран.

Кстати, учебник Кредера вышел тиражом в несколько миллионов, моих книг за десять лет напечатано почти полмиллиона экземпляров. Никто никогда не обвинял нас в антизападничестве. Напротив, обе книги считались откровенно прозападными. Поэтому мой любезный оппонент академик Чубарьян, с которым мы не сходимся ни по одному «актуальному вопросу современности» и истории, пришел бы в легкое замешательство, увидев наши фамилии рядом в перечне тех, чьи учебники «обвиняют Запад и прозападную внешнюю политику 90-х» (с. 111). При желании можно сравнить соответствующие параграфы. Но должен сказать, что ни у коллектива Данилова-2006, ни у коллектива Чубарьяна, ни у меня не найти «обвинений Запада». Нет критики «прозападничества 90-х» и в академическом учебнике В.А. Шестакова по истории России XX века (М.: Просвещение, 2007, хотя и под редакцией А.Н. Сахарова). А вот у Загладина «мотивы» присутствуют (см.: § 47). Если бы Левинтова и Баттерфилд прочли то, что написано у меня на с. 238–239, то увидели бы: по-моему, проблема не в ориентации Ельцина или Козырева, не в происках Запада, а в дилетантизме президента и поражении СССР в холодной войне. А вот и итог: «Как бы ни оценивать результаты внешнеполитической деятельности Ельцина–Козырева (не забудь сделать это), следует признать, что Россия исправно получала кредиты и отсрочки по долгам... Запад рассматривал Ельцина как “единственного гаранта продвижения России по пути рынка и демократии”. Европейское сообщество было готово признать Россию страной с рыночной экономикой, а наш президент добивался фактического признания своего членства в “большой семерке”, которую все чаще стали называть “восьмеркой”» (*Долуцкий И.И.* С. 240).

Как человек, занимающийся учебниками истории больше 20 лет и преподающий ее 30 лет, понимаю, что очень хочется загнать этот книжный бурлящий учебный поток в спокойные отстойники. При этом аналитики обычно забывают, что школьная история — совсем особая наука. У нее могут иметься (имеются) цели

и задачи, не совпадающие с устремлениями политиков, идеологов, историков-академистов. Поэтому порочны как подход, строящийся исключительно на изучении «оценочных интерпретаций», «высказываний заведомо негативных и позитивных оценок», описаний «очевидных положительных и отрицательных событий, процессов и их итогов» (с. 105), так и попытка объяснения некоторой априорной схемы новейшей отечественной истории с исключительной же опорой на школьные учебники.

Школьный учебник не обязан состоять из негативных и позитивных оценок его творцов. Если вы ориентируетесь на создание поискового, «открытого» учебника, развивающего творческие и мыслительные способности ребенка, которого собираетесь (вслед за К.Д. Ушинским) приучать к умственному труду, то ваши «оценки» не просто не доминируют, а могут быть намеренно провокационными и вовсе не выражающими вашего личного мнения. В подобной, извините за грубое слово, парадигме вы будете открыто провозглашать: «Не так давно выяснилось, что мы не знаем своей истории... Вопросов множество, ответов не имеет никто... ни ученые, ни учителя не обладают абсолютной истиной... Но раз ни у кого нет готовых решений, давайте вместе – учителя, ученики, ученые, родители... искать ответы... Поэтому в основе учебника – диалог с читателем и совместный поиск. Тот, кто ожидает окончательных решений, будет разочарован. Нет в учебнике и единственной точки зрения. Факты, представленные в нем, позволяют делать различные выводы... Среди различных точек зрения можно выбрать... самую близкую именно данному читателю или предложить собственную интерпретацию событий» (*Долуцкий И.И.* Отечественная история. XX век. Ч. 1. М.: Мнемозина, 1994. С. 5). «Учебник не кладезь истин в конечной инстанции. Возможно, многие вопросы останутся вообще без ответов. Но, согласитесь, иной раз потери и приобретения на пути к цели важнее ее самой» (*Долуцкий И.И.* Отечественная история. XX век. Ч. 2. М.: Мнемозина, 1996. С. 4).

Поэтому мы, анализируя сразу несколько часто взаимоисключающих точек зрения, занимаемся самостоятельной реконструкцией событий, не имея предуказанного «образца-итога», обращаемся к опыту и воспоминаниям дедушек-бабушек, родителей, используем СМИ и не-учебные источники информации. Учебник же оказывается не только не единственным источником информации, но становится «лишь» одним из инструментов, чем-то вроде набо-

ра конструктора «Лего». Понимаете, что здесь главными предстают не автор и его учебник, а учитель и его класс? Это все – не авторитарная педагогика и натаскивающая репродуктивная методика, а педагогика сотрудничества и методика развивающая, поисковая.

Такие книги делаются не на заказ, а рождаются из потребностей самого преподавания. Они сами – элемент свободного творчества. И объединять их с заказными поделками обслуги полицейского, авторитарного, коррумпированного и т. д. «режима» – все равно, что называть единой социологической наукой отходы жизнедеятельности нынешнего ВЦИОМа и поиски Левада-Центра. Конечно, большое видится на расстоянии, а мелочи не всегда удается различить. Но мы-то – здесь! Поэтому, давайте приглядимся.

Вот самая крайность книжного ряда, продукт суеверной демократии, родившийся от непосредственного взаимодействия администрации когда-то президента Путина с группой восьми товарищей под редакцией А.А. Данилова и А.В. Филиппова «История России. 1900–1945» (М.: Просвещение, 2009) и «История России. 1945–2008» (М.: Просвещение, 2009; редакторы – те же двое плюс А.И. Уткин). Начинается творение с аксиоматических утверждений типа «Россия вступала в XX век в пятерке великих мировых держав, полная сил и имперского могущества», сталинская мобилизационная система стала «в целом эффективным средством решения задач...». Авторы стремятся передать читателям «нашу любовь к своей стране, ее истории, людям, лучшим представителям нашего народа». И уверяют: «в этом учебнике вы найдете ответы на многие вопросы» (История России. 1900–1945. С. 4–5). Поэтому, если в моих учебниках главы завершаются разделом «Подведем итоги, поставим вопросы», то ныне либо просто подводят итоги с однозначными выводами, либо выдают на гора вкладыш, коим завершают свой эпохальный труд. Этот вкладыш очень примечателен. В нем на шести страницах имя ушедшего Государя Владимира Владимировича упомянуто 26 раз, а Государя, вновь назначенного, Дмитрия – 9. Насколько помню, предыдущий рекорд принадлежал А.И. Микояну, который на XVII съезде ВКП(б) вспомнил о Государе Иосифе Виссарионовиче 41 раз. Но это ж когда было, товарищи! Ровно три четверти века назад. Вот она, любовь к лучшим людям, до чего в целом эффективно доводит.

Беру даниловско-филипповско-административные опусы как абсолютное зазеркалье

моим собственным. Между ними — несколько групп, спектр иных, не всегда переходных. Не ко всем подойдет контент-анализ — у них «иные логики». То есть — разные «по горизонтали» — эти книжки требуют и разных инструментов анализа. Но очевидны и различия временные — «вертикальные». Кто бы спорил — «на данный момент... устойчивая официальная интерпретация 1990-х гг. уже сформировалась» и присутствует в учебниках (с. 115). Но в работе Левинтовой и Баттерфилда упомянуты учебники и более ранних изданий — конца прошлого века. А между ними шла тогда не просто конкуренция, но и борьба различных интерпретаций. И я бы не сказал, что речь велась о «незначительных расхождениях». Это продолжалось до 2004 г., когда Путин лично приказал проверить академиком все и вся на предмет воспитания патриотизма и борьбы с очернительством. Если в начале текущего века ставка Власти делалась на коллектив Загладина (по словам которого, во избежание ошибок авторы *консультировались* с правительством), то с 2007—2008 гг. Власть, после длительных поисков наконец нашедшая специалистов по вкладышам, *реализовала свой заказ* с помощью беспринципных инженеров человеческих душ вроде Филиппова.

За исключением Кредера, все авторы пока еще живы. Поэтому можно было бы многое уточнить непосредственно у них.

Теперь поделюсь горьким учительским тридцатилетним опытом. Во-первых, большинство детей старших классов не читают учебников именно по указанным и вам интересным темам, хотя «темами» интересуются. И темы эти занудно представлены в учебниках, и авторы книг бездарны, и времени, да и желания нет весной ими заниматься (весна, с одной стороны, «пора любви», а с другой, пора подготовки к экзаменам, и вовсе не факт, что все бросаются сдавать ЕГЭ по истории, следовательно, «история не нужна»). Да дело и не в одних учениках, многие из которых параллельно начинают увлеченно готовиться и к выпускному балу либо вообще не успевают в школу. Учителя тоже не успевают — «прогнать программу XX и начала нового веков за один год. Потому что нереально всю историю человечества последнего столетия вбить в два часа в неделю, да еще и пройти 800-страничный «талмуд» от Филиппова. Это я к тому, что хотя в целом, конечно, «учебники истории являются одним из универсальных факторов политической социализации» (с. 115), но вот то, что «их содержа-

ние во многом предопределяет политическое мировоззрение современной российской молодежи» — сильное преувеличение именно касательно интересующих проблем интерпретации 90-х и прочих за ними годов. Сомневаюсь, что среди опрошенных «наших» «молодогвардейцев» все сплошь — «отличники боевой и политической подготовки».

Вообще-то особого разговора и анализа требует зрительный ряд учебников. Читать книгу — не читают, «не учат». Но картинки (особенно на обложках) смотрят. Взгляните на переплеты учебников. Вы узрите символы Власти. Книжка называется, скажем, «История Отечества», «История России», а под названием — гигантский Дом Правительства, заседание Государственного Совета, Кремль — вот Отечество авторов, завещанное ученикам.

Во-вторых, в учебном процессе (извините за выражение) учебник — далеко не единственный, а порой и не главный инструмент. Многие учителя работают без учебников (если кто помнит 70—80-е гг., учебники Ю.С. Кукушкина или обществоведения, то поймет: работать без подобных книг в старших классах — древняя традиция). Мои многолетние опросы показывают, что учебник (именно он, а не «школа»!) как источник информации никогда не поднимается выше третьей-четвертой позиции. Дело в том, что «источником» оказывается скорее учитель. У разных учителей, даже применявших одинаковые учебники, дети «выходят» разные. Опросите «лимоновцев», какие у них были «настольные пособия в школе», а потом будем делать выводы. Простой пример. Учебник Кукушкина для 9-го класса кончался «торжеством демократии» в связи с принятием Конституции 1936 г., а для 10-го начинался ее торжеством в связи со съездом партии в 1939 г. Но все дети знали о «37-м». А уж про «ботинок Никиты», Карибский кризис, больного Брежнева и т. п. «непечатные сюжеты» знали все. Даже и без учителей. А ведь сегодня учитель по «новейшей истории» может даже без «дедушек-бабушек» прокрутить парфеновский сериал «Намедни». Он станет источником информации вместе со школой и учителем, но без учебника. Или такая история (см. подробнее: *Зоркая Н. «Ностальгия по прошлому», или Какие уроки могла усвоить и усвоила молодежь // Вестник общественного мнения. 2007. № 3*): среди молодежи 18—24 лет (они только что окончили что-нибудь или еще учатся) 56% ничего не слышали или ничего не знают о секретных протоколах к советско-германскому пакту 23 августа 1939 г., а 62%

не знают или не помнят, что случилось 17 сентября 39-го (может, это и к лучшему, потому что до четверти опрошенных уверены – началась Вторая мировая). Это – опросы 2004–2005 гг. Тогда во всех учебниках названные сюжеты присутствовали, в госстандарты входили, о них уже 15 лет «звонили во все колокола».

Этим я намекаю, что поле анализа неизбежно должно быть шире для обоснованности выводов об эффективности обольщения и формирования подрастающего поколения. Осмелюсь предположить, что в Веймарской Германии будущие коммунисты, национал-социалисты, социал-демократы учились по единым учебникам. А что вышло?

В-третьих, кроме того, учителя всегда отваживаются работать по разным книгам. Скажем, до начала XX в. (по моим наблюдениям, не спору, ограниченным лишь Европейской Россией) не менее 5% учителей все еще пользовались советскими учебниками. Учебник вообще живет долго, поэтому и сейчас кое-где применяют и запрещенные учебники, учебники, выпавшие из федерального комплекта, вообще «негрифованную литературу». Хотя все это должно караться весьма строго. В любом случае учитель-пророк «предопределял» (и то не все, не «на все сто») и в брежневское, и в горбачевское, и в последующие времена «политические воззрения». По крайней мере, до поступления в вуз или ухода в армию. А учитель-зануда не предопределял ничего, кроме отвращения к предмету. Не разделяя «пророческой устремленности» и занудства, вынужден констатировать сию закономерность.

Поэтому не нахожу оснований соглашаться с тем, что, так как «молодежь формирует свое мнение» об эпохе 90-х «именно по учебникам

истории», не следует удивляться тому, «что политические фигуры и символы того времени пользуются такой низкой популярностью в молодежной среде» (с. 115). Учебник – любой – зеркало, ретранслятор. Как таковой он, естественно, отражает и своего создателя. Но прежде всего – окружающую среду, реальную жизнь. К тому же каналы воздействия и манипуляции несводимы к единственному. Политические фигуры и символы дискредитировали себя не на страницах учебников. Раз уж «многие из нас еще хорошо помнят первый постсоветский период», то должны бы не забывать, что и чеченскую войну, и «настоящего полковника» в шапке Мономаха (шапку-то – помните ли, Борис Николаевич в мемуарах рассказывал – все не знал, кому бы пристроить, все выбирал преемника, демократичный он наш), и авторитарный режим с коррупцией, и «пиратизацию России» «дедушка» «медвежатам» передал.

И сколько бы либеральные экономисты ни убеждали людей в том, что все их советские накопления деньгами не были, а 98-й г. стал благом для страны, родители нынешней «молодой России» помнят по-своему. Да и лучше им – сегодня, как и их детям, их учителям. Понятно желание либералов отделить путинскую Власть от дорогой им ельцинской эпохи, славным продолжателем которой они готовы назначить Молодого Государя. Но ничего нет нового под луной – все уже было в предпрошедших веках. Теперь-то уж как потешаются язычники над тем, как «истинные большевики» пытались отделить Ильича от Иосифовича, углядывая сквозь оттепельный туман в облике Никиты Сергеевича социализм с человеческим лицом. Все тщета и ловля ветра...

*И. Долуцкий
Февраль 2010.*

Екатерина ЛЕВИНТОВА

Джим БАТТЕРФИЛД

Ответ на письмо И.И. Долуцкого

Цитируем уважаемого Игоря Ивановича Долуцкого: после прочтения его письма нам «открылось, что написали мы совсем иную статью, нежели та», с которой полемизирует автор. В нашей статье мы рассматриваем процесс стандартизации школьных учебников по российской истории в путинский период. В нашем понимании стандартизация их содержания как раз и заключается в том, что все те учебники, которые не соответствовали новой, «канонической» версии развития России в 90-е гг., версии, одобренной Министерством образования Российской Федерации, были постепенно вытеснены из федерального комплекта одобренных и рекомендованных учебных пособий. Из более чем 40 различных изданий учебников, рассмотренных нами, только один отличался по смыслу, и это был как раз учебник Игоря Долуцкого, о чем мы и пишем в своей статье («Только один учебник – учебник И.И. Долуцкого – несколько отклонялся от “нормы”, но он исчез из федеральных комплектов после 2003–2004 учебного года»).

Наша статья – не об одном учебнике, который к тому же никогда не был опубликован гигантскими тиражами, о чем упоминает и сам уважаемый автор письма. Мы не задавались вопросом, почему и каким образом учебник И.И. Долуцкого был исключен из федеральных комплектов. Кроме того, предметом нашего исследования не являлся сравнительный анализ качества учебников и то, насколько лучше каждый из них отражает реальную историю России. Наша статья – уж точно не дискуссия об адекватных педагогических приемах, с которыми мы как преподаватели вузов, хоть и с более скромным опытом, чем уважаемый Игорь Иванович, полностью согласны. Конечно же, надо развивать критическое мышление и давать учащимся возможность ознакомиться с разными точками зрения, вне зависимости от предпочтений самого преподавателя. Наша статья не о том, что мотивирует авторов учебников писать о том, о чем они пишут в своих трудах, не о том, читают ли ученики учебники, и не о

роли учителя в этом процессе. Повторим, здесь мы во многом, практически во всем, согласны с уважаемым Игорем Ивановичем. Но для таких исследований у нас нет данных; методы, использованные нами при анализе учебников, не позволяют нам сделать выводы обо всех этих процессах и феноменах. Так же, как мы не можем на основании одного учебника, который к тому же отличается от остальных, сделать выводы о подавляющем большинстве учебников, опубликованных в путинский период. Для того чтобы ответить на многие вопросы, поставленные в письме, нужны были бы систематические посещения уроков истории в средних школах и интервью с учителями и учениками, что, как мы надеемся, будет осуществлено в будущем.

Тем не менее нам бы хотелось высказаться по поводу самой возможности научного изучения процесса усвояемости учебного материала, что советует уважаемый автор письма. По нашему мнению, это просто невозможно методологически. Само присутствие исследователя на занятиях, даже в качестве наблюдателя, влияет на процесс обучения. В таких случаях поведение и преподавателей, и учеников кардинально меняется. Учителя начинают, например, более строго придерживаться учебных планов, тогда как ученики могут более внимательно слушать лекционный материал и лучше его усваивать. Интервью с учителями и самими учащимися могут также не дать объективной картины, особенно в российских условиях, где уровень недоверия к официальным структурам все еще высок, а желание озвучить непопулярные точки зрения не велико. Даже тестирование самих учеников на предмет усвояемости ими конкретных учебных задач сопряжено с многочисленными проблемами, так как ученики получают информацию из многочисленных источников, а не только слушая учителей или читая учебники. Как и уважаемый Игорь Иванович, мы бы хотели знать объективные ответы на поставленные им вопросы, но на данный момент мы не располагаем необходимым для этого методологическим аппаратом. Возможно, эта дискуссия

будет продолжена, и уважаемый Игорь Иванович как педагог с более чем 30-летним стажем поможет социологам образования достойно справиться с поставленными им исследовательскими задачами.

С письмом И.И. Долуцкого порою трудно не согласиться, поскольку наши выводы в основном совпадают с его полемическими высказываниями. Многоуважаемый Игорь Иванович на первых страницах своего письма спорит не собственно с нами, а с Министерством образования РФ. Как его коллеги, мы можем только сожалеть, что его инновационный учебник не был признан соответствующим госстандартам. По существу, к нашему большому удивлению, статья была раскритикована именно по тем пунктам, по которым авторы согласны с Игорем Ивановичем. Безусловно, его учебник отличался

от других и не был утвержден в числе одобренных Министерством образования РФ. Но этот факт имеет только косвенное отношение к выводам статьи, анализирующей содержание еще 40 учебников, оставленных в федеральном комплекте. Эти учебники мало чем отличаются друг от друга и выражают государственную точку зрения на 90-е гг. прошлого века. Так же, как авторы учебников в идеале не выражают собственную позицию при описании исторических процессов, о чем пишет автор письма, мы тоже не даем оценочных высказываний по процессу стандартизации, мы лишь констатируем факт. Выводы же предстоит сделать самим читателям нашего исследования. Но мы уже благодарны И.И. Долуцкому за столь равнодушное прочтение нашей статьи.

*С уважением,
Екатерина Левинтова и Джим Баттерфилд
28 февраля 2010 г.*

АВТОРЫ НОМЕРА

БАТТЕРФИЛД Джим (Западно-Мичиганский университет, Каламазу, США)

БОРУСЯК Любовь Фридриховна (ГУ-ВШЭ)

ВАЛИАХМЕТОВ Рим Марсович (Институт социально-политических и правовых исследований Академии наук Республики Башкортостан)

ДОЛУЦКИЙ Игорь Иванович, независимый исследователь

ДУБИН Борис Владимирович (Аналитический центр Юрия Левады)

КОЛОЧАРОВА Елена Владимировна (Аналитический центр Юрия Левады)

ЛЕВИНТОВА Екатерина (Университет Висконсина, Грин-Бэй, США)

МИЦЕК Сергей Александрович (Гуманитарный университет, Екатеринбург)

МОРГУНОВА Анна Борисовна (Аналитический центр Юрия Левады)

МУХАМАДИЕВА Регина Робертовна (Институт социально-политических и правовых исследований Академии наук Республики Башкортостан)

ФЕДОТОВА Лариса Николаевна (Факультет журналистики МГУ)

ХИЛАЖЕВА Гульдар Фаритовна (Институт социально-политических и правовых исследований Академии наук Республики Башкортостан)

К ЮБИЛЕЮ АНАТОЛИЯ ГРИГОРЬЕВИЧА ВИШНЕВСКОГО

Представлять доктора экономики, действительного члена Российской академии естественных наук, руководителя Центра демографии и экологии человека РАН, директора Института демографии ГУ-ВШЭ Анатолия Григорьевича Вишневого как-то даже неловко и вряд ли нужно. Как специалист он известен по меньшей мере со времен выхода в свет его монографии «Демографическая революция» (1976), а поскольку А.Г. Вишневский по справедливости считается самым социологически ориентированным среди отечественных демографов, его близость Левада-Центру, нашему «Вестнику» и его читателям опять-таки не требует специальных пояснений. Вместе с тем мы не можем не высказать нашей профессиональной благодарности автору таких нужных социологам книг, как «Серп и рубль. Консервативная модернизация в СССР» (1998), «Русский или прусский? Размышления переходного времени» (2005), «Российская модернизация: Размышления о самобытности» (2008). Как не можем не поблагодарить Анатолия Григорьевича и его коллег за полезнейшие выпуски информационного бюл-

летеня «Население и общество», за богатый материал и важные соображения, неизменно содержащиеся в электронном ресурсе «Демоскоп Weekly», который он с сотрудниками деятельно поддерживает. Для нас всегда ценны контакты с А.Г. Вишневым, встречи с ним на рабочих симпозиумах и круглых столах, его выступления на ежегодной конференции нашего Центра.

Но, может быть, не все читатели «Вестника» знают о еще одной стороне творческой натуры Анатолия Григорьевича, а сам он себя хвалить не умеет и не имеет привычки. Скажем о ней сейчас: он — автор биографического романа-коллажа о жизни трех поколений одной российской семьи «Перехваченные письма» (2001, переиздана в 2008-м), который литературная критика ставит на одно из первых мест среди важнейших книг 2000-х гг.

Мы рады поздравить нашего коллегу и доброго друга с его семидесятипятилетием, пожелать ему всего наилучшего и уверить Анатолия Григорьевича в нашем неизменном интересе и пристальном внимании к его работе.

*Редколлегия журнала,
коллектив Левада-Центра*

SUMMARY

«The Special Way» and Social Order in Modern Russia (by Boris Dubin). The paper scrutinizes the construction and functions of the ideological stereotype («ideologeme») «the special way of Russia» that had started taking root in mass media and public opinion by mid 1990-s and became the main means of self-description and self-presentation of the Russians in the 2000-s. According to the surveys findings, the Russians distinguish the following most important and repeated meanings of the Russian «specialty»: differences in Western and Russian values and traditions; special role of the Russian State in its relationships with population; mass character of the Russian society as a whole; a special character of a person as an outcome of historical trials. The author shows duality of such beliefs (specialty manifests itself either as a collective reality or as a value measure of «ours») and suggests regarding them as a modal operator coordinating various aspects of the Russians' beliefs about collective «we» in relations with «others». In this sense the ideological stereotype of «a special way» is a systemic *restrictive mechanism* of the modernization processes that allows transforming and adjusting its «token» elements (values, institutions) in accordance with the requirements of the power, the objectives of its self-preservation on the one hand, and with masses habits, unwillingness for and rejecting any even slightly serious changes on the other hand. During recent 15 years the symbols and meanings of «the past», that is the Soviet past, have become the most important for the majority of Russians having become prevailing ones in the semantics of «the special way».

Ideologies and Strategies of Domination in the Discourse of Russian and Byelorussian Presidents (by Anna Morgunova). Employing the technique of discourse analysis and John B. Thompson typology of ideological domination strategies A. Morgunova examines by what ideological attitudes and rhetoric strategies the Presidents of the two nations, heads of super-presidential regimes, support in their public speeches in 2000–2010 the patterns of relationships

between the state and society that have been shaped during their Presidential terms. The analysis is made of the Presidents' beliefs about social and political systems of their countries, about wealth and poverty, the future and the present, the role of the West, the policy of the State, as well as about what and who hampers pursuing this policy («the legacy of the 1990-s», «oligarchs», «officials»). Similarities and differences in addressing and argumentation of the Presidents' discourses, changes in their rhetoric strategies with time are traced.

Political Identity in Sociological Dimension (by Elena Kolocharova). The concept of «political identity» is outlined in the article, two levels, individual and collective, being distinguished. The author analyses and generalizes the findings of Levada Center surveys dealing with population orientations to various types of governmental order, desirable relations in respondents' view between power and population, the need in «strong hand», comprehending freedom and responsibility by various groups of the Russians. The conclusion is made that nowadays the Russians' political identity is constructed not on the basis of commitment to some specific political principles, values or beliefs, goals or programs, but on the basis of a feeling of undifferentiated, non-rationalized belonging to the State and political whole, and much more seldom on personified liking for a single figure of the first person in the State representing this imaginable «whole».

Russia at the Turning-Point: Issues and Prospects (by Sergei Mitzek). The author analyses the situation in Russian economy in 2008–2010, the prospects for the way out of the present crisis and the phenomena preventing from achieving this goal fast (insufficiency of investments, low labour productivity, etc). It is pointed out that Russia, in comparison with other countries, experiences the general crisis most painfully for a number of reasons: chiefly raw materials export, substantial outward indebtedness. In addition, the process of the necessary trans-

formation of the present economic model is made difficult due to counteraction of a number of systemic factors such as bureaucracy, poor personnel policy, inadequate attention to the higher education system, science discrediting.

An attempt of Sociological Research of Suicide (by RimValiahmetov, R. Muhamadieva, G. Hilarzheva). The reasons and factors of committing suicides in Russia on the whole and in Bashkortostan in particular are viewed in historical perspective and at present time in Russia and in comparison with other countries on a vast amount of data from official Federal and regional statistics, findings of sociological research including specialized representative survey in Bashkortostan carried out by the Center of Social and Political Research, the Republic of Bashkortostan Academy of Sciences, in 2008 (1200 of urban and rural dwellers). The latter research showed that the issue of suicide is extremely acute for the Republic of Bashkortostan. The main risk groups are young and elderly citizens, rural dwellers (mostly men of working age), and the unemployed. The authors point out the most widespread social and individual reasons for committing suicides among the respondents' relatives.

«Good Old Movie» and Post-Soviet Television Experience (by Lubov Borusyak). Using the data of TV monitoring carried out by TNK Gallup Media and her own micro-surveys the author analyses the interest of mass TV audience to the Soviet cinema during recent 20 years, traces the changes in TV policy of this period (reorganization of NTV channel, etc). In this respect the paper by L. Borusyak develops and specifies the data and conclusions of Maria Pravdina's paper «The Soviet Cinematography as an Object of Modern Cultural Reception and Audience Attachment» published in «The Russian Public Opinion Herald», N 100(2), 2009. The author singles out a group of the Soviet movies pro-

duced at the Russian cinema studios, most often shown on TV and popular with DVD consumers. These are cinema versions of classical literature but more often comedies, especially by Leonid Gaidai and Eldar Ryazanov and thrillers about the Great Patriotic War, particularly serials («Seventeen Moments in Spring»). The demand for «good old» Soviet movies is viewed by the author as a wish of mass audience to keep at a distance from the problems and difficulties of the 1990-s, the process characteristic of the Russian society on the whole. The loss of wide audience interest to intelligentsia «problem» cinema and to perestroika «black» movies (the late Soviet and post-Soviet periods) is examined against this background.

Conversation of an Apprentice with a Teacher (by Larissa Fedotova). The complex of ideas about the phenomenon of public opinion, its structure and research methods in sociological legacy of Boris Grushin is reconstructed and specified in the article. The author dwells on relationship between public opinion and mass media, the influence of other sources of information about the events in our country and in the world, as well as other channels of discussing this information; the importance of studying and public presentation of opinions of both majority and minority of population in the society.

A Letter to the Editorial Board «On One Article» (by Igor Dolutskiy). The author disputes and clarifies some theses of the paper by **Yekaterina Levintova and Jim Butterfield** «Shaping History and Attitude to it» published in «The Herald», № 101, 2009. The reply of the authors is also published here.

In conclusion «The Russian Public Opinion Herald» and Levada Center congratulate outstanding Russian demographer Anatolyi Vishnevsky on his 75-year jubilee.

**ПОДПИСНОЙ КУПОН
ПОДПИСНОЙ КУПОН НА 2010 год**

на комплект из _____ номеров (№1, №2, №3, №4 – нужное вписать)

«Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии»

Стоимость 1 номера – 220 руб. (включая НДС 10%)

Мы перевели сумму* _____ (включая НДС 10%) за подписку на «Вестник общественного мнения: Данные. Анализ. Дискуссии» платежным поручением № _____ от _____ на расчетный счет

40703810100010000119 в банке «Кредит-Москва» (ОАО) г. Москвы.

Корр. счет **30101810700000000501** БИК **044583501** ИНН **7705466756**

Получатель: Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)

Просим выслать по адресу: _____

Куда. _____

Кому. _____

Телефон (e-mail) для связи _____

Предпочтительный способ доставки (почта, самовывоз)

Заполненный купон и копию платежного поручения отправьте, пожалуйста, по адресу: 125319, Москва, ул. Черняховского, д. 16, или на электронный адрес direct@levada.ru, или на факс (495)229-38-25

С 2009 года редакция осуществляет подписку на **электронную версию** журнала (файл формата PDF).

Стоимость подписки на один номер — 118 рублей (включая 18% НДС).

По всем вопросам подписки, пожалуйста, звоните по тел. (495) 229-38-10 или пишите на direct@levada.ru

* Стоимость подписки следует уточнить по тел.: (495) 229-38-10 или по электронному адресу

ORDER FORM

for 2009

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussion

1 issue – USD 22

1 year subscription (4 issue) – USD 88

January–March

April–June

July–September

October–December

Subscription fee for _____ issue Quarterly

USD _____ transferred to:

Beneficiary: Levada-Center, RUSSIA, Credit-Moscow

Bank. SWIFT code : CRMORUMMXXX

Acc. № 40703840400010000119

113054, Russia, 6-th Monetchikovsky, 8

Correspondent Bank: Commerzbank, Neue Mainzerstrasse 32-36, 60311, Frankfurt/Main, Germany

acc. № 400/8866709/00 SWIFT code: COBA DEFF

Please send the Journal to:

Name _____

Address _____

City _____

Please fax this order form to: +7(495) 229-38-25 or mail it to direct@levada.ru to Levada-Center, 16 Chernyakhovskogo Str, Moscow, 125319, Russia.

For further information, please contact us via email direct@levada.ru or by phone +7(495)229-38-10